

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

МАЙКЛ МУРКОК

ЛЕДОВАЯ ШХУНА или ЭКСПЕДИЦИЯ В НЬЮ-ЙОРК ПРИШЕЛЕЦ

**Научно-фантастические
романы**

МОСКВА
Объединение
"ВСЕСОЮЗНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР"
1992

ББК 84.4. Англ.

М 91

М 91 Муркок М.

Ледовая шхуна или экспедиция в Нью-Йорк. Пришелец; Научно-фантастические романы. Пер. с англ. – М.: Объединение "Всесоюзный молодежный книжный центр", 1992. – 320 с.

М 4703010100 – 038 Без объявл.
022(01) – 92

ББК 84.4. Англ.

ISBN 5-7012-0360-3

© Макет. Журнал "Измерение", 1992
© Составление. А. Согрин, 1992
© Оформление суперобложки. ТОО "МИМ", 1992
© Объединение "ВМКЦ", 1992

МУРКОК

Издатели, тиражирующие ныне сомнительного качества любительские переводы английского писателя-фантаста Майкла Муркока, не дают себе труда пролить свет на творчество этого интересного автора. Такая ситуация не случайна, так как во-первых даже в энциклопедии фантастики нет никакой дополнительной информации, кроме сухих цифр и дат, а во-вторых люди, присваивающие любительские переводы и подписывающиеся, как авторы их, как правило в глаза не видели первоисточники (все любительские переводы сделаны в Ленинграде, большинство же изданий Муркока на русском языке вышло в других городах СНГ). Попытаемся приподнять завесу тайны над Майклом Муркоком-личностью и Майклом Муркоком-писателем.

Этот совершенно неизвестный у нас в стране английский писатель-фантаст является автором 80 с лишним книг, среди которых произведения различных жанров: научная фантастика, фэнтези, гротескно-юмористическая фантастика, детективы, публицистика. Немногочисленные знатоки любительских переводов слышаны о Муркоке и знают его творчество достаточно хорошо, причем любой фэн может найти среди книг этого писателя произведение по вкусу.

Как человек Майкл Муркок - неординарная личность. Его интересы в жизни так же разносторонни, как и в творчестве; кроме литературной деятельности он находит время писать киносценарии (и фильмы, если судить по аннотациям, пользуются успехом), заниматься издательской деятельностью, составлять сборники фантастики, писать стихи и музыку для английской рок-группы "Хоквинд", а также выступать с ней на концертах. Известен альбом этой группы "Пламя новых миров" (1975), где Муркок выступает в качестве композитора и певца.

Майкл Муркок женат на н-ф-писательнице Хилари Бейли, они пишут в соавторстве, кроме того, Хилари помогает мужу издавать альманах "Новые миры".

Вообще личность Муркока довольно загадочна. Он не любит распространяться насчет своих биографических данных; в зарубежных энциклопедиях фантастики его фотографии хотя и

присутствуют, но черты лица невозможно разглядеть из-за огромной демисурсовской бороды. А однажды Муркок сфотографировался даже в театральной трагической маске, и только подпись объясняла, кто это.

Гораздо больше известно о творчестве этого писателя, и оно до сих пор является темой для монографий и диссертаций, так как Майкл Муркок считается родоначальником и патриархом "новой волны" западной фантастики, с представителями которой отечественные читатели уже знакомы — Роберт Сильверберг и Роджер Желязны.

Муркок родился в Лондоне 18 декабря 1939 года. В возрасте 18 лет он опубликовал свое первое профессиональное фантастическое произведение — повесть *"Рыцарь Соджан"* (1957) — в журнале комиксов *"Приключения Тарзана"*. Выбор издания был не случаен, так как, по собственному признанию, Муркок учился писать на произведениях Э. Р. Берроуза, влияние которых прослеживается почти во всех ранних книгах Муркока. Повесть *"Рыцарь Соджан"* оказалась удачной, и в течение нескольких лет Муркок активно сотрудничает с издательством *"Флитвей"*, задавая тон комиксам, издаваемым в нем — боевикам, вестернам, историческим приключениям. В соавторстве с известным писателем-фантастом Баррингтоном Бейли Майкл Муркок пишет повесть *"Мир на Земле"* (1959), вышедшую в декабрьском номере журнала *"Новые миры"*. В 1964 году он становится издателем этого журнала.

Одновременно к "коммерческими" произведениями, призванными популяризовать имя автора среди читателей, Майкл Муркок пытается писать и вещи философско-социального содержания, "для души". Самый первый полновесный роман *"Золотая барка"* был написан еще в 1958 году, хотя и был впервые опубликован лишь в 1979. Сам Муркок говорит об этом периоде своего творчества: "...Меня начали привлекать более тонкие литературные формы, и, издавая данную книгу (*"Золотая барка"* — М. Х.), я размышлял над тем, что могло случиться с моим творчеством, если бы И. Дж. Карнелл (издатель журналов *"Научная фантастика"* и *"Новые миры"* — М. Х.) не заказал мне первые рассказы об Эльрике и, тем самым, втянул меня в бесконечный процесс создания приключенческих произведений, из чего в итоге получилась по меньшей мере дюжина фантастических новелл и столько же фантастических романов".

Но, так или иначе, известность Майклу Муркоку принесла серия повестей о приключениях Эльрика из Мельнибонэ, импе-

ратора-колдуна, рыцаря-одиночки. Первая повесть из этой серии "Спящий город" была впервые опубликована в журнале "Научная фантастика" в июне 1961 г.; она и еще несколько повестей составили сборник *"Похититель душ"* — первую толстую книгу Майкла Муркока, вышедшую в свет в 1963 году.

С приходом на пост издателя "Новых миров" начинается новый этап в творчестве писателя. В западной научной фантастике в тот момент назрел глубокий кризис жанра, и требовались новые идеи, чтобы из него выйти. Молодой издатель "Новых миров" с энергией принимается за дело и приглашает сотрудничать новых малонизвестных тогда авторов — Лэнгдона Джонса, Чарльза Платта, Джорда Коллина, Томаса Диша, Роджера Желязны и Нормана Спинрада, чьи имена достаточно хорошо известны нынешним читателям.

Все вместе они разрабатывают теорию "новой волны" фантастики, принципов которой многие из вышеперечисленных авторов придерживаются и сегодня. Критики в то время посчитали "новую волну" небезинтересным явлением, но не придали ей особого значения. Между тем это направление фантастики внесло больший резонанс, чем можно было представить. В середине 60-х годов, в самый разгар движения хиппи Англия стала благодаря творчеству "Битлз", "Роллинг стоунз" и "новой волне" законодательницей молодежной моды и центром модернистских искусств. Именно в это время Майкл Муркок пишет первый роман из серии "Джерри Корнелиус" *"Последняя программа"* (1965). Главный герой романа, человек-антипод Джерри Корнелиус противопоставлен остальным людям во всем — от черного цвета кожи, снежно-белых волос и черной эмали зубов до принципов поведения и физиологии. Этот герой стал литературным воплощением мятежного духа хиппи, и неудивительно, что издательства Англии не осмелились печатать это произведение вплоть до его выхода в свет в США в 1968 году. После публикации Корнелиус стал "культовой фигурой", по роману был снят фильм, пользовавшийся успехом.

До 1973 года Майкл Муркок занимается изданием журнала "Новые миры" — сначала обыкновенного журнального формата, затем "ужавшегося" до размера покетабука. Писатель много работает: как издатель, как составитель сборников фантастики (известна серия сборников "Лучшее из "Новых миров"), а также как автор, причем часто печатается под псевдонимами Эдвард П. Бредбери, Десмонд Райд, Билл Барклай, Джеймс Колвин,

так как многие свои произведения печатает сперва в "Новых мирах". Хилари Бейли берет вскоре на себя обязанности издателя журнала, что позволяет автору полнее сконцентрироваться на творческой работе.

На первый взгляд может показаться, что произведения Майкла Муркока поверхностны, коммерциализированы. Действительно, большинство романов, относящихся к циклу "Вечный победитель", немного легковесны, хотя сильно выигрывают благодаря неумной фантазии автора и динамичному сюжету. Сам писатель так оценивает этот период своего творчества: "С одной стороны я жалею о времени, "потерянном" на создание книг, которые, честно говоря, не раскрывают в полном объеме моих талантов; с другой стороны мне кажется, что "ученическая пора" написания популярных произведений принесла мне определенную пользу. Я приобрел немало хороших навыков и усвоил приемы, типичные для школы "меча и колдовства" даже несмотря на то, что некоторые произведения были написаны наспех или без особого старания (хотя в них никогда не было цинизма). Кроме того, у меня появились друзья, такие, как Ли Брэкет (тоже оказавшая на меня влияние) и Эдмон Гамильтон, первыми словами которого при нашем знакомстве были: "Меня, случается, называют "Грозой планет", но вы пошли еще дальше — вы уничтожаете Вселенную!"

Как уже упоминалось выше, разрозненные издания произведений Майкла Муркока на русском языке вносят большую путаницу в представление читателей об упорядоченном творчестве этого писателя. Ни один из издателей до сих пор не взял на себя труд систематизировать то, что издавал. Попробуем же сделать это теперь.

Начнем с того, что почти все романы, повести и рассказы, которые Майкл Муркок написал до сего времени, в той или иной степени относятся к одному гигантскому суперциклу, названному западными критиками "Вечный победитель". Английское слово "champion" можно перевести и как "герой", и как "победитель", но второе значение кажется автору очерка более правильным, так как в каждом произведении главный герой что-либо побеждает — себя, обстоятельства, богов, время... Цикл получил начало уже в первой повести "Рыцарь Соджан", переработанной позднее в роман "Соджан" (1977). Название говорит о содержании — в книге читатель встречается со странствующим рыцарем и всеми атрибутами "рыцарского романа"

— добрыми и злыми волшебниками, драконами и тому подобным.

Вкратце идея цикла такова: согласно принципам “новой волны” существует множество измерений, миров, параллельных тому, в котором мы живем. Такие параллельные миры Муркок называл инкарнациями. В каждой инкарнации живет свой “победитель” — герой, сражающийся с силами зла. У каждого Героя есть друг, добровольный Спутник Героя, сопровождающий его во всех приключениях и авантюрах. По замыслу Муркока все инкарнации миров определенным образом связаны, связаны и Вечные Победители, и лишь Спутник Героев существует в единственном числе, перебираясь из романа в роман, из серии в серию с тем, чтобы быть рядом с Героем в самый нужный момент, занимая иногда место Героя в мире, где он отсутствует. Действие всех романов происходит в один конкретный отрезок объективного времени — в момент Слияния Миллиона Сфер (инкарнаций, измерений), когда сообщение между измерениями и отрезками субъективного времени, в котором живут разные Герои, наиболее упрощено. Глубинную суть явления Слияния Миллиона Сфер автор в ранних произведениях не раскрывает, она становится понятна позже, когда Муркок пишет серию романов “Танцоры в Конце Времени”.

Вечный Победитель Муркока не оригинален. Ему в полной мере присущи все качества, характерные для героев произведений западной культуры, воспевающих сильную личность, — Рэмбо и Конана-варвара. Он простоват, простодушен и целеустремлен, обладает крепкими мускулами и умеет обращаться с оружием. Из ситуаций, в которые он попадает благодаря своим душевным качествам, зачастую умудряется выбраться только с помощью своего друга.

Язык ранних произведений Муркока упрощен, что объясняется во-первых их характером (сплошные приключения), а во-вторых недоработанностью (по признанию самого автора “некоторые произведения были написаны насмех или без особого старания”). Многие из ранних произведений, как это видно из библиографии, приведенной ниже, впоследствии были переработаны и дополнены.

С другой стороны в более позднем творчестве Майкла Муркока явственно прослеживаются тенденции “академизации”. Сюжет становится филигранно продуманным, язык усложняется, намечаются жанровые рамки, отсутствовавшие раньше благодаря приверженности автора ранним принципам “новой

волны". В предисловии к первому изданию "Золотой барки" (1978) Муркок пишет: "...В настоящий момент, работая над "Глорианой", я склоняюсь к мысли, что надо с этим кончать (с легковесными произведениями цикла "Вечный победитель" — М. Х.), чувствуя, что настало время собраться с силами и взяться за новые свершения. Я люблю писать, но не могу писать долго в одном и том же духе. Подобная манера страдает слишком большими ограничениями. И к тому же и читатель, и писатель слишком часто путают жанр или содержание принимают за форму (вследствие чего научную фантастику "трудно определить", поскольку вообще не существует такой вещи, как научная фантастика, лучшие представители которой работают в весьма различных жанрах — сказка, аллегория и т.д.). Мне думается, я буду писать скорее в героическом стиле, нежели в стиле, предпочитаемом большинством современных романистов, наследников писателей-натуралистов, которые (за исключением Уэллса и еще одного-двух других) в основном уже забыты — это Петт Ридж, Артур Моррисон, Леонард Меррик и другие, — чьи работы были сильны своими документальными элементами, но слабы элементами воображения. Однако, форме свойственно меняться. Я стремлюсь к тому, чтобы соединить "эпический" рассказ с "психологическим" романом наподобие того, как это, мне кажется, удавалось моим любимым писателям викторианской и эдвардианской эпох (я имею в виду Теккерея, Диккенса, Мередит и Конрада). Таким образом, грубая аллегория должна уступить место ироничному натурализму".

В конечном итоге количество, по всей видимости, перешло в качество, и теперь Майкл Муркок пишет не более двух-трех произведений в год, в то время как раньше число его публикаций в год достигало десятка.

Но, несмотря на высказанные выше критические замечания, творчество автора притягивает внимание читателей. Чем? Прежде всего буйной, совершенно неумейной фантазией. Открыв первую страницу книги и отдавшись власти этой фантазии, читатель не успокоится, пока не прочтет книгу полностью. Гениальность Муркока (именно гениальность!) заключается в умении настолько круто закрутить сюжет, что кажется невероятным, как сойдутся концы с концами. Но они сходятся, причем элегантно, без "притянутости за уши". Какой талант надо иметь, чтобы написать сорок с лишним книг и держать в голове одновременно всех героев, переплестать сюжетные линии и все это подчинять одному глобальному замыслу.

Рассмотрим серии произведений Майкла Муркока, относящиеся к циклу "Вечный победитель".

Родоначальником цикла в целом стал роман *"Вечный победитель"* (1956), опубликованный в 1982 году московским издательством "Фея" в серии "Клуб любителей фантастики", ставший первым в серии, условно озаглавленной "Джон Дейкер". Герой серии, обыкновенный американец, наш современник с именем, давшим название серии, вопреки собственной воле оказывается призванным в отдаленное будущее, где защищает остатки вырождающегося человечества от различных напастей. На данный момент серия насчитывает 4 романа, написанные в разное время; кроме названного выше в нее входят: *"Феникс в обсидиане (Серебряные воины)"* (1970) (опубликованный в 1991 году московским издательством "Змей Горыныч"), *"Дракон в мече"* (1981), *"Мечи небес: цветы ада"* (1983). Подобное дописывание серий в творчестве Муркока является обычным делом; в ответ на многочисленные письма читателей таланта Майкл Муркок как-то сказал: "...Я "сжалюсь" и продолжу серию фантастических романов..."

Упоминавшаяся выше *"Сага об Эльрике"* на текущий момент полностью завершена и состоит из шести романов: *"Эльрик из Мельнибонэ (Город Мечты)"* (1972), *"Плывущий по морям судьбы (Глаза нефритового человека)"* (1976), *"Проклятье белого волка"* (1981), *"Исчезающая башня (Спящая колдунья)"* (1970), *"Проклятье черного меча (Похититель душ)"* (1977), *"Буреносец"* (1977). Серия "Эльрик" считается наиболее удачной среди других серий Муркока, написанных в жанре фэнтези; она переведена на многие языки мира. Герой ее, император Эльрик из островного государства Мельнибонэ ради спасения любимой женщины преодолевает неимоверные трудности, даже отдает на разграбление собственную страну. Но его любимая гибнет, и Эльрик становится странствующим рыцарем в надежде обрести когда-нибудь утешение. В процессе странствий Эльрик обзаводится сверхъестественным Черным Мечом, называемым "Буреносец", который обладает дьявольской способностью пить души людей и, благодаря этому, давать силу своему владельцу. Читатель, ознакомившийся с романом Муркока "Феникс в обсидиане", непременно найдет аналогию Буреносца с присутствующим там Черным Мечом. Как и Вечный Победитель, оружие его в каждом из миров Муркока имеет свою инкарнацию.

Серия "Корум" вряд ли нуждается в аннотации. Она состоит

из шести книг, и первые три *"Валет мечей"* (1971), *"Королева мечей"* (1972), *"Король мечей"* (1972) уже известны читателю, опубликованные Ленинградским издательством "Северо-Запад" в 1991 году. Вторая трилогия о Коруме *"Бык и копье"* (1973), *"Дуб и баран"* (1973), *"Меч и жеребец"* (1974) повеествуют о дальнейших приключениях Принца в Алой мантии, которого суеверные и недалекие мабдены называли Корум Серебряная Рука.

Серия "Дориан Хокмун" тоже уже аннотирована издательством "Северо-Запад", выпустившем в 1992 году первые четыре романа *"Драгоценность в черепе"* (1967), *"Амулет безумного бога (Амулет колдуна)"* (1977), *"Меч Зари"* (1968), *"Рунный Посох (Загадка Рунного Посоха)"* (1977). Почему-то остались без внимания последние три романа, завершающие серию: *"Граф Брасс"* (1973), *"Победитель Горатора"* (1973), *"Поход в Танелори"* (1975), хотя именно в них происходят самые интересные (с точки зрения любителя творчества М. Муркока) события — намечается связь с другими сериями цикла "Вечный победитель", появляются и действуют герои других книг автора.

Особо необходимо остановиться на серии "Майкл Кэйн", состоящей из трех романов: *"Воины Марса (Город Зверя)"* (1965), *"Клиники Марса (Повелитель пауков)"* (1965), *"Варвары Марса (Хозяева ямы)"* (1965). Хотя эти произведения и изданы уже на русском языке в Новосибирске в 1992 году (за основу взят неудачный любительский перевод), любопытствующему читателю наверняка небезинтересно будет узнать предысторию их создания. Изданные впервые, эти романы были подписаны именем Эдвард Повис Бредбери (один из псевдонимов Муркока). Почему, вполне понятно — уж очень и стиль, и сюжет этих произведений напоминает "марсианские" романы Берроуза (даже первые буквы псевдонима Э. Б. ассоциируются с именем Эдвард Берроуз). Отчего же молодой тогда еще писатель обратился к столь "заезженной" уже теме, благодаря которой вряд ли можно было заработать известность, ведь в шестидесятые годы многие западные писатели работали в стиле Берроуза — Джон Норман (серия "Гор"), Лин Картер (серия "Каллисто") и другие? Отчасти потому, что раннее творчество Муркока было, по его словам, навеяно "...энтузиазмом молодости, Хаггардом, Берроузом и Говардом". А отчасти, видимо, потому, что "лихие" романы Берроуза содержат кучу недоработок, иногда просто нелогичны, и любому думающему человеку, зачарованному размахом этого всемирно популярного писателя, хочется доде-

лать их, свести все концы с концами, довести до уровня настоящей научной фантастики. Чего стоит, например, способ, которым берроузовский Джон Картер попадает на Марс — совершенно невнятное отделение духа от тела с последующей материализацией на другой планете, — или способ размножения марсианских людей путем откладывания яиц в инкубаторы (об этом очень хорошо написал Ф. Фармер в серии "Многоярусный мир"). От союза марсианской девушки и земного мужчины вряд ли мог родиться ребенок. Подобных недостатков лишены романы Майкла Муркока, они по праву могут считаться научно-фантастическими и читаются вряд ли с меньшим интересом, чем произведения Берроуза.

Серия "Освальд Бэстейбл" до сих пор на русском языке представлена не была, хотя имеются любительские переводы. Это трилогия: "*Повелитель воздушных просторов*" (1971), "*Земля Левиафана*" (1974), "*Стальной царь*" (1981). Герой произведений серии, капитан британской армии, служащий в Индии, обнаруживает в затерянном полуразрушенном храме своеобразный "лаз" в иные, параллельные миры. Случайно пройдя сквозь него в первом романе, Бэстейбл попадает в мир, который "почти как наш", но пошел немного по другому пути развития — в технике место аппаратов "тяжелее воздуха" занимают дирижабли. Но история завершает очередной виток спирали: в конце романа на Хиросиму скидывают Бомбу, а Бэстейбл оказывается "выброшенным" в наш мир, который, строго говоря, тоже не является его собственным. Так из романа в роман герой путешествует по параллельным мирам, где с ним происходит множество интереснейших приключений, пока, наконец, мы не встречаемся с ним и его неизменной подругой Уной Перссон в романах серии "Танцоры в Конце Времени", где наши герои уже стоят во главе субвременной и субпространственной организации, напоминающей Патруль Времени Пола Андерсона и Вечность Айзека Азимова целями и методами. Правда чтобы узнать, для чего эта организация создавалась, и какие приключения пережили ее члены, необходимо ознакомиться с серией Майкла Муркока "Джерри Корнелиус".

Эта серия — самая большая, и о герое ее уже было сказано выше. Она состоит из романов: "*Последняя программа (Последние дни ушастого)*" (1965), "*Английский террорист*" (1972), "*Условие Мюзак*" (1977), "*Хроники Корнелиуса*" (1977), "*Жизни и времена Джерри Корнелиуса*" (1976), "*Приключения Уны Перссон и Катерины Корнелиус в двадцатом веке*" (1976), "*Природа*

катастрофы" (1971), "Лечение от рака" (1971). Названия произведений приведены в логическом порядке развития повествования, хотя писались, как это видно, в разное время. Существует довольно невнятный любительский перевод романа "Лечение от рака". Для знакомых с ним скажу, что прием сюрреализма, использованный в сюжете, характерен для ранних произведений о Корнелиусе. Более поздние романы серии написаны в другом "ключе". Само имя Джерри Корнелиус, естественно, уже напомнило внимательному читателю о другом герое Муркока, Джерри-а-Конеле, спутнике Корума. В еще одной своей инкарнации возникает спутник Вечного Героя в дилогии "Джерри Корнелл", состоящей из романов *"Китайский агент (Где-то в ночи)"* (1966), написанного под псевдонимом Билл Барклай, и *"Русская разведка"* (1978).

Выбор псевдонима не случаен и здесь, так как строгой фантастикой эти произведения не являются. Это детективы, написанные на первый взгляд в стиле Дюпена или Ната Пинкертона, но по сути являющиеся тонкой интеллектуальной пародией на детективный жанр в целом, что достигается введением в сюжет элементов фантазмагории и гротеска.

Творчество Майкла Муркока отмечалось престижной премией "Небьюла", которая в 1967 году была присуждена роману *"Се человек"*, первому в дилогии "Карл Глогер". Второй роман *"Завтрак в руинах"* был написан гораздо позднее, в 1972 году, и на этом автором была поставлена точка в исследовании теологических вопросов с точки зрения научной фантастики.

Переломным моментом в творчестве Майкла Муркока явилось опубликование "Золотой барки" в 1979 году. Автор так характеризует это произведение: "...Золотая барка" — это чистая аллегория, как и большинство моих последних работ. Все мои книги содержат какой-то процент аллегории (зачастую довольно небольшой) даже если на первый взгляд они кажутся совершенно прозаичными. В более поздних ирония все больше заменяется аллегорией. Аллегория — это нечто такое, что имеет различное содержание снаружи и изнутри. Ирония же предоставляет читателю довольно широкие возможности для различных интерпретаций. "Ключа" здесь быть не может. В определенном смысле книги о Корнелиусе, "Завтрак в руинах" и "Глориана" — ироничные сказки. Данная книга — их предтеча в большей степени, нежели предтеча произведений высокого романтизма, колдовства и рыцарства, на которых почти целиком основана моя ранняя карьера". После выхода в свет

“Золотой барки” М. Муркок, уже известный писатель-фантаст, переориентировал свое творчество, отдав теперь предпочтение интеллектуальной прозе.

Прекрасным примером позднего творчества автора является серия романов “Танцоры в Конце Времени”, дающая ответы на многие вопросы, возникающие у читателя при знакомстве с ранними романами цикла “Вечный победитель”. Серия состоит из следующих книг: романы “Чуждое тепло” (1972), “Пустые земли” (1974), “Конец всех песен” (1976); сборники повестей “Легенды из Конца Времени” (1976), “Трансформация мисс Минз (Мессия в Конце Времени)” (1977), “Эльрик в Конце Времени” (1984). Романы объединены общим героем — Джереком Карнелианом, — сборники повестей, многие из которых предвзрительно были опубликованы в “Новых мирах” под редакцией Хилари Бейли, являют собой “доработки” по теме. В целом эти произведения, как и многие последующие, написаны в почти незнакомом для отечественного читателя стиле викторианской фантастики, единственным известным представителем которого является Кристофер Прист и его роман “Машина пространства”, опубликованный издательством “Мир” в серии “Зарубежная фантастика”. Одну из повестей серии “Танцоры в Конце Времени” Майкл Муркок считает своим лучшим произведением: “...Тенденцией моего творчества в те дни было движение от фантазии к комедии. Комедийные образы могут замещать элементы, которые иначе были бы чисто фантастическими. Я называю “Бледные розы” своим любимым фантастическим произведением (когда меня спрашивают), а повести о Корнелиусе я не считаю фантастикой”.

Вслед за “Танцорами” последовала дилогия “Фон Бек”: “Пес войны и боль мира” (1981), “Бордель на Розенштрассе” (1982). Эти произведения хотя и написаны в стиле “рыцарского романа”, но выгодно отличаются от ранних романов автора основательностью и неторопливостью повествования. Изменился язык — теперь он тягуч, многословен, каким мог быть, если бы произведение писалось по времена, скажем, короля Артура. Да и проблемы, решаемые теперь героем, чисто человеческие.

На этом список серий Майкла Муркока, известных автору очерка, заканчивается. У представляемого писателя существует множество романов и сборников, не входящих в серии и, тем не менее, достойных внимания. С перечнем их можно ознакомиться в библиографии, приведенной ниже, и, к сожалению, нет возможности в данном очерке аннотировать их всех.

Майкл Муркок, английский писатель-фантаст, издатель, поэт, композитор и певец, патриарх “новой волны” и носитель идей хиппи стал чуть ближе нашему читателю. Познакомимся же с его творчеством.

Михаил Холодilin.

ЛЕДОВАЯ ШХУНА

или ЭКСПЕДИЦИЯ

В НЬЮ-ЙОРК

КОНРАД АРФЛЕЙН

Оставшись без ледового корабля, Конрад Арфлейн покинул Брершилл и на лыжах отправился через большое ледовое плато; он шел с твердым намерением решить для себя: умереть или жить дальше.

Во избежание компромиссного решения он взял с собой лишь небольшое количество еды и снаряжения, полагая, что если в ближайшие восемь дней выбор не будет сделан, то, так или иначе, он умрет с голоду и от изнеможения.

Как он понимал, для этого у него были веские причины. Хотя ему исполнилось всего лишь тридцать пять, и он был одним из лучших шкиперов на плато, в Брершилле капитанской должности ему уже не получить, а служить первым или вторым офицером под чьим-то командованием он не желал. Всего пятнадцать лет назад Брершилл обладал флотом численностью свыше пятидесяти кораблей. Теперь их осталось двадцать три. И хотя Арфлейн не обладал болезненной впечатлительностью юнца, единственной альтернативой службы в чужом городе оставалась смерть.

Так он и шел через плато по направлению к югу. Там, на юге, судов почти не было, и никто не сможет помешать ему.

Арфлейн был высоким, крепким мужчиной с густой рыжей бородой; сейчас она вся блестела от инея. Он был закутан в черный тюлений и белый медвежий мех. Для защиты от порывов ледяного ветра на голову накинута капюшон из кожи медведя; для защиты глаз от блеска отраженного льдом солнца он надел козырек из тонкой ткани, натянутой на каркас из костей тюленя. На бедре в ножнах висел короткий клинок, в каждой руке он держал по восьмифутовому гарпуну, которые являлись одновременно и оружием, и лыжными палками. Его лыжи представляли собой длинные полозья особой длины, вырезанные из кости большого кита. На них он мог развить приличную скорость и уже скоро оказался за пределами обычных корабельных курсов.

Его дальние предки были моряками, и Конрад Арфлейн тоже был ледовым шкипером. У него были такие же привычки, такой же независимый вид, то же самое выражение серых глаз.

Единственное различие между Арфлейном и предками заключалось в том, что им иногда приходилось уходить с моря на сушу, он же никогда не покидал лед: лед был повсюду.

Арфлейн знал, что в любом направлении его ждал лед: ледяные горы, ледяные долины и даже, хотя он только слышал о них, ледовые города. Лед постоянно менял свой цвет в соответствии с цветом неба; он был бледно-голубым, лиловым, цвета ультрамарин, фиолетовым, желтым и изумрудно-зеленым. Летом в расщелинах глубокие тени, отбрасываемые глетчерами и тротами, придавали им прекрасный вид, зимой же сверкающие ледяные горы и долины обладали грандиозным величием под хмурым, наполненным снегом небом. В любое время года пейзаж оставался неизменным: лед различной формы и цвета. Арфлейн был уверен, что пейзаж будет таким вечно, как вечен будет сам лед.

Большое ледовое плато, хорошо знакомое Арфлейну, полностью покрывало часть мира, ранее известную под названием Матто Гроссо. Ее горы и долины уже давно поглотил лед; плато достигало нескольких миль в диаметре, постепенно переходя к хаотичному нагромождению льда, окружавшему его. Арфлейн знал плато лучше любого другого; впервые он проехал по нему с отцом еще в двухлетнем возрасте, а хозяином стаксельной шхуны стал в двадцать один год. Его отца звали Конрад Арфлейн, как, впрочем, и всех мужчин его рода на протяжении вот уже нескольких сотен лет; и все они были судовладельцами. Всего несколько поколений назад семья Арфлейна обладала многими кораблями.

Ледовые корабли — большей частью торговые и охотничьи суда — представляли собой парусники, закрепленные на полозьях, подобных гигантским лыжам. Давным-давно корабли стали главным средством связи, существования и торговли для обитателей Восьми Городов плато. Эти поселения, расположенные в расселинах ниже уровня льда, обладали собственными флотами, а их власть напрямую зависела от размеров и качества судов.

Родной город Арфлейна, Брершилл, когда-то был самым могущественным из восьмерки, но его флот вскоре уменьшился, и теперь капитанов стало больше, чем самих кораблей. Фризгальт, известный соперник Брершилла, стал ведущим городом плато; он диктовал свои торговые цены, монополизировал охотничьи земли и скупал, как в случае с баркентиной Арфлейна, корабли других городов, не способных к конкуренции.

Спустя шесть дней после выхода из Врершилла, все еще не придя к решению, Конрад Арфлейн увидел медленно приближающийся темный предмет. Он остановился, пытаясь определить природу предмета; оценить его размеры было не на чем. Предмет мог быть чем угодно, начиная от раненного сухопутного кита,двигающегося на огромных мускулистых плавниках, до дикой собаки, отбившейся от стаи около теплых водоемов, где она охотилась за тюленями. Обычным состоянием Арфлейна было уединение и молчаливость, но на этот раз в его глазах промелькнуло некоторое подобие любопытства при виде странного предмета.

Угрюмые тучи, огромные, серые, тяжелые от снега, нависли над его головой, закрывая собой солнце. Подняв козырек, он смотрел на предмет, гадая, приблизиться к нему или идти дальше. Он пересекал плато не ради охоты, но если это был кит, Арфлейн мог добить его, вырезать свое клеймо и, сделав таким образом собственное будущее относительно безбедным, спокойно решить свою судьбу.

Нахмурившись, он воткнул гарпуны в лед и, оттолкнувшись, устремился вперед. Мускулы перекачивались под меховой курткой, за спиной подпрыгивал увесистый мешок. Его движения были экономичными и почти нервными.

На мгновение красное солнце пробилось сквозь завесу холодных туч, и лед засверкал, подобно бриллианту, до самого горизонта. Арфлейн понял, что на снегу лежит человек. Затем солнце вновь скрылось.

Арфлейн почувствовал себя обманутым. Кит, даже тюлень, могли принести ему хороший доход, от человека же не было никакой пользы. Еще больше возмутило его, что он сознательно выбрал этот маршрут, избегая контактов с людьми и кораблями.

Хотя и продолжая двигаться по безмолвному льду по направлению к человеку, он все еще хотел проехать мимо него. Этика ледовых полей позволяла ему не оказывать помощи другим: если человек умрет, совесть Арфлейна будет чиста. Трудно было вызвать чувство любопытства в Арфлейне, но коль оно появилось, его нужно было удовлетворить. Присутствие человека в этом районе было крайне редким явлением.

Подъехав достаточно близко, чтобы получше рассмотреть фигуру на льду, он медленно остановился.

Человек явно был едва жив. Изможденное лицо, руки и ноги лиловые от холода и страшно опухшие. На голове и руках за-

мерзли подтеки крови. Одна нога полностью вышла из строя. Остатки некогда богатых мехов были обмотаны вокруг тела полосками, седые волосы на непокрытой голове искрились от мороза. Это был старик, но его тело хотя и было истощено, выглядело крепким, широкоплечим. Человек продолжал ползти вперед с необычным животным упорством. Красные, полуослепшие глаза смотрели вдаль; большая голова с синими от мороза губами, застывшими в подобии усмешки, поворачивалась при каждом движении человека. Арфлейна он не видел. Мгновение Конрад Арфлейн постоял задумчиво над человеком, затем повернул было в сторону. Он чувствовал невольное восхищение этим живым мертвецом, хотя и не считал возможным вмешиваться в его борьбу. Он поднял гарпуны, готовый отправиться в путь, но, услышав за собой шум, обернулся. Человек упал на лед и полностью затих. До его смерти оставались считанные минуты. Повинуясь внезапному импульсу, Арфлейн вернулся к неподвижному телу. Положив один гарпун и упервшись в другой, он потряс человека за плечо.

— С тобой кончено, старик, — прошептал он.

Голова повернулась так, что он смог увидеть обмороженное лицо под прихваченной льдом гривой волос. Медленно открылись глаза, полные внутреннего безумия. Синие опухшие губы приоткрылись, и из горла вырвался хрип. Арфлейн задумчиво смотрел в бездумные глаза, затем, сняв и открыв мешок, он достал фляжку со спиртом. Неловко отвернув колпачок, он поднес горлышко фляжки к искривленному гримасой рту и влил туда спирт. Старик проглотил и, закашлявшись, задохнулся. Отдышавшись, он тихо произнес:

— Такое впечатление, что я горю, хотя это и невозможно. Перед тем, как вы уйдете, сэр, скажите, далеко ли до Фризгальта...

Глаза закрылись, и голова старика поникла. Судя по остаткам одежды и его акценту, умирающий был фризгальтийским аристократом. Но как он оказался здесь, один, без слуг? Может, на самом деле оставить его умирать в одиночестве? Арфлейн ничего не добьется, попытается спасти ему жизнь.

Старик уже почти мертв. К великим лордам Фризгальта, чьи ледовые шхуны почти полностью захватили плато, Арфлейн испытывал лишь презрение и ненависть. По сравнению с жителями других городов, фризгальтийская знать жила в роскоши, забыв о боге. Они открыто смеялись над учением о Ледовой Матери, сверх всякой меры перегревали свои дома, часто были

расточительны. Они отказывались занимать своих женщин простой ручной работой и даже дали им одинаковые с мужчинами права.

Арфлейн вздохнул и, вновь нахмурившись, взглянул на старого аристократа. Предубеждение к знати и чувство самосохранения уступало место восхищению упрямством и смелостью человека. Если старик потерпел кораблекрушение, то, само собой, он прополз не одну милю, прежде чем добрался сюда. Кораблекрушение — вот единственное возможное объяснение его пребывания здесь. Арфлейн пришел к решению. Достав из баула отороченный мехом спальник, он расстелил его прямо на льду. Неловко переступая на лыжах, он зашел человеку в ноги и, ухватившись за них, втянул старика в мешок. Крепко завязав спальник, он взвалил его к себе на спину и закрепил полосками кожи. С видимым усилием он навалился всем телом на гарпуны и начал долгий путь к Фризгальту.

Поднялся ветер. Высоко в небе он рвал в клочья тучи, открывая солнце. Лед казался живым, подобным рвущемуся к берегу прибою; черный в тени и красный в проблесках солнца, он сверкал и переливался. Плато казалось чем-то неясным, не имеющим границ, без видимого горизонта; казалось, что тучи переходят прямо в лед. Солнце уже садилось, до наступления темноты оставалось около двух часов, вряд ли было разумно продолжать путь ночью.

Он шел на запад, к Фризгальту, по пятам за скрывающимся красным диском солнца. Легкий снег и крошечные кусочки льда кружились над плато, подгоняемые, как и он, холодным ветром. Мощные руки Арфлейна методично поднимали и опускали гарпуны, ноги разъезжались на грубых лыжах.

Он шел, пока сумерки не перешли в ночь, а луна и звезды начали изредка показываться из-за разрывов туч. Замедлив движение, он остановился. Ветер стихал, его шум стал похож на отдаленные вздохи. Ко времени, когда Арфлейн положил тело старика на лед и поставил палатку, ветер и вовсе прекратился.

Затащив старика в палатку, он занялся обогревательным устройством. Насмотря на его надежность, Арфлейн не доверял ему, так же, как и открытому огню, который в своей жизни он видел лишь дважды. Устройство работало на небольших солнечных батареях; Арфлейн, как, впрочем, и любой другой, не понимал принципа их работы. Даже объяснение в старых книгах ничего не говорило ему. Предполагалось, что срок службы

батарей беспределен, но даже лучшие из них со временем сдавали.

Приготовив суп на двоих, он с помощью спирта привел старика в чувство.

Просвечивая сквозь износившуюся ткань палатки, луна освещала его ровным мягким светом.

Фризгальтиец закашлялся и застонал. Арфлейн почувствовал, что тот весь дрожит.

— Хотите немного супу?

— Да, если вы можете поделиться.

В слабом, содержавшем остатки былой силы, голосе прозвучало изумление.

Арфлейн приложил чашку к слабым губам. Поев, фризгальтиец поблагодарил его.

— Благодарю вас, достаточно.

Вновь поставив чашку на обогреватель, Арфлейн молча присел рядом. Первым заговорил фризгальтиец:

— Как далеко мы от Фризгальта?

— В десяти часах ходу на лыжах. Мы могли бы продолжить путь при луне, но у меня нет карты. Нет смысла пускаться на риск, выходя до рассвета.

— Конечно. Я думал, мы ближе, го... — Старик снова закашлялся, на этот раз слабее, затем едва слышно вздохнул. — Так просто ошибиться в расстоянии. Мне повезло, вы спасли меня. Благодарю. Судя по вашему акценту, вы из Брершилла. Почему?

— Не знаю, — отрезал Арфлейн.

В наступившей тишине он приготовился лечь на пол палатки. В его спальном мешке лежал старик, но если он не выключит, как обычно, обогреватель, вряд ли будет слишком холодно.

— Так необычно идти одному без карты по незнакомому льду, — вновь произнес слабый голос.

— Верно, — ответил Арфлейн.

После небольшой паузы фризгальтиец хрипло, явно собрав последние силы, произнес:

— Я — лорд Петр Рорсефн. Многие оставили бы меня умирать на льду, даже мои сограждане.

Арфлейн неохотно поблагодарил.

— Вы — благородный человек, — прежде чем, наконец, заснуть, добавил главный корабельный лорд Фризгальта.

— Возможно, всего лишь дурак, — произнес, покачивая головой, Арфлейн. Он лег на пол, положив руки под голову. Сжав на мгновение губы, он слегка нахмурился. Затем иронично улыбнулся. Как только он уснул, улыбка исчезла с его лица.

ЖЕНА УЛЬСЕННА

Спустя восемь часов после восхода солнца Конрад Арфлейн увидел Фризгальт. Как и все Восемь городов, тот располагался ниже уровня льда, врезанный в подножие широкой природной расселины глубиной около мили. Его главные здания были сложены из кусков скал, начинавшихся несколько сот футов ниже, хотя многие из складских помещений и верхних построек были сделаны из льда. На поверхности виднелась лишь небольшая часть города; единственное, что отчетливо просматривалось — это стена из ледяных блоков, окружавшая расселину и защищавшая вход в город от стихии и неприятеля.

Однако, точное расположение города указывал целый часток кол высоких корабельных мачт. Казалось, что прямо из льда вытянулся лес с симметричными деревьями, каждая ветка которых шла параллельно земле; густой, тихий, даже пугающий лес, бросающий вызов самой природе, воплощенная в жизнь мечта древнего геометра об идеально спланированном пейзаже.

Подойдя ближе, Арфлейн увидел пятьдесят или шестьдесят ледовых кораблей, бросивших на лед свои якоря. Их потрепанные непогодой фибергласовые корпуса несли на себе следы многовековых плаваний; многие детали заменены на изготовленные из природного материала. Оси якорей были из моржового клыка, леера — из китового уса, такелаж представлял собой смесь из нейлона, кишек животных и полос тюленьей кожи. Многие полозья также были сделаны из китового уса, как, впрочем, и рангоут, соединяющий их с корпусом.

На паруса шел подлинный синтетический материал, запасы которого, и немалые, были в каждом городе. И все же его расход был жестко ограничен. Все корабли, кроме одного, что был готов к выходу, полностью убрали свои паруса.

Фризгальтийский док впечатлял: двадцать кораблей в длину и три в ширину. Новых кораблей в нем не было. В мире Арфлейна их попросту не из чего было строить. Все корабли были основательно потрепаны внешне, хотя и оставались еще крепкими мощными судами.

Благодаря различным украшениям, сделанным многими поколениями экипажей и шкиперов, каждый из них имел свой неповторимый облик.

Мачты, такелаж, палубы были полностью усыпаны одетыми в меха моряками. Они нагружали и разгружали суда, производили ремонт и несли вахту. Тюки, перевязанные кожей, бочки и ящики были штабелями сложены около кораблей.

Под низким небом, сыпавшим мелким снежком, лаяли собаки, кричали люди, разносился неповторимый запах кораблей, смешанный с запахом масла и китового мяса.

В отдалении выстроились в линию китобои. Они всегда держались отдельно от остальных кораблей, матросы чурались компаний торговцев, что, впрочем, радовало экипажи торговых судов: китобои Северного и Южного льда выбирали весьма буйные способы развлечений. Все они были довольно крупные и, проходя с десятифутовыми гарпунами на плечах, не замечали ничего вокруг себя. У них были густые окладистые бороды; заплетенные косичками и смазанные китовым салом, что придавало им довольно свирепый вид. Их меха стоили немало, под стать тем, что носила знать; но обычно их вид не отвечал заплаченной за них цене. Большую часть своей карьеры Арфлейн провел шкипером на китобое и сейчас испытывал чувство товарищества с этими грубыми северными людьми.

В стороне от китобоев, большей частью трехмачтовых барков и баркентин, на покрытом маслом льду стояли суда всех типов и размеров. Здесь были маленькие яхты, используемые для работ внутри доков, бриги, бригантины, двухмачтовые двухтопсельные шхуны, катера и тендеры. Большинство торговых судов представляло собой трехмачтовые корабли с прямым парусным вооружением, но были среди них и двухмачтовые бриги и шхуны. По большей части их красили в коричневые, черные и зеленые цвета.

Все охотничьи суда имели черные корпуса с пятнами засохшей крови на них, свидетельствующими о многочисленных китовых боях.

К этому времени Арфлейн уже мог различить названия ближайших к нему судов. Он узнал, даже не читая вырезанные на борту слова. Ближе всех к нему стоял тяжелый трехмачтовый "Сухопутный кит" из Дйобхабна, самого южного города Восемерки, похожий на некогда обитавшего в море млекопитающего, много веков назад покинувшего постепенно захваченные льдом океаны и вновь вернувшегося на землю. У него был широкий нос, корпус постепенно сужался к корме. Он как будто присел на лед на коротких полозьях.

Рядом с ним стоял двухмачтовый бриг "Хейрфраст", назван-

ный именем мифического сына Ледовой Матери; с него сгружали тюленьи и медвежьи шкуры; видно, он только что вернулся из удачной охотничьей экспедиции. Другая двухмачтовая бригантина принимала бочки с китовым жиром, готовясь, как предположил Арфлейн, к торговому вояжу в другие города. Это была "Хороший ветер", нареченная так в надежде на удачу. Арфлейн знал бригантину, как ненадежный корабль, прошедший через руки многих владельцев. Тут же стояли и другие двухмачтовые бриги и двух- или трехмачтовые шхуны, каждая из которых была знакома Арфлейну. Он увидел баркентину "Катарина Ульсенн" и ее сестер "Настасья Ульсенн" и "Ингрид Ульсенн", принадлежавших могущественной фризгальтийской семье Ульсеннов и названных так в честь ее матрон. Был здесь и брершилльский "Попрыгунчик", и еще один брершилльский изящный барк-охотник "Медвежья ищейка". Два торговых брига из Чаддергальта, ближайшего соседа Брершилла, корабли из Дйобхабна, Аберсгальта, Фйорсгена и Кельтшилла, остальных городов Восьмерки.

В стороне от основной массы кораблей стояли китобойные суда. Внешне весьма потрепанные, они имели гордый и независимый вид. По традиции им всем давали парадоксальные имена: Арфлейн узнал "Милашку", "Верную любовь", "Улыбающуюся леди", "Нежное прикосновение", "Мягкое сердце", "Доброту", "Удачу", "Счастливое копье" и других с подобными именами. От кораблей исходил острый запах крови и мяса.

Так же вместе, но с другой стороны от китобоев, стояли ледовые клиперы, всем своим видом выражающие крайнее высокомерие. Это были быстроходные остроносые суда, фактически, короли плато, превосходящие остальные суда по скорости более, чем вдвое. Их корпуса, изящные на изящных полозьях, затмевали все вокруг себя; с их палубы без труда можно было заглянуть на полуют стоящего рядом судна.

Наиболее высоким и изящным из всех этих четырехмачтовых клиперов был флагман фризгальтийского флота "Ледовый дух". Его паруса были аккуратно свернуты; каждый дюйм корабля блестел вычищенной костью, фиберглассом, золотом, серебром, медью и даже железом. Элегантный парусник с четкими линиями, он немало удивил бы своего древнего создателя обилием украшений.

Его нос, бушприт и бак были украшены огромными продолговатыми черепами кашалотов. Клювоподобные пасти их очерились громадными зубами, свидетельствуя о мастерстве,

храбрости и мощи владельца, семьи Рорсефи. И хотя он был известен, как шхуна, на самом деле это был барк с прямыми парусами, следуя старой морской терминологии. В начале все большие клиперы несли косое парусное вооружение, но с приходом ледовой навигации оно оказалось малоприспособленным и уступило место прямым парусам. Старое же название шхуны осталось. На каждой из четырех мачт развевался большой флаг Рорсефных. Окрашенный полуязыческим художником в черный, белый, золотой и красный цвета, он олицетворял собой руки Ледовой Матери, окаймленные цветом медведя и кита — символами храбрости и жизни. Претенциозный флаг, подумал Арфлейн, поправив на спине полумертвую кошу, и зашагал по направлению к кораблям.

Едва он подошел к доку, как один из кораблей отдал швартовы, и его огромный парус наполнился ветром. Развернувшись по ветру, судно грациозно заскользило на больших полозьях. Остановившись, Арфлейн приветствовал пронесшийся мимо него корабль. Это была "Снежинка" из Брершилла. Полозья скрипели на гладком льду при каждом повороте рулевого колеса, осуществляемом вахтенным рулевым. Несколько моряков узнали Арфлейна и, повиснув на такелаже, ответили на его приветствие; остальные были заняты парусами. В чистом морозном воздухе он услышал голос шкипера, отдающего команды в мегафон. Проскочив мимо Арфлейна, судно увеличило парусность и прибавило ходу.

Проводив глазами уходящее на восток судно, Арфлейн испытал чувство горечи. Хороший корабль, один из тех, которые он с удовольствием принял бы под свое командование. Ветер наполнил паруса, и "Снежинка" неожиданно подпрыгнула. Испуганные этим прыжком, черные и белые коршуны, до этого спокойно кружившиеся над судном, дико закричали и взмыли вверх.

Арфлейн воткнул гарпуны в лед и заскользил на лыжах вперед, лавируя между кораблями, избегая провожающих его удивленными взглядами моряков, пробираясь к высокой ледяной стене, защищающей вход в город.

У главных ворот, по размеру достаточных, чтобы пропустить грузовые сани, выпрямившись, стоял охранник, держа в руках костяной лук со стрелами наготове. Это был светловолосый юноша с беспокойным лицом под откинутым на плечи меховым капюшоном, что явно выдавало в нем новичка.

— Ты не фризгальтиец и не торговец с корабля, — произнес юноша. — Что ты хочешь?

— У меня на спине лорд Рорсефн, — ответил Арфлейн. — Куда отнести его?

— Лорд Рорсефн? — охранник шагнул вперед и, опустив лук, заглянул в спальный мешок на спине Арфлейна. — А где остальные? Он мертв?

— Почти.

— Они ушли несколько месяцев назад — секретная экспедиция. Где ты нашел его?

— День пути на восток отсюда, — ослабив ремни, Арфлейн опустил старика на лед. — Я оставлю его тебе.

Подумав, молодой человек произнес:

— Нет, оставайся здесь до прихода моего сменщика. Ты должен рассказать нам все, что тебе известно. Может, нам придется посылать спасательную партию.

— Но мне нечем помочь им, — возразил Арфлейн.

— Пожалуйста, останься хотя бы для того, чтобы точно рассказать, как ты нашел его. Так будет намного проще.

Арфлейн пожал плечами.

— Мне нечего рассказывать, — нагнувшись, он потащил через ворота тело. — Но я обожду, если хочешь, пока мне не вернут мой спальник.

За воротами высилась вторая стена, сложенная из ледяных блоков, по высоте доходящая до груди человека. Заглянув через нее, Арфлейн увидел крутую тропинку, ведущую к первому уровню города. За ним, насколько хватало глаз, располагались другие уровни. На противоположной стороне расселины Арфлейн разглядел двери и окна домов жилого яруса. Многие из них были украшены затейливым орнаментом и барельефами, вырезанными из кусков скал. Более украшенные, чем жилые пещеры тысячелетие назад, эти допотопные дома весьма походили на первые постоянные укрытия далеких предков нынешних обитателей города. Возврат к такой форме существования был осуществлен несколько веков назад, когда стало невозможно строить дома на поверхности в связи с понижением температуры и повышением уровня льда. Первые обитатели расселин показали предвидение грядущих перемен, строя свои дома как можно ниже уровня льда и сохраняя таким образом тепло. Они же построили и ледовые корабли, зная, что при невозможности пополнения запасов топлива те будут наиболее практичным видом транспорта.

К этому времени подошел напарник уже знакомого Арфлейну охранника, он поднялся по узкому коридору от второго уровня к первому, одетый в белую медвежью шкуру и вооруженный луком и колчаном со стрелами. Он с трудом передвигался на шипованных сапогах, хотя они и облегчали подъем и спуск по обледеневшим переходам, оснащенным лишь кожаной полоской для ограждения от разверзнувшейся внизу пропасти.

Вновь прибывшему охраннику, старику с бесстрастным выражением лица, объяснили ситуацию, и он, молча кивнув, занял пост у ворот.

Присев на корточки, Арфлейн отстегнул лыжи, надел протянутые ему шипованные сапоги. Покончив с экипировкой, они подняли тело в мешке и начали осторожный спуск.

По мере их движения свет с поверхности льда становился все слабее. Они шли мимо мужчин и женщин, переносивших товары для торговли наверх, а запасы пищи и шкуры вниз. Некоторые из них узнавали лорда Рорсефна. Арфлейн и его спутник игнорировали вопросы встречных и продолжали путь во все сгущающейся темноте.

Немало времени прошло прежде, чем они доставили тело лорда Рорсефна к уровню, находящемуся посередине расселины. Он тускло освещался лампами, работающими на том же источнике энергии, который обогревал и жилые кварталы города. Источник этот располагался на самом дне расселины и был окутан религиозными слухами и догадками даже в среде фризгальтийской знати, обычно открыто высмеивающей мифы. Для ледовых жителей холод был естественным состоянием их окружения, тепло же являлось неизбежным злом, служащим для поддержания жизни.

На Земле Ледовой Матери тепла не было вовсе, оно не нужно там для поддержания вечной жизни тех, кто пришел туда после смерти. Тепло может уничтожить лед, что с уверенностью доказывало его зло. По слухам, температура на дне расселины достигала громадных значений; именно здесь те, кто оскорблял при жизни Ледовую Матерь, после своей смерти обращались в облачко пара.

Семья Лорда Рорсефна занимала целый ярус города по обеим сторонам расселины. Через пропасть был перекинут легкий мостик, сделанный из шкур и раскачивающийся и прогибающийся при переходе по нему. На другой стороне моста их ждал

средних лет мужчина с квадратным лицом, одетый в желтую ливрею прислуги Рорсефнов.

— Что это у вас? — угрюмо спросил он, полагая, что Арфлейн и охранник принесли товары на продажу.

— Твой хозяин, — слегка улыбнувшись, ответил Арфлейн.

Он испытал чувство удовлетворения, увидев, как при этой новости изменилось лицо привратника.

Засуетившись, тот пропустил их в низкую дверь с вырезанным на ней гербом Рорсефнов. Прежде, чем достигнуть приемного зала, им пришлось пройти еще две двери.

Большой зал был ярко освещен трубчатыми лампами, вделанными в стену. Здесь было жарко, и Арфлейн вспотел, ощущая физическое и моральное неудобство. Откинув капюшон, он распустил ремни плаща. Зал был богато обставлен: раскрашенные драпировки из тончайшей кожи на стенах, деревянные кресла, некоторые с матерчатой обивкой. Лишь однажды в своей жизни видел Арфлейн такое кресло. Кожа, как бы тонко она не была выделана, никогда не выглядела так утонченно, как увиденные им сейчас шелк и лен. Без сомнения, они на протяжении многих веков хранились где-то на складе; их соткали, когда его предки только пришли на поселение в южные ущелья, когда на суше еще была растительность, а не только в теплых водоемах и океане из богохульственной легенды. Арфлейн знал, что весь мир, включая звезды и луну, почти полностью состоял из льда. Однажды, следуя воле Ледовой Матери, даже теплые водоемы и скалистые пещеры, поддерживающие жизнь человека и животных, превратятся в лед — естественное состояние любой материи.

Привратник в желтой форме ушел, но тут же вернулся в сопровождении высокого мужчины ростом почти с Арфлейна. У него было тонкое лицо с поджатыми губами и голубыми глазами. Его кожа была белой, как если бы он ни разу не выходил на поверхность; на нем была одета красная куртка и крепкие черные брюки из мягкой кожи.

Остановившись рядом с бесчувственным телом Рорсефна, мужчина задумчиво оглядел его; затем, подняв взгляд, неприязненно посмотрел на Арфлейна и охранника.

— Очень хорошо, — произнес он. — Можете идти.

Тон сказанного возмутил Арфлейна. Он повернулся к выходу, ожидая, хотя и не желая этого, формальных слов благодарности.

— Останься, незнакомец, — произнес высокий мужчина. — Я имел в виду только охранника.

Охранник ушел, а Арфлейн смотрел, как слуги уносят тело старика.

— Мне бы хотелось получить назад мой спальник...

... Что с лордом Рорсефном? — перебил его мужчина.

— Возможно, умирает. Другой бы умер, но он, вероятно, выживет. В крайнем случае, потеряет несколько пальцев на руках и ногах.

Собеседник Арфлейна кивнул головой, не выказав при этом никаких чувств.

— Я — Янек Ульсенн, — сказал он, — зять лорда Рорсефна. Мы благодарны вам. Как вы нашли Лорда?

Арфлейн кратко объяснил.

Ульсенн нахмурился.

— Больше он ничего не рассказывал?

— Чудо, что он нашел в себе силы сказать то, что сказал.

Возможно, Арфлейну мог бы и понравиться старик, но никогда, и он знал это, не поправится Ульсенн.

— В самом деле? Ульсенн на мгновение задумался. — Хорошо, я прослежу, чтобы вы получили награду. Тысяча хороших медвежьих шкур устроит вас? Это была удача.

— Я помог старику из уважения к его смелости, — резко произнес Арфлейн. — Мне не нужна награда.

Ульсенн, казалось, на мгновение удивился.

— Что же вы хотите? Я вижу, вы из другого города. Вы не аристократ, что же... он явно смутился. — Невидано, чтобы человек, не ведающий кодекса чести, совершил то, что выпало на вашу долю. Даже любой из нас подумал бы, прежде чем спасти незнакомца.

В его последних словах прозвучал вызов; казалось, его возмущала сама идея спасения аристократа простолюдичом.

Арфлейн пожал плечами

— Мне понравилась его храбрость.

Он повернулся было к выходу, но в этот момент справа от него открылась дверь, и в зал вошла черноволосая женщина в тяжелом платье синего и желтого цветов. У нее было вытянутое бледное лицо, голубые глаза; в ее походке чувствовалась природная изящность. Вопросительно нахмурившись, она бросила взгляд на Ульсенна.

Коротко кивнув, Арфлейн взялся за дверную ручку. У женщины оказался нежный, даже слегка взволнованный голос.

— Ведь вы человек, спасший жизнь моему отцу?

Неохотно остановившись, Арфлейн обернулся к ней.

— Да, мадам, если он выживет, — бросил он.

— Это моя жена, — произнес Ульсенн.

Она приятно улыбнулась.

— Он хочет, чтобы я поблагодарила вас. Сам он выразит свою признательность, как только почувствует себя лучше. Он хотел бы, чтобы вы остались на это время здесь в качестве нашего гостя.

До этого момента Арфлейн не смотрел ей в лицо. Но сейчас, когда их глаза встретились, казалось, что она едва вздрогнула, но, впрочем, тут же овладела собой.

— Благодарю вас, — ответил он, — но, возможно, ваш муж считает излишним такое гостеприимство.

Жена Ульсенна бросила на мужа взгляд, полный сердитого удивления. Либо она была искренне расстроена обращением своего мужа к Арфлейном, либо действовала в пользу последнего. Если так, то Арфлейн был в полном неведении относительно ее мотивов; единственное, что он понял, — она использовала эту возможность, чтобы смутить своего мужа в присутствии незнакомого простолюдина.

Ульсенн вздохнул.

— Ерунда, он должен остаться, если так хочет ваш батюшка. Кроме всего, лорд Рорсефн — глава дома. Я прикажу Онвальду принести ему все необходимое.

— Может быть, наш гость предпочтет отобедать вместе с нами, — резко произнесла она.

В отношениях супругов четко проглядывала враждебность.

— Ах, да, — едва слышно пробормотал Ульсенн.

Устав от их перепалки, Арфлейн, взяв наизготовку всю свою вежливость, сказал:

— С вашего разрешения, я поем в отеле для торговцев и там же отдохну. Я слышал, что на шестнадцатом уровне хорошие отели.

Об этом ему сообщил охранник, когда они проходила мимо тех мест.

Женщина тихо произнесла:

— Пожалуйста, оставайтесь у нас. После всего...

Арфлейн кивнул и вновь посмотрел прямо на нее, пытаясь определить причину ее настойчивости. Эта женщина — не чета

своему мужу, решил он. Внешне она до некоторой степени напоминала своего отца; он подумал, что заметил в ней качества, которые восхитили его в старике; но сейчас он не хотел оставаться здесь.

Она избегала его взгляда.

— Что ж, кого спрашивать в отеле?

— Капитан Конрад Арфлейн, — грубо ответил он, — из Брершилла. Да хранит вас Ледовая Матерь.

Затем, коротко кивнув им обоим, он вышел из зала и прошел через все три двери, громко хлопнув последней.

“ЛЕДОВЫЙ ДУХ”

Вопреки своим привычкам Конрад Арфлейн решил обож-
дать разговора со стариком, прежде чем покинуть Фриз-
гальт. Он не знал, почему пришел к такому решению, но, если
бы его спросили об этом, причиной он назвал бы нежелание
потерять хороший спальник. Ни за что на свете он не признался
бы, что истинной причиной его задержки была Ульрика Уль-
сенн.

Большую часть времени он проводил, бродя наверху среди
больших кораблей. Будучи слишком упрямым, он не давал о
себе знать, ожидая, что Рорсефны сами найдут его.

Несмотря на сильную неприязнь к Янеку Ульсенну, Арф-
лейн думал, что понимает его лучше, чем любого другого фриз-
гальтийца. Ульсенн не был типичным представителем
фризгальтийской знати, забывающий суровый и надменный
кодекс чести своих предков. В других, более бедных городах,
старые традиции были еще живы, хотя тамошние торговые ко-
роли и не обладали могуществом Рорсефнов и Ульсенов. Арф-
лейн мог бы уважать Ульсенна хотя бы за нежелание того
смягчить, хоть и внешне, свою точку зрения. В этом у них было
что-то общее. Арфлейн ненавидел следы постепенного измене-
ния в своем окружении, полусознательно подмечаемые им.
Смягчение суровых, но разумных законов выживания в стране
льда иллюстрировалось даже его собственным поступком, когда
он оказал помощь умирающему старику. На этом пути посте-
пенной деградации их ждала катастрофа; только люди типа
Ульсенна могли бы предотвратить отказ от традиционных форм
и норм поведения, традиционной религии и традиционных
представлений. И не было другого пути сохранить возможность
жить в среде, абсолютно неподходящей для жизни. Как только
общество начнет гнить, подумал Арфлейн, Ледовая Матерь не
будет терять времени и сметет последних представителей чело-
веческой расы.

То, что Арфлейн стал героем в городе, было признаком се-
годняшней обстановки. За сто лет до того над его слабостью
лишь посмеялись бы. Теперь же они поздравляют его, понимая,
что покровительствуют ему, как покровительствовали бы храб-
рому животному, презирая его за силу и крайнюю бедность. Он

ходил в одиночестве, избегая встреч, понимая, что лишь укрепляет их мнение о себе, как о грубом варваре.

На третий день своего ожидания он с завистливым восхищением осматривал "Ледовый дух". Когда он, нагнувшись, пролезал под швартовочными концами, кто-то окликнул его.

— Капитан Арфлейн.

Недовольно посмотрев наверх, он увидел перегнувшегося к нему через бортовое ограждение человека с бородатым лицом.

— Не хотите ли подняться на борт и осмотреть корабль, сэр?

Арфлейн покачал головой, но в это мгновение перед ним на лед упала кожаная лестница. Он нахмурился, не желая связываться с фризгальтийцами, но в то же время испытал и жгучее желание подняться на палубу почти мифического в стране льда судна.

Быстро придя к решению, он ухватился за лестницу и поднялся на борт. Там его с улыбкой приветствовал бородатый мужчина, одетый в богатую куртку из меха белого медведя и прочные, тюленьей кожи, брюки — полуофициальную форму всех корабельных офицеров Фризгальта.

— Я подумал, что вы не отказались бы осмотреть корабль, сэр, — улыбка мужчины была открытой, без малейшего намека на снисходительность. — Моя фамилия Потчнефф, я второй офицер "Ледового духа".

У него было сравнительно молодое лицо с мягкими светлыми волосами, придающими ему довольно глупое выражение, но сильный и твердый голос.

— Благодарю, — ответил Арфлейн. — Но, может быть, сначала попросим разрешения капитана?

Командуя собственным кораблем, он строго придерживался такого порядка. Потчнефф улыбнулся.

— На "Ледовом духе" нет капитана, как такового. Обычно им командует лорд Рорсефи, а когда его нет на борту, кто-либо, назначенный им. В данном случае, думаю, он был бы не против.

Арфлейн слышал о таком порядке и был недоволен им; по его мнению у корабля должен быть постоянный капитан, человек, проводящий большую часть своей жизни на борту. Только так можно получить полное представление о корабле, понимая, что можно ждать от него.

На корабле было три палубы, главная, средняя и полуют, все довольно небольшие. Палубы были сделаны из фибергласса, с прибитыми к нему косяными рейками для лучшего сцепления ног с палубой. Большинство надстроек корабля было из

такого же фибергласса, изношенного бесчисленными переходами на протяжении необозримого числа лет. Некоторые корабельные двери и люки были заменены дубликатами из склеенных друг с другом больших пластин моржовых клыков с затейливой резьбой на них. Местами кость пожелтела и выглядела такой же старой, как и фибергласс. От ограждений к вантам тянулись линии — смесь нейлона, кишек и кожи.

Арфлейн посмотрел вверх, пытаясь получше определить размеры корабля. Мачты были такими высоким, что, казалось, исчезали где-то наверху. Он отметил, что корабль неплохо ухожен, каждый ярд и дюйм такелажа был настолько ровен, что он не удивился бы, увидев на вантах матросов, замеряющих углы гафеля. Паруса были туго свернуты, равномерно по всей длине. Это был прогулочный корабль, и Арфлейн чувствовал обиду, подумав, что слишком часто ходил на рабочих судах. Рядом с ним, также задрав голову, молча стоял Потчнефф. Свет дня изменился, став серым и холодным.

— Скоро пойдет снег, — произнес второй офицер.

Арфлейн кивнул. Ничто не нравилось ему больше, чем снежная буря.

— Корабль содержится очень аккуратно, — сказал он.

Заметив тон сказанного, Потчнефф ухмыльнулся.

— Вы хотели сказать, слишком аккуратно. Возможно, вы правы. Мы должны занять экипаж. У нас было немного шансов выйти на нем со времени отбытия лорда Рорсефна. — Через дверь моржовой кости он провел Арфлейна на среднюю палубу. — Сначала я покажу вам нижние помещения.

Каюта, куда они вошли, была обставлена намного роскошней, чем все каюты, виденные Арфлейном раньше. Тут стояли тяжелые сундуки, столы из китового уса и кресла с костяным каркасом, обтянутые тканью. Следующая дверь вывела их в узкий коридор.

— Это каюты капитана и его гостей, — объяснил Потчнефф, показывая на различные двери. — Каюта, через которую мы прошли, занимаю я и третий офицер, Кристофф Хинсен. Сейчас он на вахте, но хотел бы встретиться с вами.

Казалось, они будут идти вечно. Арфлейн начал было думать, что он потерялся в громадном, размером с город, лабиринте — так велик был корабль. Помещения для экипажа были чистыми и просторными. Сейчас они были полупусты, поскольку лишь небольшая часть команды находилась на борту, готовая в любой момент отправиться в путь по приходу

своего капитана. Большинство иллюминаторов были из натурального толстого небьющегося стекла. Проходя мимо одного из них, Арфлейн заметил, как темно стало на улице. Большими хлопьями на лед падал снег, снизив видимость до нескольких ярдов.

Как он завидовал Потчнеффу. Будь у Брершилла хоть одно такое судно, подумал Арфлейн, город вскоре вернул бы себе утерянное ныне положение. Возможно, он должен быть благодарен Фризгальту, что тот никак не использует "Ледовый дух", иначе вся торговля была бы в его руках.

Они поднялись на верхнюю палубу. Там стоял пожилой мужчина, казалось, не заметивший их появления. Он внимательно изучал расположенное на средней палубе рулевое колесо, но весь его вид показывал, что он целиком отдался своим мыслям. Наконец он обернулся к ним. Его борода заиндевела от снега, меховой капюшон почти полностью закрывал глаза. Куртку он застегнул на все ремни, и на руки надел рукавицы. На его плечах лежал снег; снег по-прежнему валил вовсю, затемняя дневной свет, мягко опускаясь на палубу, минуя весь такелаж.

— Это наш третий офицер, Кристофф Хинсен, — похлопав человека по плечу, произнес Потчнефф. — Встречай спасителя лорда Рорсефна, Кристофф.

Кристофф задумчиво кивнул Арфлейну. У него было хищное, похожее на коршуна лицо с круглыми глазами и изогнутым носом.

— Вы капитан Арфлейн. Вы командовали "Северным ветром"?

— Удивлен, что вам известно об этом, — рыкнул Арфлейн. — Я ушел с него пять лет назад.

— Ага. Помните корабль, который вы спихнули прямо на ледяные заторы к югу отсюда, "Таню Ульсена"?

Арфлейн рассмеялся.

— Помню. Мы гнались за стаей китов. Остальные выбыли из игры, остались только мы и "Таня". Поскольку "Таня" утонула в заторы, это путешествие оказалось довольно прибыльным для нас. А вы были на ее борту?

— Я был капитаном. Из-за вашего фокуса я потерял место. Тогда Арфлейн действовал согласно кодексу ледовых моряков, но сейчас он искал следы возмущения на лице Кристоффа. Их не было.

— Это были для меня лучшие времена, — сказал Арфлейн.

— И для меня тоже, — захихикал в ответ Кристофф. —

Наши победы, поражения в конечном счете, привели к одинаковому результату. Вы лишились корабля, а я — третий офицер на борту этой весь день не встающей с постели потаскушки.

— Она должна плавать, — оглянувшись, произнес Арфлейн.

— Ее стоимость раз в десять больше любого другого корабля.

— День, когда эта шлюха выйдет в рейс, будет днем конца света! — Кристофф с отвращением топнул ногой по палубе. — Знаете ли, однажды я попытался повторить ваш трюк. Я был вторым офицером на “Хейрфрасте”. Капитана захлестнул лить от гарпуна, и я занял его место. Вы знаете старого охотника “Хейрфраст”?

Арфлейн кивнул.

— Так вот, пока вы не почувствовали его, он тяжел в управлении, затем с ним чувствуешь себя легко и надежно. Через год или около того мы соревновались с двумя бригадами из Абергальта. Один перевернулся прямо перед нами, и, пока мы обходили его, второй вырвался вперед. Каким-то образом мы смогли достать его, и тут впереди по курсу я увидел заторы. Я решил попробовать загнать на них нашего соперника.

— И что же произошло? — улыбаясь, спросил Арфлейн.

— Мы оба влетели на них, у меня нет вашего чувства времени. За это меня списали на эту окаменевшую корову. Теперь я понимаю, что ваш трюк был намного сложнее, чем показалось мне вначале.

— Мне просто повезло, — сказал Арфлейн.

— Но вы успешно использовали эту тактику и раньше. Вы были хорошим капитаном. Обычно мы, фризгальтийцы, не признаем, что существуют моряки лучше, чем мы сами.

— Благодарю, — произнес Арфлейн, не в силах препятствовать лести старика. Он начинал чувствовать себя в компании этих людей все более свободно. — Насколько я помню, вы почти что вырвались из ловушки.

— Почти, — вздохнул Хинсен. — Сейчас плавание под парусами уже не то, что было раньше, капитан Арфлейн.

Арфлейн согласно кивнул.

Поттнефф улыбнулся и поднял капюшон, защищаясь от непогоды. Снег падал так часто, что было уже почти невозможно различить силуэты ближайших кораблей. Стоя в наступившей тишине, Арфлейн подумал, что во всем мире остались лишь они одни, настолько снег заглушал остальные звуки.

— Со временем мы все реже будем видеть такую погоду, — задумчиво произнес Поттнефф. — Теперь снег идет лишь раз в

десять-пятнадцать дней. Мой отец помнит, раньше снег шел так часто, что это длилось почти все лето. А зимой ветры были намного жестче.

Хинсен стряхнул снег с куртки.

— Ты прав, парень. Мир изменился с тех пор, как я был молодым, становясь все теплее. Через несколько веков, поколений, мы будем ходить на кораблях почти по голой земле.

Они рассмеялись собственной шутке.

Арфлейн чувствовал себя не в своей тарелке. Ему не хотелось нарушать приятное настроение, но молчать он не мог.

— Не говорите того, что не должна слышать Ледовая Мать, друзья. Кроме того, то, что вы говорите, — неверно. Так или иначе, климат меняется из года в год, но на протяжении многих лет становится все холоднее. Так должно быть. Мир умирает.

— Так думали наши предки и выразили свои идеи через веру в Ледовую Мать, — улыбаясь, сказал Потчнефф. — Но что, если Ледовой Матери нет вовсе? Предположим, что солнце разогревается все больше, и мир возвращается к своему прежнему состоянию. Что, если идея о том, что это всего лишь один период оледенения Земли из множества, верна? Об этом говорится в некоторых старых книгах, капитан.

— Я назвал бы это богохульственной чепухой, — резко ответил Арфлейн. — Вы сами знаете, что эти книги содержат многое такое, что заведомо неверно. Единственная книга, которой я верю, — книга Ледовой Матери. Она пришла из центра Вселенной, принесла с собой очистительный лед; в один прекрасный день она выполнит задачу, и все превратится в лед. Читайте, что хотите, говорите, что Ледовой Матери не существует, но вы должны признать — даже старые книги говорят о том, что тепло должно исчезнуть.

Хинсен бросил на него ироничный взгляд.

— Последователи Ледовой Матери говорят: “Все должно замерзнуть”, но, знаете, у нас, во Фризгальте, ученые наблюдают за погодой. Именно благодаря им мы обрели наше могущество. Они утверждают, что за последние два-три года уровень льда понизился; в один прекрасный день солнце разгорится с новой силой и растопит его. Они говорят, что солнце уже начало нагреваться, и животные двинулись на юг в ожидании перемен. Они учуяли новую жизнь, Арфлейн. Жизнь, подобную тем растениям, что мы находим в теплых разводьях, но обитающую на суше. Они полагают, что эта жизнь должна

появиться, что она уже появилась, возможно, на островах в море.

— Но морей нет!

— Ученые полагают, что мы бы не выжили, если бы где-нибудь не было моря и этих растений на островах.

— Нет! — Арфлейн отвернулся от Хинсена.

— Вы говорите “нет”? Но разум подсказывает, что это правда.

— Разум? — фыркнул Арфлейн. — В том, что вы говорите, нет логики. Вы всего лишь лепечете жалкое подобие идеи, в которую хотели бы верить. Ваш образ мыслей принесет вам несчастье.

Хинсен покачал головой.

— Я понимаю это, как непреложный факт, капитан Арфлейн. Мы становимся мягче, а вместе с нами и лед. Подобно тому, как животные унюхали новую жизнь, ее приближение почувствовали и мы, именно поэтому меняются наши представления. Я не хочу перемен. Я сожалею о них, потому что никогда бы не смог полюбить мир иной, нежели тот, что я знаю. Я умру в моем мире, но что потеряют наши потомки? Ветер, снег и лед, вид уносящейся прочь стаи китов, полет гаргуна, битву под красным солнцем, замороженным в голубое небо? Где все это будет, когда ледовая страна превратится в грязную землю с хрупкой зеленью на ее поверхности? Что будет с людьми? Все, что мы любим, будет забыто в этом грязном, горячем, нездоровом мире. Но он будет таким!

Арфлейн хлопнул по поручню ограждения, сбив с него снег.

— Вы безумец! Как этот мир может измениться?

— Может, вы и правы, — мягко ответил Хинсен. — Но то, что я вижу, — безумец я или нет — неизбежно.

— Вы будете отрицать законы природы? — насмешливо признает Арфлейн. — Даже глупец признает, что нечто, однажды остывнув, нагреться само по себе уже не сможет.

— Я понимаю ваши доводы. Но они обманчивы. Смерть, Кристофф Хинсен, лишь одна смерть неизбежна. Однажды уже были грязь, зелень, жизнь — я признаю это. Но они исчезли. Неужели, умерев и остывнув, человек вновь оживает со словами “Я умер, но теперь я жив”? Неужели вы не видите, как логика обманывает вас? Существует ли Ледовая Матерь на самом деле, или она всего лишь символ существующей реальности, ее следует почитать в любом случае. Иначе мы погибнем раньше, чем

следует. Вы думаете, я — одержимый религией варвар, но в том, что я говорю — истина.

— Я завидую вашему умению оставаться при своих убеждениях, — спокойно произнес Хинсен.

— А я сожалею о вашем ненужном фатализме.

Потчнефф смущенно тронул Арфлейна за руку.

— Может, мы продолжим осмотр корабля, капитан?

— Благодарю вас, — резко ответил Арфлейн. — Но я видел уже все, что интересовало меня. Это хороший корабль. Не дайте ему сгнить.

Не обращая внимания на озабоченного Хинсена, Арфлейн перешел на нижнюю палубу, перелез через ограждение, и, спустившись по лестнице, зашагал к подземному городу, утопая в снегу.

ГОСТИНИЦА “РАЗРУШИТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ”

После посещения ледовой шхуны, Конрад Арфлейн стал еще более нетерпимым в своем ожидании. До сих пор он еще не получил сообщения от Ульсеннов о состоянии лорда Рорсефна. Пока он не пришел к окончательному решению относительно своих собственных дел, он все более склонялся к мысли поступить на ближайший корабль из Брершилла, пусть даже младшим офицером.

Каждый день он приходил на причал гигантского дока, избегая подниматься на борт любых кораблей, включая “Ледовый дух”.

На четвертое утро ожидания на горизонте показался трехмачтовый бриг. Под всеми парусами он мчался навстречу доку, на его мачте развевался флаг Брершилла. Арфлейн улыбнулся, узнав в нем “Нежную девчушку”, китобой под командованием его старого друга, капитана Ярхана Бренна.

Казалось, что корабль ворвется в ту часть дока, где собралось большинство кораблей. Работающие там люди в панике бросились врассыпную, полагая, что судно вышло из-под контроля. Однако, когда до дока оставалось совсем чуть-чуть, судно быстро и точно повернуло по широкой дуге и, подняв рифы, заскользило в дальний конец строя кораблей, где уже стояли пришвартованные китобои. Арфлейн припустил по льду.

Тяжело дыша, он добрался до “Нежной девчушки” как раз в тот момент, когда с нее сбросили швартовочные концы вооруженным костылями и кувалдами швартовщиком.

Ухмыльнувшись, Арфлейн выхватил у удивленного швартовщика костяной костыль и тяжелый железный молоток и начал загонять костыль в лед. Дотянувшись до ближайшего линя, он натянул его и крепко привязал к костылю.

С палубы судна он услышал смех. Подняв голову, он увидел стоящего на краю палубы капитана Ярхана Бренна.

— Арфлейн! Неужели ты опустился до швартовщика? Где твой корабль?

Пожав плечами, Арфлейн иронично развел руками: затем, схватившись за швартовочный конец, он начал раскачиваться на нем. пока не ухватился за леер ограждения и, перебравшись через него, встал рядом со старым другом.

— Корабля нет, — ответил он. — Отдан за долги своего владельца фризгальтийскому торговцу.

Бренн соболезнующе закивал.

— Полагаю, что ты не последний. Тебе следовало бы остаться китобоем. Что бы там не случилось, для них всегда найдется работа. А ты до сих пор не женился? — ухмыльнулся он.

Бренн намекал на времена, когда шесть лет назад Арфлейн, желая угодить девушке, на которой хотел жениться, нанял торговую команду. Только после этого необдуманного шага он понял, что не хочет связывать свою жизнь с женщиной, предъявляющей к нему такие требования. Но вернуть своих китобоев было уже невозможно.

Грустно улыбнувшись, он вновь пожал плечами.

— С моим невезением, Бренн, сомневаюсь, что за эти шесть лет я смог бы выследить хотя бы одного кита.

Его друг был невысоким коренастым мужчиной с круглым румяным лицом и пушистой бородой. Он был одет в тяжелый черный мех, но голова и руки его были обнажены. Седеющие волосы были подстрижены слишком коротко для китобоя, но мозоли на руках мог оставить только гарпун. Бренн был известным шкипером в полях как Северного, так и Южного льдов. Сейчас, судя по такелажу, он охотился в Северных льдах.

— Не везет не только тебе, — с отвращением сплюнул Бренн. — Наши трюмы почти пусты. Два бычка и старая корова — весь наш улов. У нас кончилось продовольствие; я хотел продать груз и, пополнив наши запасы, попытаться счастья в Южных льдах. Все труднее искать китов на севере.

Бренн был одним из немногих, кто охотился как на севере, так и на юге. Большинство китобоев предпочитало охотиться в одном районе (поскольку специфика охоты была различна в разных районах), но Бренн никогда не обращал на это внимания.

— Неужели повсюду так плохо? — спросил Арфлейн. — Я слышал, что даже тюленей и медведей стало намного меньше, а моржей не видели уже два сезона.

Бренн поджал губы.

— С помощью Ледовой Матери невезение кончится.

Похлопав Арфлейна по плечу, он отправился на нижнюю палубу, чтобы проследить за разгрузкой нижнего трюма. По кораблю разносился запах китовой крови и ворвани.

— Взгляни на нашу добычу, — сказал он следовавшему

за ним Арфлейну. — Мы даже не свеживали их. Затащили на корабль и загрузили трюм целыми тушами.

Свеживание на жаргоне китобоев означало разделение туши кита на части. Как правило, кита разделявали прямо на льду, а затем куски туши при помощи лебедки загружали в трюм. Коль это не понадобилось, улов на самом деле был мизерным.

Ухватившись за натянутый трос, Арфлейн заглянул внутрь трюма. Несмотря на темноту, он смог разглядеть там замороженные туши трех китов. Этого вряд ли хватило, чтобы вновь обеспечить корабль продовольствием на длительный рейс к Южным льдам.

Бренн прокричал что-то матросам, и они начали спускаться в трюм по талям, спущенным туда с подъемных стрел корабля. Китобои были явно подавлены и работали черезвычайно медленно. В конце каждого рейса доход от улова делился между членами экипажа, доля каждого зависела от количества и размеров пойманных китов. Должно быть, Бренн просил экипаж отказаться от дележа небольшой добычи в надежде на богатый улов в Южном льду. Обычно китобои возвращались в док, имея кучу денег в кармане, тратя их напропалую. При безденежье они становились мрачными и задиристыми. Арфлейн понимал, что, сознавая это, Бренн должен приложить немало усилий, чтобы держать команду в подчинении во время стоянки во Фризгалте.

— Где ты остановился? — спокойно спросил он, наблюдая за появившимся над трюмом первым бычком. На туловище бычка виднелись следы четырех или пяти гарпунов. Его четыре больших плавника приходили в движение при каждом покачивании талей. Как и у всех молодых сухопутных китов, на его теле вырос пока лишь небольшой волосяной покров. Обычно киты обрастали жесткой шерстью к моменту созревания, в возрасте трех лет. В данном случае бычок достигал в длину порядка двенадцати футов и весил, должно быть, всего лишь несколько тонн.

Бренн вздохнул.

— У меня хороший кредит в “Разрушителе кораблей”. Каждый раз, останавливаясь здесь, я выплачивал хозяину небольшую сумму от полученной прибыли. Так что, по крайней мере, несколько дней мои люди будут неплохо устроены, пока мы вновь не выйдем в рейс. Все зависит от того, какую сделку предложат мне торговцы, и как скоро она состоится. Уже завтра я начну искать наилучшее предложение.

“Разрушитель кораблей”, как и большинство гостиниц для китобоев, был назван в честь знаменитого кита. Это был далеко не лучший отель во Фризгальте. Как раз наоборот, “верхнепалубная” гостиница на третьем сверху уровне, сложенная не из камня, а прямо из льда. Арфлейн понимал, что выбрал для своего вопроса довольно неподходящий момент. Бренн, должно быть, пустил в дело все свои сбережения, чтобы пополнить запасы продовольствия, полагаясь на удачу в Южных льдах.

Стрелы пронзительно закрипели, перенося тушу бычка через борт.

— Мы избавимся от них при первом же удобном случае, — сказал Бренн. — Возможно, кто-нибудь захочет их взять прямо теперь. Чем скорее, тем лучше.

— Принимай командование, Олаф, — закричал Бренн своему первому офицеру, высокому худому мужчине по имени Олаф Бергсенн. — Я иду в “Разрушитель кораблей”. Закончив, приведи команду туда. Ты сам знаешь, кого оставить на вахте.

Не меняя выражения мрачного лица, Бергсенн кивнул и по заditой кровью палубе отправился к месту разгрузки.

Под взглядами мрачных гарпунщиков, собравшихся рядом с фок-мачтой, Бренн с Арфлейном спустились по трапу на лед. По традиции только капитан мог покинуть судно до окончания разгрузки.

При входе в город охранник, узнав Арфлейна, пропустил их без вопросов. Они начали спускаться по тропинке. Тропинку густо усеивали мелкие осколки скалы, вмерзшие прямо в лед. Веребочное ограждение над обрывом изрядно вытерлось. На другой стороне расселины, чуть ниже, Арфлейн разглядел снующих вверх и вниз по тропинке людей. Почти на каждом уровне через пропасть пролегал веревочный мостик.

Во время спуска Бренн несколько раз молча улыбнулся Арфлейну. Поразмыслив, Арфлейн решил было покинуть своего друга в гостинице, но в ответ тот покачал головой.

— Мне не хотелось бы упускать случай поговорить с тобой, Арфлейн. Я переговорю с Флетчем, затем мы закажем пиво, я расскажу тебе о своих передрягах и выслушаю твой рассказ.

На третьем уровне было три гостиницы для китобоев. Пройдя мимо первых двух — “Короля Хердара” и “Убийцы Перса” — они подошли к “Разрушителю”. Как и в остальных гостиницах, дверной проем “Разрушителя” представлял собой огромную китовую челюсть, над которой висел небольшой череп кита.

Открыв обшарпанную дверь, они вошли в главную комнату гостиницы. Стены комнаты были задрапированы грубо выделанными китовыми шкурами. В воздухе стоял густой аромат эля, китового мяса и человеческого пота. Рядом с картинами, изображающими китов и китобоев на кораблях, на стенах висели гарпуны, копья, трехфутовые клинки с широкими лезвиями, используемые для разделки китов. Некоторые гарпуны были изогнуты самым причудливым образом, что напоминало о смертельной схватке человека с животным.

За тесно расставленными столами, расположившись на грубых скамьях, сидели китобои. Перед ними стояли кружки с пивом, полученным из растений, найденных в теплых водах. Пиво это было чрезвычайно горьким, и лишь китобои могли пить его, не выражая признаков отвращения.

Арфлейн с Бренном протиснулись к маленькой стойке, в углу которой расположился человек, вставший при их появлении.

До этого Флетч, хозяин "Разрушителя кораблей", долгие годы был китобоем. Ростом выше Арфлейна, он невероятно разжирел. У него был один глаз, одно ухо, одна рука и одна нога, как если бы однажды гигантский нож прошелся с одного его бока. Свои органы он потерял в схватке с китом, прозванным "Разрушитель кораблей", в которого он первым вонзил гарпун. Кита все-таки забили, но Флетч навсегда выбыл из игры и на свою долю купил гостиницу. В память о добыче он назвал гостиницу ее именем.

В качестве компенсации из китовой кости он сделал себе протезы, треугольник китовой шкуры закрывал его пустую глазницу.

Взглянув уцелевшим глазом сквозь напластования жира, он поднял руку, приветствуя посетителей.

— Капитан Арфлейн, капитан Бренн.

У него был высокий неприятный голос, к тому же едва слышимый, как будто бы он с трудом пробивался сквозь жир, окружавший глотку человека. При разговоре многочисленные подбородки слегка двигались, но различить, с каким чувством он их приветствовал, было едва ли возможно.

— Доброе утро, Флетч, — сердечно произнес Бренн. — Ты помнишь пиво и жратву, которыми я снабжал тебя все это время?

— Помню, капитан Бренн.

— Мне нужен кредит на несколько дней. Моим людям нужна еда, спиртное и шлюхи до тех пор, пока я не буду готов отпра-

виться к Южным льдам. Мне не повезло на севере. Я прошу тебя вернуть мне лишь то, что ты должен, не более.

Разжав толстые губы, Флетч подвигал челюстью.

— Ты получишь это, капитан Бренн. Ты не раз выручал меня в трудные времена. У твоих людей будет все, что ты просишь. Бренн облегченно улыбнулся. Казалось, что он ждал отказа.

— Мне нужна комната для себя, — сказал он и повернулся к Арфлейну. — Где ты остановился, Арфлейн?

— У меня комната в гостинице несколькими уровнями ниже этой, — ответил тот.

— Сколько человек в твоей команде, капитан? — спросил Флетч.

Бренн ответил на этот и другие вопросы хозяина. Расслабившись, он окинул гостиницу взглядом, остановившись на нескольких картинах.

В это время из-за соседнего стола поднялся мужчина и, сделав несколько шагов, остановился рядом с ними.

В одной руке он держал тяжелый массивный гарпун, другую положил на бедро. Даже при столь слабом освещении было заметно, как сильно потрепали его лицо ветер, солнце и мороз. Кожа плотно обтянула кости черепа, выдававшиеся подобно шпангоутам корабля. У него был длинный узкий нос, под правым глазом проходил глубокий шрам, еще один шрам был на левой щеке. Черные волосы уложены наподобие усеченной пирамиды. Его странная прическа была смазана свернувшейся ворванью, распространявшей вокруг себя сильный запах.

— Я слышал, вы собираетесь идти к Южным льдам, шкипер? — произнес он глухим грубым голосом.

— Ага. — Бренн оглядел мужчину с ног до головы. — Но моя команда укомплектована полностью, по крайней мере настолько, как я могу позволить себе в смысле финансов.

Мужчина кивнул и, поведив языком, сплюнул в плевательницу рядом со стойкой, сделанную из небольшого китового черепа.

— Я не прошу места, шкипер, напротив, капитаны сами просят меня идти к ним. Я — Уркварт.

К этому времени Арфлейн уже узнал мужчину, но Бренн до этого ни разу не встречался с ним. Выражение его лица резко изменилось.

— Уркварт Длинное Копье. Я полныцен встречей с вами.

Уркварт был величайшим гарпунщиком за всю историю ле-

довой страны. Поговаривали, что он самолично убил более двадцати китов.

Как бы принимая комплимент, Уркварт слегка наклонил голову. Снова сплюнув, он задумчиво оглядел китовый череп.

— Я — человек Южных льдов. Слышал, что вы в основном охотитесь на севере?

— Как правило, — согласился Брени. — Но я знаю, что на юге не хуже.

В его тоне слышались нотки изумления, хотя из вежливости, либо по другим причинам, он не спросил, почему Уркварт обратился именно к нему.

Обхватив гарпун большими костистыми руками, Уркварт закусил губу. Длина гарпуна достигала десяти футов; на его конце висело большое металлическое кольцо, к которому привязывался лить.

— В этом сезоне многие северяне отправились на юг, — сказал Уркварт. — Но рыбы оказалось не так уж много, капитан.

Китобой, в особенности гарпунщики, часто называли китов “рыбой”, выражая тем самым пренебрежение к гигантским животным.

— Вы хотите сказать, что и там плохо с охотой? — помрачнел Брени.

— Не так плохо, как на севере, — медленно произнес Уркварт. — Говорю это вам, потому что вы, похоже, собрались идти на риск. Я видел многих шкиперов, и часто довольно неплохих, поступивших так же. Говорю вам по-дружески, капитан Брени, удачи нет ни на севере, ни на юге. За весь сезон ни одного приличного стада. Рыба уходит далеко на юг, за пределы нашей досягаемости. Корабли преследуют ее все дальше и дальше, так что скоро запасов продовольствия уже не будет хватать на весь рейс. — Помолчав, Уркварт добавил: — Рыба уходит.

— Почему вы говорите мне об этом?

— Потому что вы друг Конрада Арфлейна, — ответил Уркварт, не глядя на Арфлейна.

Арфлейн был поражен.

— Вы не знаете меня...

— Зато я знаком с вашими поступками, — пробормотал Уркварт, глубоко вздохнув.

Медленно повернувшись, пружинящим шагом он направился к дверям и, нырнув в них, исчез.

Бренн фыркнул и переступил с ноги на ногу. Нахмурившись, он посмотрел на друга.

— О чем он говорил?

Арфлейн откинулся на стойку.

— Не знаю, Бренн. Но если Уркварт предупреждает, что на юге дела идут плохо, к этому стоит прислушаться.

Бренн невесело рассмеялся.

— Я не могу себе позволить прислушаться к этому, Арфлейн. Всю ночь я буду молить Ледовую Матерь в надежде, что она подарит мне удачу. Это все, что в моих силах!

Его голос сорвался почти до крика.

Флетч поднялся за стойкой, похожий на ужасного зверя, наблюдая за ними единственным глазом. Бренн потребовал китовый бифштекс с семенами сека и бочонок пива к нему.

Позже, когда пришли люди Бренна, обрадованные, что Флетч обеспечит их всем необходимым, Арфлейн уже сидел за столом напротив Бренна. Время от времени они наполняли кружки из стоящего рядом бочонка с пивом.

Вопреки ожиданиям, пиво не улучшило их настроения, хотя Бренн и пытался не подавать вида, когда к нему обращался кто-то из обитателей гостиницы.

Наклонившись к столу, Арфлейн произнес:

— Уркварт — паникер, если не сумасшедший. Во всем ему мерещится неудача. Я здесь уже несколько дней, и я видел, как разгружают улов. Конечно, он меньше, чем раньше, но не намного. У нас обоих бывало так. Случалось, что так продолжалось несколько сезонов, но затем к нам снова приходила удача. Владельцы волновались, но...

Бренн оторвался от кружки.

— Послушай, Арфлейн, теперь я сам себе хозяин. "Нежная девчушка" принадлежит мне. Я купил ее два сезона назад, — он вновь грустно рассмеялся. — Я думал, что поступаю разумно. У меня нет выбора. К тому же команда согласна рискнуть вместе со мной. А что теперь? У них всех, как и у меня, жены и дети. Передать им слова Уркварта?

— Не стоит, — тихо произнес Арфлейн.

— Куда уходит рыба? — произнес Бренн, поставив кружку.

— Что происходит со стадами?

... Уркварт сказал, что они идут на юг. Возможно, что выигрывает тот, кто поймет, как, гоняясь за ними, выжить, обходясь лишь тем, что он найдет во льдах. Там, на юге, теплые водоемы...

— Помогут ли они мне в этом сезоне?

— Не знаю, — Арфлейн вспомнил о разговоре на борту “Ледового духа” и помрачнел.

В зале появились шлюхи Флетча. Хозяин никогда ничего не делал наполовину. Для каждого, включая Арфлейна с Бренном, была девушка. К ним подошла восемнадцатилетняя Катарина, младшая дочь Флетча. За руку она держала симпатичную темноволосую девушку. Ее она представила, как Маджи.

— Вот кто растормошит тебя, — веселым голосом произнес Арфлейн.

Призвав к себе опьяневшую Маджи, Брени откинулся, оглушительно хохоча над собственной шуткой. На другой стороне перебирая пальцами волосы Катарины, улыбался Арфлейн. Катарина по своей натуре была доброй девушкой, инстинктивно она делала все, чтобы помочь мужчине расслабить напряженные нервы. Маджи подмигнула Бренну. Женщина преуспела там, где потерпел неудачу Арфлейн, пытаясь вернуть Бренну его природный оптимизм.

Час был поздний. В спертом и жарком воздухе гремели голоса пьяных китобоев — экипаж Бренна был не единственными постояльцами в “Разрушителе кораблей”.¹ Здесь же разместились команды с двух других кораблей из Фризгальта. Находишь здесь южане — быть потасовке, но эти северяне, казалось, ладили с людьми Бренна.

Наполнив кружку, Арфлейн приготовился слушать новый рассказ Бренна.

Внезапно отворилась входная дверь, впуская поток холодного воздуха, что заставило Арфлейна поежиться. В зале воцарилась тишина. Дверь с шумом захлопнулась, и между столами прошел мужчина среднего роста, закутанный в тяжелый плащ из тюленьей шкуры.

Он не был китобоем.

Это было видно по покрою плаща, по манере ходить, по качеству одежды. Его черные короткис волосы были подстрижены челкой над самыми глазами. На правой руке его был браслет и серебряное кольцо. Он шел небрежно, хотя и с некоторой долей осторожности, иронично улыбаясь уголками рта. Он был красив и довольно молод. Наконец он приветственно кивнул наблюдавшим за ним морякам.

Одни из гарпунщиков, коренастый детина, рассмеялся в лицо юноше, его примеру последовали и другие. Подняв брови и наклонив голову, юноша холодно посмотрел на них.

— Я ищу капитана Арфлейна, — в мелодичном голосе юно-

ши явно слышался акцент фризгальтийского аристократа. — Я слышал, что он здесь.

— Арфлейн — это я. Что вы хотите? — Арфлейн враждебно оглядел юношу.

— Я — Манфред Рорсефн. Могу я присоединиться к вам?

Арфлейн пожал плечами, и Рорсефн сел на скамью рядом с Катариной Флетч.

— Выпейте, — Арфлейн придвинул свою кружку. При этом он отметил, что уже довольно сильно пьян. Открытие заставило его замереть и потерять лоб. Рорсефн покачал головой.

— Нет, благодарю вас, капитан. Я не в питейном настроении. Если можно, мне хотелось бы поговорить с вами наедине.

Почувствовав внезапное раздражение, Арфлейн произнес:

— Нет, мне нравится компания моих друзей. А что делает Рорсефн в такой забегаловке?

— Очевидно, ищу вас, — театрально вздохнул Манфред Рорсефн. — Причем, ищу вас даже в такой поздний час — настолько это важно. Однако, я вернусь сюда утром. Извиняюсь за вторжение, капитан.

Он бросил циничный взгляд на Катарину.

Направившись к двери, он споткнулся о выставленный кем-то в проход гарпун. Он попытался удержаться на ногах, но еще один гарпун ударил его в спину. Под хриплый смех китобоев он упал на пол.

Громадный гарпунщик, тот, что первым рассмеялся над ним, поднявшись из-за стола, схватил его за воротник. Плащ соскользнул, и гарпунщик, пьяно смеясь, отшатнулся. Еще один, высокий рыжий парень, потянулся к куртке. В это время Рорсефн перевернулся и, по-прежнему иронично улыбаясь, попытался подняться на ноги.

Подавшись вперед, Бренн попытался разглядеть, что происходит. Наконец, он бросил взгляд на Арфлейна.

— Может, мне остановить их?

Арфлейн покачал головой.

— Он сам виноват. Довольно глухо с его стороны приходить сюда.

— Я тоже никогда не слышал о таких посещениях, — согласился Бренн.

Рорсефн был уже на ногах, протянув руку за плащом.

— Благодарю вас за мой плащ, — весело произнес он.

— Это плата за развлечение, — ухмыльнулся гарпунщик.

— Можешь идти.

Сложив руки на груди, Рорсефн прищурился. Арфлейн восхитился его выдержкой.

— Кажется, — тихо произнес Рорсефн, — что я доставил вам большее развлечение, чем вы мне.

Порывисто встав, Арфлейн протиснулся к гарпунщику.

— Отдай ему плащ, приятель, — произнес он заплетающим-ся языком. — Продолжим нашу выпивку. Парень не стоит такого внимания.

Не обращая внимания на Арфлейна, гарпунщик продолжал ухмыляться. Подавшись вперед, Арфлейн выхватил плащ из его рук. Повернувшись, гарпунщик замычал и нанес Арфлейну удар в лицо. Выбежав на центр, Бренн закричал ему что-то, но Арфлейн вновь наклонился за плащом. Возможно, ободренный вмешательством Арфлейна, Рорсефн так же потянулся за плащом. Рыжий парень ударил его и, завертевшись, юноша снова упал.

Протрезвев от полученного удара, Арфлейн схватил гарпунщика за плечо и нанес ему сильный удар. Бессвязно крича, Бренн попытался остановить потасовку, пока она не зашла слишком далеко.

Фризгальтийские китобои сердито закричали, вероятно, заняв сторону Рорсефна в его схватке с рыжеволосым. Разгорелась общая драка. Подхватив юбки, девушки с криками кинулись врассыпную. По головам и телам дерущихся загуляли древки гарпунов.

Увидев, что Бренн упал, получив удар в голову, Арфлейн бросился на выручку. Казалось, что все присутствующие настроены против него. Отбиваясь во все стороны, он скоро упал на пол, продолжая наносить удары. Почувствовав внезапно донесшийся до него порыв ветра из открытых дверей, он подумал, кто бы это мог быть.

Сквозь шум драки раздался чей-то голос. Арфлейн почувствовал, что руки китобоев отпустили его; поднявшись, он вытер кровь с глаз. В ушах стоял неприятный звон.

— Рыба, безмозглые! Идиоты! Рыба, говорю я вам! Рыба, охотники за собаками! Рыба, пожиратели пива! Рыба, чтобы очистить ржавчину с ваших копий! Стадо в сто голов, не далее пятидесяти миль на юго-юго-запад!

Стирая кровь с пореза на лбу, Арфлейн понял, что голос принадлежит Уркварту.

Держа в одной руке гарпун, он положил другую на плечо стоящего рядом с ним мальчишки, вероятно, юнга.

— Скажи им, Стефан, — произнес Уркварт, понизив голос. Запинаясь, мальчишка заговорил, показывая на открытую дверь.

— Наш корабль встретился с ними в сумерках. Мы были загружены до предела и не смогли остановиться, поскольку еще до ночи должны были попасть во Фризгалт. Но мы видели их. Они шли с севера на юг, приблизительно двадцать градусов к западу. Большое стадо. Мой отец — наш скипер — говорит, что такого большого стада не было уже двадцать лет.

Арфлейн наклонился к Бренну, пытаясь помочь ему встать на ноги.

— Ты слышал, Бренн?

— Да, — улыбнулся Бренн распухшим ртом. — Ледовая Матерь добра к нам.

— Хватит любому судну в доке, — продолжал Уркварт, даже с лихвой. Они идут быстро, судя по словам отца этого парнишки, но хороший парусник сможет настичь их.

Оглядев комнату, Арфлейн искал глазами Манфреда Рорсефна. Он нашел его стоящим около стены, сжимающим в руке один из клинков Флетча. Он по-прежнему иронично улыбался.

Перехватив взгляд Арфлейна, Уркварт с удивлением посмотрел на юношу. Однако, удивление быстро исчезло, уступив место обычному мрачному выражению его лица. Взяв мальчишку за плечо, он переложил гарпун в другую руку. Шагнув к Рорсефну, он забрал у него нож.

— Благодарю, — ухмыльнулся Рорсефн, — мне пришлось довольно туго.

— Что ты делаешь здесь? — угрюмо спросил Уркварт, пораженный Арфлейна своей фамильярностью в обращении с юношей.

Рорсефн кивнул в сторону Арфлейна.

— Я пришел с сообщением к капитану Арфлейну, но он был занят с друзьями. Другие же решили, что поскольку я здесь, то могу доставить им неплохое развлечение. Я и капитан сочли, что они зашли слишком далеко!

Узкие голубые глаза Уркварта внимательно огидали Арфлейна.

— Вы помогли ему, капитан?

Казалось, весь вид Арфлейна показывает вызывающее пренебрежение.

— Это было глупо с его стороны — прийти сюда. Если вы знакомы, отведите его домой, Уркварт.

Гостиница начала пустеть. Надвинув на лоб капюшоны, с

гарпунами на плечах, моряки расходились по кораблям, где их уже ждали шкиперы, готовые отправиться в путь с первыми проблесками дня.

Брени похлопал Арфлейна по плечу.

— Я должен идти. На такой короткий рейс провизии должно хватить. Рад был видеть тебя, Арфлейн.

Сопровождаемый двумя гарпунщиками, Брени покинул гостиницу. Теперь в ней оставались лишь Уркварт, Арфлейн и Рорсефн.

Переваливаясь с ноги на ногу, между столов бродил Флетч. За ним следовали трое его дочерей, наводя порядок в комнате. Казалось, что к такому ходу событий они уже давно привыкли. Наблюдая за их работой, Флетч не приближался к мужчинам.

Странная прическа Уркварта отбрасывала на дверь причудливую тень. До этого Арфлейн не замечал, как ловко она копирует хвост кита.

— Итак, вы помогли еще одному Рорсефну, — пробормотал Уркварт, — хотя на этот раз этого не требовалось.

Арфлейн потер раненный лоб.

— Я был пьян и вмешался вовсе не ради него.

— Однако, это была хорошая драка, — весело произнес Рорсефн. — Я и не думал, что умею так хорошо драться.

— Они всего лишь играли, — в голосе Арфлейна чувствовалась усталость и пренебрежение.

Уркварт мрачно кивнул в знак согласия. Опершись на гарпун, он смерил Рорсефна взглядом.

— Они всего лишь играли с тобой, — повторил он.

— В таком случае, это была хороша игра, кузен, — произнес Рорсефн, отвечая на взгляд Уркварта.

Длинное Копье стоял, не шелохнувшись, мрачно наблюдая за дверью. Арфлейн терялся в догадках, почему Рорсефн назвал Уркварта кузеном, поскольку вряд ли могло иметь место прямое родство между аристократом и свирепым гарпунщиком.

— Я провожу тебя к нижним уровням, — медленно произнес Уркварт.

— Какая теперь опасность? — спросил его Манфред Рорсефн. — Никакой. Мы пойдем вдвоем, кузен, и, возможно, я смогу передать мое сообщение капитану Арфлейну.

Подав плечами, Уркварт повернулся и, не говоря ни слова, молча вышел из гостиницы.

Манфред улыбнулся хмурающемуся Арфлейну.

— Унылый человек — кузен Длинное Копье. Может быть, вы теперь выслушаете меня, капитан?

Арфлейн склонил в стоящий рядом китовый череп.

— Это не принесет мне вреда, — сказал он.

Во время спуска на нижние уровни, избегая пьяных китобоев, Манфред Рорсефи хранил молчание, а Арфлейн слишком устал, чтобы заниматься расспросами. Опынение от пива пропало, все больше давала о себе знать боль избитого тела. Рядом с ними проходили к своим кораблям спешащие китобои. Изредка они шли с криками, но по большей части их сопровождало лишь поскрипывание башмаков. Тут и там кто-нибудь из них хватался за веревочное ограждение, подойдя слишком близко к обрыву.

Лишь только когда Арфлейн остановился перед входом в свою гостиницу, Рорсефи, наконец, заговорил:

— Мой дядя чувствует себя лучше. Он хочет видеть вас.

— Ваш дядя?

— Петр Рорсефи. Ему уже лучше.

Когда он хочет видеть меня?

— Прямо сейчас, если можно.

— Я слишком устал. Ваша драка...

— Сожалею, но я не хотел вашего вмешательства...

— Вы не должны были приходить в "Разрушитель".

— Верно. Это была моя ошибка, капитан. В самом деле, если бы кузен Длинное Копье не принес хорошие новости, ваша смерть была бы на моей совести.

— Не будьте идиотом, — с отвращением произнес Арфлейн.

— Почему вы называете Уркварта кузеном?

— Это бесит его. Наш семейный секрет. Я не должен говорить, что Уркварт — родной сын моего дяди. Вы пойдете к нам? Вы могли бы поспать у нас дома, если так сильно устали, и встретиться с дядей утром.

Пожав плечами, Арфлейн последовал за юношей. Пьяные воспоминания возвращали его к дочери Петра Рорсефи.

СЕМЬЯ РОРСЕФНОВ

Проснувшись в слишком мягкой и слишком теплой постели, Конрад Арфлейн с изумлением оглядел небольшую комнату. Ее стены были богато украшены расписанными полотнами, изображающими знаменитые корабли Рорсефнов во время походов или на охоте. Здесь четырехмачтовую шхуну атаковали гигантские сухопутные киты, там капитан убивал кита отравленным гарпуном; где-то еще корабли продирались сквозь ледяные заторы или входили в город; но в любом случае на переднем плане красовался доблестный отпрыск Рорсефнов, как правило, держа перед собой семейный стяг. Во всех углах -- подвиги и насилие.

При взгляде на картины губы Арфлейна тронула улыбка. Сев, он отбросил меха с обнаженного тела. Его одежда лежала тут же, на скамейке рядом с дверью. Опустив ноги на пол, он встал и по меховому ковру подошел к приготовленным для него умываным принадлежностям. Умывшись холодной водой, он понял, что его представление о том, как он попал в эту комнату, довольно туманное. Должно быть, он был сильно пьян вчера вечером, коль согласился на предложение Манфреда Рорсефна провести эту ночь в их доме. Надев куртку и брюки, он подумал о том, увидит ли он сегодня Ульрику Ульсенн.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Манфред Рорсефн с меховым халатом в руках. Он хитро улыбнулся Арфлейну.

Все в порядке, капитан? Как чувствуете себя?

Полагаю, что вчера я здоров набрался, — неохотно ответил Арфлейн, как бы ставя это в вину юноше. — Мы встретимся с лордом Рорсефном прямо сейчас?

— Думаю, что сначала — завтрак.

Манфред вывел его в широкий коридор, также увешанный картинами. Войдя в дверь в конце коридора, они оказались в большой комнате, в центре которой стоял квадратный стол из китовой кости, украшенный изумительной резьбой. На столе лежали хлебцы из растений, произрастающих в теплых водах, блюда с китовым, тюленьим и медвежьим мясом, супница, полная жаркого, и большой кувшин с хессом, напитком, вкусом напоминающим чай.

За столом в платье из черной кожи уже сидела Ульрика Уль-

сени. Бросив взгляд на Арфлейна, она улыбнулась и вновь опустила глаза к своей тарелке.

— Доброе утро, — резко бросил Арфлейн.

— Доброе утро, — едва слышно произнесла она.

Манфред Рорсефн сел в соседнее с ней кресло, предложив кресло с другой стороны Арфлейну:

— Присаживайтесь, капитан.

Арфлейн неохотно занял предложенное место. Пододвинув кресло к столу, он случайно коснулся ее коленей! Тут же они оба резко отодвинулись в разные стороны. Манфред тем временем накладывал себе тушеное мясо и хлеб. При этом он бросал на свою кузину веселые взгляды. В комнату вошли две горничные в длинных коричневых платьях с инициалами Рорсефнов на рукавах. Одна из них остановилась у дверей, другая, подойдя к столу, присела в реверансе. Ульрика Ульсенн улыбнулась ей.

— Еще немного хесса, Мирейн.

Девушка сняла со стола наполовину пустой кувшин.

— Что еще прикажете, миледи?

— Благодарю, ничего, — Ульрика бросила взгляд на Арфлейна, — Вам что-нибудь нужно, капитан?

Арфлейн покачал головой.

Сразу после ухода прислуги в комнату вошел Янек Ульсенн. Увидев рядом с женой Арфлейна, он нехотя кивнул и, сев за стол, приступил к еде.

В комнате воцарилась напряженная тишина. Арфлейн избегал взгляда Ульрики Ульсенн; Янек Ульсенн хмурился, но не поднимал взгляда от еды; Манфред Рорсефн, усмехаясь, разглядывал остальных присутствующих, умышленно подогревая возникший дискомфорт.

— Я слышал, что кто-то заметил большое стадо, — наконец произнес Янек, обращаясь к Манфреду.

— Я был первым, кто услышал эту новость, — улыбнулся Манфред. — Не так ли, капитан Арфлейн?

Промычав себе под нос, Арфлейн продолжал есть.

— Мы пошлем туда корабль? — спросил Манфред, обращаясь к Янеку Ульсенну.

— Мы просто обязаны сделать это. Судя по разговорам, рыбы хватит на всех. Мы должны быть там — можно взять двухмачтовую яхту.

Казалось, что Ульрика поддерживает предложение.

— Прекрасная идея, Манфред. Отцу уже лучше, и я не по-

надоблюсь ему. Я тоже отправлюсь с вами. — Ее глаза заблестели. — Я не была на охоте уже три сезона.

Потерев нос, Янек нахмурился.

— У меня нет времени на такое безрассудное путешествие.

— Мы сможем вернуться в тот же день, — увлеченно произнес Манфред. — Мы пойдем вместе, Ульрика, даже если Янек и не расположен к охоте. Командовать кораблем может капитан Арфлейн.

Арфлейн сидел с хмурым видом.

— Лорд Ульсенн выбрал верное слово — безрассудство. Яхта — женщина на борту — китовая охота! Я не возьму на себя такую ответственность. Советую вам забыть эту идею. Достаточно одному быку свернуть в сторону, и наш корабль будет разбит в считанные секунды!

— Не будьте таким пессимистичным, капитан, — усмехнулся Манфред. — Так или иначе, но Ульрика пойдет с нами. Верно, Ульрика?

Женщина легко повела плечами.

— Если только Янек не возражает.

— Я возражаю, — ответил Ульсенн.

— Вы правы, отговаривая ее от этого предприятия, — произнес Арфлейн.

Ему не хотелось выступать на стороне Ульсенна, но в данном случае таков был его долг.

Сверкнув глазами, Ульсенн выпрямился.

— Но если ты хочешь отправиться на охоту, Ульрика, — можешь сделать это.

Арфлейн посмотрел Ульсенну в глаза.

— В таком случае я чувствую, что кораблем должен командовать достаточно опытный человек. Я сам поведу его.

— Ты можешь пойти с нами, кузен Янек, — шутливо вставил Манфред. — Это твой долг перед нашими людьми. Они будут уважать тебя еще больше, увидев, что ты смело смотришь в лицо опасности.

— Меня не волнует, что ты там думаешь, — произнес Ульсенн, бросая взгляд на юношу. — Я не боюсь опасностей, но сейчас я занят. Кто-то должен заниматься делами твоего дяди, пока он болен!

— Ты потеряешь всего лишь один день, — уже открыто усмехался Манфред.

Ульсенн замер, мучительно отыскивая решение. Наконец он встал, так и не закончив завтрак.

— Я обдумаю это, — произнес он, выходя из комнаты. Поднялась и Ульрика Ульсенн.

— Ты умышленно расстроил его, Манфред. Ты оскорбил его и поставил в неловкое положение капитана Арфлейна. Ты должен извиниться.

Манфред дурашливо поклонился Арфлейну.

— Извиняюсь, капитан.

Арфлейн задумчиво посмотрел на прекрасное лицо Ульрики Ульсенн. Покраснев, она вышла из комнаты вслед за мужем.

Как только за ней закрылась дверь, Манфред расхохотался.

— Простите меня, капитан. Ульсенн — такой напыщенный тип, что Ульрика ненавидит его не меньше, чем я. Но Ульрика так верна ему!

— Редкое качество, — сухо обронил Арфлейн.

— О, действительно! — Манфред поднялся из-за стола. — А сейчас мы встретимся с одним из тех, кто умеет ценить верность.

Головы медведя, моржа, кита и волка украшали стены большой спальни, задрапированные шкурами. В ее дальнем конце стояла высокая и широкая кровать, на которой, закрытый мехами, лежал Петр Рорсефн. Лишь перевязанные руки и несколько мелких шрамов на лице указывали, насколько он был близок к смерти. Теперь его лицо разрумянилось, глаза блестя, движения были резкими, твердыми. Грива седых волос тщательно расчесана и спадала на плечи. Он отпустил белоснежные усы и бороду. Его тело, насколько мог видеть Арфлейн, наполнилось жизненными соками; о таком быстром и полном воскрешении вряд ли можно было мечтать. Арфлейн приписывал это чудо природному жизнелюбию старика, а не полученному им лечению.

— Привет, Арфлейн. Как видите, я узнал вас! — В его богатом звучном голосе не было ни следа былой усталости. — Простите, что встречаю вас таким образом, но эти слюнтяи думают, что я не могу удержать равновесие. Я потерял ноги — все остальное осталось при мне.

Арфлейн кивнул, против собственной воли отвечая на дружжелюбное приветствие старца.

Из угла комнаты Манфред принес ему кресло.

— Садитесь, — пригласил Рорсефн. — Поговорим, оставь нас, Манфред.

Арфлейн сел рядом с кроватью, а Манфред с видимой неохотой вышел из комнаты.

— Мы с вами расстроили планы Ледовой Матери, — улыбнулся Рорсефн, глядя Арфлейну в глаза. — Что вы думаете насчет этого, капитан?

— Человек имеет право пытаться сохранить себе жизнь, пока это возможно, — ответил Арфлейн. — Несомненно, Ледовая Матерь не будет возражать, чтобы обождать еще немного.

— Раньше думали, что человек не должен вмешиваться в судьбу жизни или смерти другого человека. Раньше говорили, что если Ледовая Матерь собирается забрать человека в свои владения, никто не имеет права помешать ей. Такова старая философия.

— Я знаю. Возможно, я так же мягкотел, как и те, кого я обвинял, когда бывал здесь раньше.

— Вы обвиняли нас, не так ли?

— Я вижу, что вы отвернулись от Ледовой Матери. Я вижу несчастья, постигшие нас в результате этого, сэр.

— Вы придерживаетесь старых идей. Вы ведь не верите, что лед тает?

— Нет, сэр.

Рядом с кроватью стоял небольшой столик. На нем находилась большая коробка с картами, письменный прибор, кувшин с хессом и бокал. Рорсефн потянулся к бокалу. Опередив его, Арфлейн наполнил бокал хессом и протянул его старику. Поблагодарив, Рорсефн задумчиво посмотрел на Арфлейна.

Арфлейн ответил ему смелым взглядом. Он верил, что может понять этого человека. В отличие от остальных членов этой семьи, он не вызывал в Арфлейне чувства беспокойства.

— Мне принадлежит много кораблей, — прошептал Рорсефн.

— Я знаю. Гораздо больше, чем ходит под парусом.

— Еще один факт, вызывающий ваше неодобрение, капитан? Большие клипера на приколе. И все же, я уверен, вы знаете, что если я задействую их в охоте и торговле, то в течение десяти лет остальные города впадут в нищету.

— Вы великодушны.

Арфлейн удивился такой заботе о благополучии других городов; казалось это не вязалось с характером старика.

— Я мудр. — Рорсефн сделал движение неперевязанной рукой. — Фризгальту, как и вашему городу, нужна конкуренция. Мы тоже слишком жирные, слишком мягкотелые, слишком слабовольные. Полагаю, вы согласны со мной?

Арфлейн кивнул.

— Так обстоит дело, — вздохнул Рорсефн. — Как только город забирает власть над остальными, он начинает приходить в упадок. Ему не хватает стимулов. Мы достигли нашей цели; здесь, на плато Восьми Городов, ничто не угрожает нам. Я предвижу, что в скорости всех нас ожидает смерть, Арфлейн.

Арфлейн пожал плечами.

— Такова воля Ледовой Матери. Рано или поздно это должно случиться. Я не уверен, что во всем разделяю ваши взгляды, но я знаю, что чем нежнее становится человек, тем меньше у него шансов, чтобы выжить...

— Если природные условия меняются, меняются и люди, — тихо проговорил Рорсефн. — Наши ученые утверждают, что уровень льда понижается, климат становится все мягче год от года.

— Однажды я увидел на горизонте большую цепь ледяных гор, — перебил его Арфлейн. — Я был поражен. До этого никогда раньше их не было на этом месте, в частности, таких, которые стояли вершиной вниз, основанием своим упираясь в облака. Я начал сомневаться в своем знании мира. Вернувшись домой, я рассказал об увиденном мною. Они посмеялись и сказали, что я видел мираж — игру света, что если я вернусь туда на следующий день, эти горы исчезнут. На следующий день я вернулся туда. Горы исчезли. Тогда я понял, что не всегда могу доверять собственным чувствам, но могу верить тому, что верно во мне самом. Я знаю, что лед не тает. Я знаю, что ваши ученые были, как и я, обмануты миражом.

Рорсефн вздохнул.

— Хотел бы я согласиться с вами, Арфлейн...

— Но вы не согласны. Я не раз встречался с этим доводом.

— Нет, просто мне нужны доказательства либо того, либо другого.

— Доказательства вокруг нас. Природа движется к холоду и смерти. Солнце должно умереть, и ветер унесет нас в ночь.

— Я читал, что уже были периоды, когда лед покрывал землю, но после исчезал. — Выпрямившись, Рорсефн подался вперед. — Что вы скажете насчет этого?

— Это было только начало. Два или три раза Ледовая Матерь отступала. Но теперь она намного сильнее и терпеливее. Вы знаете ответ — он в ее вере.

— Ученые говорят, что ее власть уходит.

— Это невозможно. Непроходяща ее власть над всем сущим.

— Вы цитируете ее книгу, но у вас нет сомнений?

Арфлейн поднялся с места.

— Никаких.

— Завидую вам.

— Это тоже уже говорили мне. Здесь нечему завидовать. Возможно, лучше верить в мираж.

— Я не могу верить, Арфлейн, — забинтованной рукой Рорсефи дотронулся до Арфлейна. — Обождите. Я сказал вам, что мне нужны доказательства. Я знаю, где их можно отыскать.

— Где?

— Там, где побывали я и мой экипаж. Город — много месяцев пути отсюда к далекому северу — Нью-Йорк. Слышали вы о нем?

Арфлейн рассмеялся.

— Миф. Я говорил о мираже...

— Я видел его, правда, издали. Но у меня нет сомнений в его существовании. Мои люди видели его. У нас кончалось продовольствие, на нас напали варвары. Нам пришлось повернуть, не дойдя до него. Я планировал вернуться туда всем флотом. Я видел Нью-Йорк, место, где расположена резиденция Ледовых Духов. Город Ледовой Матери, город чудес. Я видел его здания, поднявшиеся в небо.

— Я знаю историю. Город был затоплен водой, а впоследствии заморожен, полностью сохранившись подо льдом. Невозможная легенда. Я могу верить в учение Ледовой Матери, милорд, но не настолько суверен...

— Это правда. Я видел Нью-Йорк, его башни над ровным льдом. Никто не знает, как глубоко они уходят вниз. Возможно, именно здесь апартаменты Ледовой Матери. Возможно, это миф... Но если город сохранился, с ним сохранилось и его знание. Так или иначе, Арфлейн, доказательства, о которых я говорил вам, находятся в Нью-Йорке.

Арфлейн был сбит с толку; возможно, лихорадка еще не оставила старика.

Казалось, Рорсефи угадал его мысли. Засмеявшись, он взял в руку коробку с картами.

— Я в своем уме, капитан. Все находится здесь. На хорошем корабле — лучшем, чем тот, на котором шел я, — можно достичь Нью-Йорка и открыть всю правду.

Арфлейн снова сел.

— Как разбился первый корабль?

Рорсефи вздохнул.

— Серия неудач — ледяные заторы, дрейфующие горы, падение кита и варваров. В конце концов, поднявшись на плато Великого Северного Пути, корабль, не выдержав, развалился на куски, убив большинство из команды. Остальные отправились пешком к Фризгальту, надеясь встретить на пути корабль. Но мы не встретили его. Вскоре в живых остался лишь я один.

— Таким образом, причиной крушения была неудача?

— Несомненно. Лучшему кораблю повезло бы больше.

— Вы знаете местоположение города?

— Больше того, я знаю дорогу туда.

— Откуда?

— Это было не трудно. Я читал старые книги, сравнивая приведенные там данные.

— И теперь вы хотите привести туда флот?

— Нет. — Рорсефн откинулся на меха. — В таком путешествии я был бы помехой. В первый раз я ушел тайком, поскольку не хотел распространения слухов, будоражащих народ. Во время стресса такие новости могут нарушить стабильность нашего общества. Я думаю держать это в секрете, пока один из кораблей не побывает в Нью-Йорке, открыв хранящиеся там знания. Я собираюсь послать туда "Ледовый дух".

— Это лучший корабль Восьми Городов.

— Говорят, корабль хорош настолько, насколько хорош его хозяин, — прошептал Рорсефн. Силы начали покидать его. — Я не знаю лучшего мастера, чем вы, капитан Арфлейн. Я верю вам, и у вас неплохая репутация — вопреки моим ожиданиям.

Арфлейн не стал сразу отказываться. Он ожидал этого предложения, но не был полностью уверен в ясности рассудка Рорсефна.

Возможно, он видел мираж или цепь гор, выглядевших на расстоянии, как город. И все же мысли об Нью-Йорке, о посещении дворца мифической Ледовой Матери и подтверждении его собственных убеждений о нерушимости ледовых законов взволновали его воображение. Кроме всего прочего, ничто не держало его на плато; этот поиск казался благороднее, чем китовая охота, почти святой миссией. Отправиться на север, к дому Ледовой матери, идти под нарусом долгие месяцы, подобно древним мореплавателям, в поисках знаний, могущих изменить мир, — это отвечало его романтической натуре... К тому же под его командованием будет прекраснейший корабль во всем мире. Он пойдет по неведомым морям из льда, откроет новые человеческие племена, если рассказы Рорсефна о варва-

рах отвечают действительности. Нью-Йорк, легендарный город, чьи башни возвышаются прямо из ледовой равнины... Но что, если всего этого нет!? Надо будет идти дальше и дальше на север, в то время, как остальной мир двинется на юг.

Глаза Рорсефна наполовину закрылись. Его здоровый вид оказался обманчивым, он изнурил себя.

Арфлейн вторично поднялся на ноги.

— Я согласен, вопреки здравому смыслу, принять под командование яхту, на которой ваша семья собирается отправиться на сегодняшнюю охоту.

Рорсефн улыбнулся.

— Идея Ульрики?

— Манфреда. Каким-то образом он подбил лорда Янека Ульсена, вашу дочь и меня на эту авантюру. Ваша дочь поддержала Манфреда. Как глава семьи, вы должны...

— Это не ваше дело, капитан. Я знаю, вы говорите так из лучших побуждений, но Манфред и Ульрика знают, что хорошо для них. — Рорсефн замолчал, вновь изучая лицо Арфлейна. — Я не думаю, что в ваших привычках давать непрошенные советы, капитан...

— Как правило, — Арфлейн был обескуражен. — Не знаю, почему я заговорил об этом. Приношу свои извинения.

Он понял, что действует вопреки собственным убеждениям. Но что толкнуло его на это?

На мгновение он увидел перед собой всю семью Рорсефнов, семью, несущую ему неясную пока опасность. Почувствовав, что начинает паниковать, он быстро потер подбородок, заросший густой бородой. Взглянув на Рорсефна, он увидел, что тот улыбается ему с оттенком жалости.

— Вы говорите, что Янек тоже идет с вами? — прерывая возникшую паузу, внезапно спросил Рорсефн.

— Похоже на то.

Рорсефн тихо рассмеялся.

— Удивляюсь, как он решился. Впрочем, не важно. Если повезет, он погибнет, и она найдет себе нового мужа, хотя мужчин становится все меньше. Вы будете командовать яхтой?

— Я согласился, хотя не знаю, почему. Я делаю многое, что не делал раньше никогда. Я в затруднении, лорд Рорсефн.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся старик. — Просто вы не привыкли к нашему образу жизни.

— Ваш племянник удивляет меня. Каким-то образом он убедил меня согласиться с ним, хотя внутренне я не согласен. Он хитрый молодой человек.

— Он по-своему силен, — с воодушевлением произнес Рорсефн. — Не недооценивайте Манфреда, капитан. Он кажется слабым, как телом, так и духом, но ему нравится создавать о себе такое представление.

— Вы описали его довольно таинственным юношей, — полусмущенно сказал Арфлейн.

— Я думаю, что он более сложен, чем мы, — ответил Рорсефн. — Он представляет собой нечто новое, возможно, новое поколение. Я вижу, он не нравится вам. Но, может, он понравится вам так же, как и моя дочь.

— Теперь вы сами таинственны, сэръ. Я не выражал своей неприязни или неприязни к отдельным лицам.

Рорсефн не отреагировал на замечание.

— Зайдите ко мне после охоты, — произнес он слабым голосом. — Я покажу вам карты. Тогда вы и скажете, принимаете ли мое предложение.

— Отлично. Всего доброго, сэръ.

Выйдя из комнаты, Арфлейн понял, что бесповоротно связал себя с этой семьей с тех пор, как спас жизнь старому Лорду. Каким-то образом они обольстили его, привязали к себе. Он знал, что примет командование, предложенное Петром Рорсефном точно так же, как принял командование, предложенное Манфредом Рорсефном. Без каких-либо особых проявлений потери целостности своей натуры он перестал быть хозяином собственной судьбы. Сила характера Петра Рорсефна, красота и изысканность Ульрики, хитрость Манфреда Рорсефна, даже неприязнь Янека Ульсенна поймали его в ловушку. Обеспокоенный, Арфлейн зашагал по направлению к гостиной.

КИТОВАЯ ОХОТА

Отделенная от остального флота невысокой стеной, сложенной из ледяных блоков, узконосая изящная яхта стояла на якоре в частном доке Рорсефнов.

Утро выдалось холодным; под дымчато-желтым небом, разреженным отдельными оранжевыми и темно-розовыми полосками, Арфлейн молча шел за Манфредом Рорсефном. За ними в небольших богато украшенных санках ехали Янек и Ульрика Ульсенн. Санки везли несколько слуг.

Весь экипаж был уже на борту, готовый в любую минуту отправиться в рейс. На носу, подобно гигантскому луку, возвышалась громоздкая гарпунная пушка, приводимая в действие пружиной. Более половины заостренных зубцов огромного гарпуна выдавалось за бушприт таким свирепым фаллосом.

При взгляде на гарпун Арфлейн улыбнулся. Тот был слишком большим для такой изящной яхты. Казалось, все судно — шхуна с косым парусным вооружением — представляло собой один огромный гарпун.

Подойдя вслед за Манфредом к трапу, он был удивлен, увидев там Уркварта, наблюдающего за ними. Как обычно, в левой руке тот держал гарпун. Внезапно повернувшись, он молча направился к штурвалу.

Поджав губы, с едва скрытым чувством беспокойства на лице Янек Ульсенн помог жене подняться на борт. Арфлейну подумалось, что скорее ей следовало бы помочь мужу.

По палубе навстречу прибывшим поспешил корабельный офицер, одетый в меха белых и серых расцветок. Хотя протокол требовал от него обратиться к старшему представителю семьи Рорсефнов, то есть Янеку Ульсенну, он заговорил с Манфредом.

— Мы готовы к отходу, сэр. Вы примете командование?

Улыбнувшись, Манфред медленно покачал головой и шагнул в сторону, пропуская вперед Арфлейна.

Это капитан Арфлейн. В этом рейсе он будет командовать кораблем, обладая полной властью капитана.

Офицер, коренастый мужчина лет тридцати с черной пышной бородой, приветственно кивнул Арфлейну.

— Слышал о вас, сэр, и горжусь, что мне выпала честь слу-

жить под вашим командованием. Может быть, вы вначале ознакомитесь с кораблем?

— Благодарю, — покинув попутчиков, Арфлейн в сопровождении офицера направился к штурвалу. — Как вас зовут?

— Хебер, сэр. Первый офицер. У нас еще есть второй офицер, Босун, и небольшой экипаж. К тому же, вполне неплохой, сэр.

— Участвовали в китовой охоте?

Лицо Хебера омрачилось. Он тихо произнес:

— Нет, сэр.

— А экипаж?

— Очень немногие, сэр. У нас на борту господин Уркварт. Он гарпунщик.

— В таком случае, вам придется учиться по ходу дела, не так ли?

— Полагаю, что так, сэр, — уклончиво ответил Хебер.

— Если, как вы говорите, экипаж настолько хорош, мистер Хебер, у нас не будет затруднений во время охоты. Я знаю китов. Четко выполняйте мои приказы — и все будет в порядке.

— Да, сэр, — в голосе Хебера появилась уверенность.

Небольшая изящная яхта была прекрасной представительницей этого класса судов, но Арфлейн тотчас же понял, что все его подозрения относились к ее беспомощности во время китовой охоты. Может, она и быстра на ходу — быстроходнее обычных китобойных судов, — но в ней не было силы. Это было хрупкое суденышко. Ее пользы были тонки для тяжелой работы, а корпус, вне всякого сомнения, треснет при первом же приближении к ледовому затору, взрослому киту либо чужому кораблю.

Арфлейн решил сам встать к штурвалу. Поскольку его качества рулевого были широко известны и ценились довольно высоко, это придавало бы уверенности экипажу. Но сначала пусть один из офицеров выведет корабль на открытый лед, пока он сам не почувствует судно. К этому времени команда уже стояла по обе стороны палубы у механизма подъема якоря.

Опробовав рулевое колесо, Арфлейн взял протянутый Хебером мегафон и поднялся по трапу на мостик над рулевой рубкой.

Далеко впереди он увидел очертания кораблей, идущих под полными парусами к Южным льдам. Профессиональные китобои ушли далеко; Арфлейн был рад, что, по крайней мере, яхта не встанет на их пути к началу охоты, когда китовая стая рассыпется по льду. Обычно в это время начиналась такая сумя-

тица, что немудрено было столкнуться с каким-нибудь из кораблей, преследующих свою жертву. Яхта вступит в игру после того, как китобои рассредоточатся, и выберет себе небольшого бычка. Арфлейн вздохнул, рассерженный своим участием в охоте, предпринятой лишь для развлечения аристократов.

Он поднял мегафон.

— По местам стоять!

Несколько человек из команды бросились к своим постам. Остальные же с напряжением ждали последующих приказаний.

— Поднять якорь!

Выбрав якоря, судно заскользило к проходу в ледяной стене.

— Приготовить главный парус!

Матросы, расположившиеся на реях главной мачты, взялись за фалы.

— Поднять главный парус!

Парус с шумом раскрылся, и судно тотчас же прибавило ходу, увеличив скорость почти вдвое. Вскоре яхта заскользила по льду под всеми парусами. Холодный воздух бил Арфлейну в грудь, вытесняя оттуда затхлый воздух города. Время от времени, по мере прохода яхты по небольшим неровностям льда, он хватался за ограждения мостика, вглядываясь в черные шрамы на тонком слое снега.

Тусклое темно-красное солнце почти достигло зенита. Перед ними плыли облака, меняя свой цвет от бледно-желтого до белого на фоне чистого голубого неба. Остальные корабли уже скрылись за горизонтом. За исключением скрипа рей и хлопанья полозьев, вокруг стояла полная тишина.

Арфлейн чувствовал рядом с собой присутствие трех членов одной из правящих семей Фризгальта. Не оборачиваясь к ним, он с любопытством смотрел на расположившегося на носу, рядом с гарпунной пушкой, человека. Пальцы мужчины сжимали литье, его причудливые, странно уложенные волосы развевались на ветру. Уркварт, либо из гордости, либо ища уединения, еще ни разу не заговорил с тех пор, как поднялся на борт.

— Мы догоняем китобоев, капитан? — по своему обыкновению тихо спросил Манфред Рорсефн. В самом деле, в почти осязаемой тишине ледовой страны любой шепот был прекрасно слышен.

Арфлейн покачал головой:

— Нет.

Зная, что они легко могут догнать китобоев, он не испыты-

вал никакого желания делать это, тем самым расстроив их охоту. При первом же удобном случае он найдет предлог спустить паруса и замедлить ход.

Такой случай представился спустя час. Ровный лед уступил место разбросанным тут и там ледяным грядам, которым ветер придал подчас довольно странные очертания. Умышленно проведя судно в непосредственной близости от гряды, Арфлейн ненавязчиво подчеркнул возможность крушения. Повернувшись к стоящему рядом с ним Рорсефну, он произнес:

— Пока мы не выйдем отсюда, необходимо уменьшить скорость. Иначе, потерпев крушение, мы так и не увидим стаю.

Скептически улыбаясь, Рорсефн дал понять, что понимает истинную причину, но от комментариев воздержался.

По приказу Арфлейна часть парусов опустили, и скорость снизилась почти вдвое. Напряжение на судне несколько упало. По-прежнему стоящий на носу Уркварт обернулся к мостику. Затем, будто найдя объяснение своим мыслям, он слегка пожал плечами и вновь устремил взгляд к горизонту.

На скамье под навесом, неподалеку от Арфлейна, расположились Ульсенны. Облокотившись о поручни ограждения, Манфред Рорсефн провожал взглядом снежное облако, клубившееся за кораблем. Ледовые гряды, мимо которых проходило судно, природа наделила невероятными формами.

Некоторые из них походили на недостроенные мосты с оборванными посередине пролетами, другие представляли собой сочетания плавных поверхностей и острых углов; третьи были высокие и изящные, подобно гигантским гарпунам, воткнутым в лед.

Большинство из них стояло отдельными группами, на расстоянии друг от друга, позволяющем яхте пройти между ними, хотя довольно часто стоящий за штурвалом Хебер бы вынужден делать резкие повороты, чтобы избежать столкновения.

Лед под полозьями стал более неровным по сравнению с указанными районами, окружающими город.

Несмотря на недостаточность парусного вооружения, яхта шла с неплохой скоростью; поднятые паруса туго натянул ветер.

Сознавая, что он сделал все, что было в его силах, Арфлейн согласился с предложением Рорсефна спуститься вниз и перекусить. На мостике он оставил Хебера с Босуном.

К его удивлению каюты внизу оказались довольно просторными, поскольку в них находилось лишь самое необходимое

для такого путешествия. Кают-компания была обставлена с роскошью, не уступающей каютам "Ледового духа": мягкие кресла, стол из моржовых клыков. На полу лежал ковер из рыжевато-коричневых шкур волка (довольно редкого зверя); большие иллюминаторы пропускали в каюту мягкий дневной свет.

Четверо вошедших сели вокруг стола, повар расставил перед ними суп из мяса снежного коршуна, тюлений бифштекс и блюдо из лишайников, произрастающих в некоторых частях плато. Во время ужина за столом царило молчание, что вполне устраивало Арфлейна. Время от времени, подняв глаза, он встречался взглядом с Ульрикой Ульсенн, сидящей напротив. Для него это был еще один довольно неудобный ужин.

Рано утром судно вошло в район, где видели китов. Радуюсь отсутствию Ульсеннов и Манфреда Рорсефна, Арфлейн сменил у штурвала Босуна.

В отдалении уже показались мачты китобоев. К этому времени флот еще не разделился: корабли шли одинаковым курсом, и это значило, что киты пока еще не обнаружены.

По мере приближения к основной группе, Арфлейн увидел, что мачты кораблей начали отходить друг от друга: обнаружив стаю, корабли преследовали выбранную ими жертву.

Арфлейн дунул в переговорную трубу на мостике. Ему ответил Манфред Рорсефн.

— Мы настигли стаю, — рапортовал Арфлейн. — Она разделилась; за большими китами гонятся китобои, мы же выберем себе небольшого бычка.

— Сколько еще идти? — в голосе Рорсефна послышались нотки возбуждения.

— Около часа, — коротко бросил в ответ Арфлейн и отошел от трубы.

На горизонте, справа по борту, на сотни футов возвышались в темно-пурпурное небо огромные ледяные скалы. Слева по борту параллельно ей шли небольшие острые гряды льда. Между ними и двигалась яхта Рорсефнов по направлению к месту боини, где уже ясно были видны корабли, преследующие гигантских животных.

Стоя на мостике, Арфлейн уже приготовился было вновь взяться за рулевое колесо, как увидел добычу, прекрасно подходящую их яхте: несколько сбитых с толку бычков впереди по курсу. Вытянув шеи, Рорсефн и Ульсенны пытались, перегнувшись через перила, разглядеть, что происходит впереди.

Вскоре яхта подошла настолько близко, что можно было без труда наблюдать работу отдельных кораблей.

Крепко сжав обеими руками штурвал, Арфлейн уверенно вел корабль по курсу, огибая китобоев по широкой дуге.

По вспененной белизне льда текла темно-красная кровь китов; небольшие суда со стоящими наготове гарпунщиками преследовали гигантских млекопитающих. Кое-где загарпуненные киты тянули за собой утлые суденышки с головокружительной скоростью. Рядом с их яхтой буквально по воздуху пронеслось небольшое судно, влекомое за собой разъяренной болью коровой, превышающей его по длине более, чем в четыре раза, и почти вдвое выше. Двигаясь, она раскрывала гигантскую пасть, полную зубов, отталкиваясь от льда передними и задними плавниками. Костяные полозья судна, казалось, развалятся при очередном прыжке надо льдом. По борту, испуганно вцепившись руками в ограждение, рассыпался экипаж. Шкура коровы, покрытая многочисленными ранами и кровью от десятка вонзившихся в нее гарпунов, поросла жестким серовато-коричневым мехом. Как и большинство китов, она не напала на судно, которое могла бы перекусить пополам в считанные мгновения. Через несколько минут она была уже далеко от яхты.

В другом месте перевернутый на спину бык в предсмертных судорогах беспомощно хлопал массивными плавниками. К нему с копьями и ножами для разделки наготове осторожно приближались матросы с нескольких кораблей. Они казались карликами рядом с издыхающим на льду монстром.

Рядом с ними Арфлейн заметил корчащуюся в судорогах корову, теряющую кровь из огромного количества покрывающих ее ран.

Внимание Арфлейна привлекло какое-то движение с правого борта. Наперерез им мчался огромный бык, волоча за собой баркас. Столкновение казалось неминуемым.

В отчаянии он круто повернул колесо. Полозья яхты затрещали на повороте, она едва избежала столкновения с быком. Со всей силы нажав на колесо, Арфлейн вывел яхту на параллельный баркасу курс. Теперь он ясно видел, что на носу баркаса, зажав в поднятой руке гарпун, стоял капитан Бренн. Его лицо было перекошено ненавистью к пленившему их киту. Животное, обескураженное внезапным появлением яхты, закрутилось на льду, пока не увидело судно Бренна. Спустя мгновение оно бросилось на капитана и его команду. Широко раскрыв-

ишсь, огромные челюсти сомкнулись на баркасом. Раздался неистовый крик захваченных врасплох китобоев. Арфлейн видел, что его друга выбросило на лед. Брени попытался уползти в сторону, но кит уже увидел его и вновь раскрыл челюсти. На мгновение в воздухе показались дрыгающие ноги капитана, затем исчезли и они. Арфлейн повернул колесо, чтобы прийти на помощь другу, но было уже поздно.

Подойдя к киту, он заметил, что на месте Уркварта уже стоит Манфред Рорсефн, наведя на животное гарпунную пушку.

Схватив мегафон, Арфлейн закричал:

— Рорсефн! Глупец! Не стреляйте в него!

Вероятно, услышав его, юноша махнул рукой и вновь склонился над пушкой.

Арфлейн попытался было повернуть но тщетно. Как только массивный гарпун вылетел из дула, по всему кораблю прошло легкое сотрясение. За гарпуном потянулся линь, до тех пор, пока страшное орудие не вонзилось в жертву. Чудовище поднялось на задних плавниках, испустив оглушительный рев; его тень полностью накрыла яхту.

Линь гарпуна натянулся, и передние полозья яхты повисли в воздухе. Внезапно натяжение ослабло: Рорсефн закрепил линь недостаточно надежно, и тот отвязался от кольца на гарпуне.

Наклонив голову ко льду, бык понесся к яхте, щелкая челюстями. Арфлейн умудрился вновь повернуть яхту, и гигантские челюсти щелкнули в воздухе рядом с носом судна. Однако, туловище кита врезалось в правый борт. Яхта закачалась, но сохранила остойчивость.

Манфред Рорсефн попытался зарядить пушку новым гарпуном, но полозья правого борта, не выдержав обрушившегося на них удара, затрепали и с оглушительным треском лопнули. Яхта завалилась на правый борт; ее палуба накренилась под правым углом. В момент, когда кит повернулся для новой атаки, судно протащило одним боком, и оно врезалось в заднюю часть туловища животного. От неожиданного удара Арфлейна перебросило через ограждение мостика. Приподнявшись, он сумел ухватиться за поручни трапа и с трудом, думая лишь об Ульрике Ульсенн, начал подниматься на мостик.

Во время подъема он столкнулся с Янеком, чье лицо искажилось от испытываемого им страха. Посторонившись, Арф-

лейн пропустил его. Взобравшись, наконец, наверх, он увидел там лежащую прямо на палубе Ульрику Ульсенн.

Скользя по наклонившейся палубе, он нагнулся к женщине. Она была жива, но на лбу горела багровая ссадина. Арфлейн замер, разглядывая ее прекрасное лицо; затем, перекинув ее через плечо, он стал пробираться к трапу. Кит заревел и начал новую атаку.

Команда в беспорядке бросилась к левому борту и через ограждение посыпала на лед, спасая свои жизни. Манфред Рорсефн, Уркварт и Хебер не были видны Арфлейну, но он заметил как двое матросов несли Янека в сторону от потерпевшего крушение судна.

Цепляясь за нависшее над палубой переплетение такелажа, Арфлейн почти добрался до спасительного ограждения, когда кит обрушился на носовую часть яхты. Отлетев к штурвалу, Арфлейн увидел всего в нескольких футах от себя гигантскую голову чудовища.

От неожиданности он выпустил Ульрику, и она покатилась по палубе к носовой части корабля. Он пополз за ней, хватаясь за развевающуюся материю ее длинной юбки.

Судно вновь дало крен, на этот раз к носу; Арфлейн едва не угодил в раскрытую пасть, в последний момент успев ухватиться за ванты грот-мачты. Поддерживая женщину одной рукой, он взглядом искал возможность спасения.

Как только голова чудовища повернулась в его сторону, он ухватился за ограждение и прыгнул за борт, не выпуская женщину из рук, не думая ни о чем, кроме бегства.

Они тяжело рухнули в снег. Поднявшись, он вновь взвалил Ульрику на плечи и, ковыляя, побрел прочь, скользя по открытому тонким слоем снега льду. По пути он прихватил упавший с корабля гарпун. Рядом с собой он слышал хриплое дыхание кита, чувствовал, как по льду бьются его плавники; кит пытался настичь людей.

Повернувшись, он увидел, что животное вот-вот достанет их. Арфлейн отбросил тело Ульрики как можно дальше от себя и поднял гарпун. Единственным шансом на спасение было попасть гарпуном в глаз киту и поразить его мозг раньше, чем кит убьет его; тогда он мог бы спасти Ульрику.

Он ударил гарпуном в правый глаз зверя. Кит остановился и закружился на месте, пытаясь вытащить копьё из ослепшего глаза. Зубцы легко вонзились в ткань, но мозга не достигли.

Его левый глаз увидел Арфлейна. Справа от себя Арфлейн

заметил какое-то движение. Заметил его и кит; подняв голову, он открыл пасть.

К зверю, зажав в одной руке гарпун, бежал Уркварт. Не останавливаясь, он бросился на кита, схватившись пальцами за его густую шерсть.

Кит заревел, но отогнать гарпунщика не смог. Уркварт прямо продвигался по спине кита. Инстинктивно понимая, что, как только перевернется на спину и откроет брюхо, его настигнет конец, кит поднялся на дыбы и встряхнулся, но избавиться от маленького упрямого существа, взобравшегося к нему на спину, не сумел.

Вновь увидев Арфлейна, кит захрипел. Осторожно, забыв о своем седоке, он подался вперед. Арфлейн замер, во все глаза смотря на Уркварта, который уже поднялся на ноги и поднял двумя руками свой гарпун.

Как бы чувствуя приближение смерти, кит задрожал. Со всей силы Уркварт погрузил мощный гарпун в позвоночник зверя раз, затем другой.

Фонтан крови вырвался из спины кита, закрыв собой Уркварта, и обрушился на Арфлейна. В этот момент Арфлейн обернулся к застонавшей сзади Ульрике.

Горячая красная кровь намочила их с ног до головы. Нетвердо поднявшись, она протянула руки, глядя Арфлейну в глаза.

Шагнув вперед, он крепко прижал ее к себе, а позади них ревел истекавший кровью кит. Но они не замечали его.

Ее руки обхватили его плечи, она дрожала и всхлипывала. Он обнимал ее по крайней мере несколько минут, зажмурив глаза, прежде чем понял, что они не одни.

Открыв глаза, он оглянулся.

Рядом с ними стоял Уркварт с Манфредом Рорсефном. Левая рука юноши безвольно повисла вдоль тела, его лицо побелело от боли, но он обратился к ним с обычным весельем в голосе:

— Прошу прощения, капитан, но, думаю, что нам пора встретиться с благородным лордом Янеком.

Арфлейн неохотно отпустил Ульрику. Вытерев кровь с лица, она оглянулась.

Повернувшись, Арфлейн видел мертвую тушу чудовища всего в нескольких футах от себя. Огибая ее, к ним с помощью двух матросов приближался Янек Ульсенн. Судя по всему, у него был перелом обеих ног.

— Хебер мертв, — произнес Манфред. — И еще половина команды вместе с ним.

— Мы все заслуживаем смерть, — ответил Арфлейн. — Я знал, что яхта слишком ненадежна, — вы же необдуманно пустили в ход гарпун...

— Но тогда мы бы не получили такого развлечения, — воскликнул Манфред. — Не будьте неблагодарным, капитан.

Взглянув на жену, Янек увидел в ее лице нечто, что заставило его нахмуриться. Он вопросительно взглянул на Арфлейна. Шагнув вперед, Манфред шутливо приветствовал его.

— Твоя жена по-прежнему цела, Янек, если это интересует тебя. Несомненно, тебе интересно узнать, что случилось с нею после того, как ты оставил мостик.

Арфлейн взглянул на Рорсефна.

— Как вы узнали это?

Манфред улыбнулся.

— Я забрался на такедаж, капитан. Оттуда открывался чудесный вид, я заметил все, но никто не видел меня. — Он вновь повернулся к Янеку. — Капитан Арфлейн спас жизнь Ульрике, так же, как и кузен Уркварт, убивший кита. Может быть, вы поблагодарите их, милорд?

— Я сломал ноги, — произнес Ульсенн.

— Благодарю вас, капитан Арфлейн, — впервые за все время заговорила Ульрика. Ее голос слегка дрожал, видно, она еще не полностью оправилась от шока. — Кажется, у вас вошло в привычку спасать Рорсефнов.

Слабо улыбнувшись, она повернулась к Уркварту.

— Благодарю вас, Длинное Копье. Вы — храбрый человек. Вы оба — храбрые люди.

Ее взгляд обращенный к мужу, был преисполнен презрения. Янек резко бросил:

— Вот корабль, что доставит нас домой. — Он кивнул головой. — Пойдем, Ульрика.

Ульрика послушно шагнула за мужем. Арфлейн шагнул за ней, но Манфред Рорсефн сжал его плечо.

— Она его жена, — мягко, с полной серьезностью в голосе, произнес он.

Арфлейн попытался освободиться, но юноша добавил:

— Вне всякого сомнения, вы больше всех уважаете древние законы и обычаи, капитан Арфлейн?

Арфлейн сплюнул на лед.

ПОХОРОНЫ НА ЛЬДУ

Лорд Петр Рорсефн умер в их отсутствие, его похороны состоялись двумя днями позже.

В этот же день хоронили Бренна, хозяина "Нежной девчушки", и Хебера, первого офицера ледовой яхты. За пределами города двигалось сразу три похоронных процессии, но лишь похороны Рорсефна представляли собой значительное зрелище. Арфлейн наблюдал сразу за всеми тремя церемониями. Он считал, что именно Рорсефны погубили его старого друга Бренна, а впридачу и Хебера; причиной их смертей послужила злополучная увеселительная прогулка. Печали его не было предела.

Справа и слева от него черные сани везли тела Бренна и Хебера; прямо перед ним двигалась похоронная процессия Петра Рорсефна, в которой участвовал и сам Арфлейн, заняв место позади родственников. Его лицо было мрачно; и, хотя вначале он был шокирован, узнав о смерти Рорсефна, сейчас был почти спокоен.

На нем был траурный плащ из черной тюленьей кожи с пришитым к нему гербом клана Рорсефнов. Он молча сидел в санях, которые везли волки, одетые в траурные попоны. В других санях, также запряженных черными волками, ехали Манфред Рорсефн и дочь покойного, Ульрика. Рядом с ними шли остальные члены семей Рорсефнов и Ульсеннов. Янек Ульсенн был слишком слаб, чтобы принять участие в похоронах. Впереди процессии ехали черные сани с высоко поднятыми носом и кормой, на которых стоял богато украшенный гроб с покойным лордом Рорсефном.

Траурная процессия медленно двигалась по льду. Высоко в небе метались белые тучи, закрыв собой солнце. Шел легкий снег.

Наконец показалась и сама могила. Она была высечена прямо во льду; с одной стороны ямы сверкали на дневном свете ледяные блоки. Рядом стоял большой подъемный ворот, с помощью которого эти блоки извлекали на поверхность. Своими распорками и качающейся петлей ворот напоминал виселицу.

В воздухе стояла тишина, нарушаемая лишь скрипом полозьев и легким стоном ветра.

Рядом с могилой неподвижно стоял человек. Это бы Уркварт,

как обычно с гарпуном в одной руке, пришедший на похороны своего отца. На его голове и плечах лежал снег, еще больше увеличивая его сходство с приближенным Ледовой Матери.

По мере приближения к могиле Арфлейн все явственнее слышал скрип раскачивающейся на ветру стрелы. К тому же он заметил, что лицо Уркварта выражало какую-то особую смесь скорби и гнева.

Постепенно процессия остановилась у черной ямы во льду. Снег покрывал гроб, холодный ветер развеивал плащ и рвал капюшон с головы Ульрики. Манфред, чья сломанная рука висела на перевязи под плащом, повернувшись, кивнул Арфлейну. Сойдя с саней, они вместе с четверема другими мужчинами подошли к гробу.

Манфред с помощью мальчишки лет пятнадцати перерезал упряжь и передал волков стоящим наготове слугам. Затем, по трое с каждой стороны, они толкнули тяжелый сани в могилу.

Мгновение, словно бы нехотя, сани покачались на краю и, соскользнув, рухнули в темноту. Услышав звук падения, четверо мужчин подошли к ледяным блокам и молча стали закидывать ими могилу. Впрочем, их опередил Уркварт, отложивший, пожалуй, впервые свой гарпун и сбросивший первый блок. Он стоял, сильно сжав губы, с огнем в глазах. Подождав, он взглянул на могилу, вытер руки о засаленный плащ и, подняв гарпун, пошел мимо работающих могильщиков.

Почти час потребовался, чтобы засыпать могилу и водрузить над нею флаг Рорсефнов. Собравшиеся вокруг склонили головы, когда Манфред Рорсефн, помогая себе здоровой рукой, взобрался на вершину погребального холма.

— Сын Ледовой Матери возвращается в ее холодное лоно, — начал он. — Она дала ему жизнь, она же и забрала ее; но он будет жить вечно в ледовых залах ее покоев. Ибо вечны те, кто приходит к ней. Вечная, она объединит мир, где не будет ни времени, ни движения, где не будет ни желаний и разочарований, гнева и радости. Да присоединимся все мы к ней!

В его чистом, ясном голосе слышалось воодушевление. Склонившись на одно колено, Арфлейн повторил за ним последнюю фразу.

Его примеру, правда, с меньшей страстью в голосе, последовали и остальные, едва слышно шепча слова, которые капитан произнес со смелой решительностью.

ЗАВЕЩАНИЕ РОРСЕФНА

Арфлейн, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, ощущал чувство вины, возникшее у Ульрики Ульсенн в связи со смертью ее отца. Это была, скорее, даже скорбь, проступившая во всем ее облике, хотя манера держаться с достоинством осталась при ней по-прежнему. Именно благодаря ее с Манфредом настойчивости состоялась та злосчастная экспедиция в тот самый день, когда умер Рорсефн.

Арфлейн понимал, что невозможно винить ее в том, что она так быстро уверилась в скором выздоровлении своего отца. Действительно, не существовало никакого логического объяснения, почему он сдал так быстро.

Похоже, что сердце, на которое он никогда не жаловался, отказало сразу же после того, как он продиктовал свое завещание. Его должны были вскоре огласить в присутствии Арфлейна и близких родственников покойного. Петр Рорсефн умер в тот час, когда кит атаковал их яхту, спустя несколько часов после разговора с Арфлейном.

В приемной, примыкающей к кабинету ее отца, сжав губы и обхватив руками подлокотники кресла, ждала Ульрика Ульсенн. Рядом с ней сидели Арфлейн и Манфред Рорсефн; тут же, на приподнятых в изголовьи носилках, лежал ее муж. Стены маленькой комнаты покрывали охотничьи трофеи Петра Рорсефна. Затхлый запах, исходивший от голов животных, был неприятен Арфлейну.

Внезапно дверь в кабинет открылась, и Стром, маленький сморщенный человечек, исполняющий обязанности душеприказчика покойного, молча пригласил их пройти в следующую комнату.

Наклонившись, Арфлейн и Манфред Рорсефн подняли носилки с Янеком и последовали за Ульрикой Ульсенн.

Кабинет напоминал каюту корабля, хотя свет исходил не из иллюминаторов, а от тусклых ламп на потолке. Стены от пола до потолка были заняты плакатами. В центре стоял большой стол желтой кости, с куском тонкого пластика на нем. Пластик был покрыт коричневыми, словно начертанными кровью, надписями. Концы его загибались, свидетельствуя, что свиток развернули буквально несколько минут назад.

Усадив Манфреда Рорсефна за стол, старик покинул комнату.

Вздохнув, Манфред принялся читать завещание, нервно постукивая пальцами по столу. Оглашением должен был заниматься Янек Ульсенн, но лихорадка, последовавшая за несчастным случаем, долго не отпускала его; лишь только сейчас смог он приподняться на носилках, наблюдая за кузеном своей жены взглядом, исполненным злобы и беспокойства.

— О чем там? — нетерпеливо спросил он.

— Немного не то, что мы ожидали, — не отрываясь от чтения, ответил Манфред. На его губах играла легкая улыбка.

— Почему этот человек находится здесь, с нами? — рукой указал на Арфлейна Ульсенн. — О нем упомянуто в завещании, кузен?

Арфлейн бросил взгляд поверх головы Янека, но Ульрика упорно смотрела на него.

— Читай его, Манфред, — откинувшись на руку, произнес Ульсенн.

— “Завещание Петра Рорсефна, Главного Корабельного Лорда Фризгальта. — начал Манфред. — Рорсефн мертв. Ульсенны правят.

При этом Манфред бросил ехидный взгляд на сторбленную фигуру Янека.

— Да буду спасен я, мое имущество и корабли, которые настоящим завещанием должны быть разделены поровну между моей дочерью и моим племянником. Сим я дарую командование шхуной “Ледовый дух” капитану Арфлейну из Брершилла, дабы повел он ее к Нью-Йорку, курсом, обозначенным на картах, кои я тоже оставляю ему. В случае, если капитан Арфлейн найдет город Нью-Йорк и живым возвратится во Фризгальт, он станет полноправным обладателем “Ледового духа” и всего груза, привезенного на нем. При этом моей дочери Ульрике и племяннику Манфреду следует сопровождать капитана Арфлейна в его путешествии. Капитан Арфлейн будет иметь власть над каждым, кто пойдет с ним. Петр Рорсефн из Фризгальта”.

Вновь приподнявшись, Ульсенн посмотрел на Рорсефна.

— Старика скрутила лихорадка. Он был безумен. Забудьте об этом условии. Отошлите Арфлейна, разделите имущество согласно завещанию. Неужели вы решитесь еще на одно безумное плаванье сразу же после неудачи, постигшей нас? Несчастье несет новую беду.

— Клянусь Ледовой Матерью, каким ты стал суеверным, кузен! — усмехнулся Манфред.

— Ты прекрасно знаешь, что, отступив хотя бы от одного пункта завещания, мы не сможем вступить во владение. Подумай, как выгодна тебе наша смерть! Моя доля плюс доля твоей жены сделают тебя влиятельнейшим правителем Восьми Городов.

— Я пекусь не о своем состоянии. Я сам достаточно богат. Я хочу сохранить жизнь моей жене!

Вспомнив, как Ульсенн оставил в страхе свою жену во время охоты, Манфред вновь улыбнулся.

Смерив юношу злобным взглядом, Ульсенн, задыхаясь, откинулся на подушки.

Поднявшись, Ульрика произнесла с ничего не выражающим лицом:

— Лучше отнести его в постель.

Подняв носилки, Арфлейн и Манфред прошли за Ульрикой по темному коридору к спальне Ульсенна, где того приняли слуги и уложили на кровать. С белым от боли лицом, почти теряя сознание, он продолжал бормотать о безумном завещании старого Рорсефна.

— Интересно, решится ли он сопровождать нас в путешествии? — улыбнулся Манфред, выйдя из комнаты. — Вероятнее всего, он скажет, что здоровье и обязанности Лорда вынуждают его остаться в расселине.

Все вместе они вернулись в одну из комнат жилой части дома. Стены дома были украшены яркими картинами, кругом стояли кресла и кушетки, представляющие собой деревянные и фиберглассовые рамы с натянутыми на них шкурами животных. Арфлейн сел на одну из кушеток, напротив него села Ульрика, опустив глаза к полу.

Манфред остался стоять.

— Я должен идти, чтобы объявить завещание дяди, по крайней мере, большую его часть, — сказал он.

Для этого ему пришлось, поднявшись в верхнюю часть города, прокричать слова завещания в мегафон. Фризгалт почтил смерть Петра Рорсефна; остановив все работы, жители города разошлись по домам, приняв трехдневный траур.

После ухода Манфреда Ульрика не изъявила желания, как того ждал Арфлейн, оставаться в одиночестве. Напротив, она приказала слугам принести горячий хесс.

— Выпьете немного, капитан? — слабым голосом спросила она.

Кивнув, Арфлейн с любопытством посмотрел на нее. Она поднялась и прошла по комнате, как бы разглядывая картины на стене, без того знакомые ей до мельчайших подробностей.

Наконец, Арфлейн не выдержал.

— Не следует думать, что вы поступили неверно, леди Ульсенн.

Повернувшись, она изумленно подняла брови.

— Неверно? Что вы имеете в виду?

— Вы не бросили своего отца. Мы все думали, что он уже полностью оправился. Он сам говорил нам это. Вы не виноваты.

— Благодарю, — с легкой иронией в голосе произнесла она, кивнув головой. — Не уверена, что я чувствую себя виноватой.

— Прошу прощения, я подумал так, — ответил он.

Подняв голову, она посмотрела ему в глаза. Отчаяние и страх наполняли ее взгляд.

Поднявшись, он шагнул ей навстречу и крепко взял ее за руки.

— Вы сильный человек, капитан Арфлейн, — прошептала она. — Я — слабая.

— Вовсе нет, мэм, — с трудом произнес он.

Мягко высвободив руки, она села на кушетку. Вернувшийся слуга поставил на небольшой столик кувшин с хессом и вновь удалился. Налив напиток в бокал, она протянула его Арфлейну. Он стоял рядом с ней, держа в руке бокал, слегка расставив ноги, и смотрел на нее с жалостью во взгляде.

— Я подумал, что у вас много общего с отцом, — произнес он. — Сила например.

— Вы совсем не знали моего отца, — тихо напомнила она.

— Думаю, что достаточно хорошо знал его. Вы забыли, что я видел его, когда он умирал в одиночестве. Именно силу, такую же силу, что я вижу в вас, я заметил и в нем. Иначе, я просто не стал бы спасать его.

Она вздохнула, ее золотые глаза наполнились слезами.

— Возможно, вы ошибаетесь, — сказала она.

Сев рядом с ней, он покачал головой.

— Вся сила вашей семьи ушла в вас. Впрочем, как и ее слабость.

— Какая слабость?

— Богатое воображение. Оно влекло его к Нью-Йорку, а вас на китовую охоту.

Ульрика благодарно улыбнулась.

— Если это попытка успокоить меня, капитан, то она возымела успех.

— Я успокоил бы вас еще больше, если бы...

Он не хотел говорить этого, не хотел брать ее руки в свои, но все-таки сделал и то, и другое. Однако, она не сопротивлялась, и, хотя ее лицо оставалось задумчивым и серьезным, она не казалась оскорбленной.

Теперь уже Арфлейн задышал быстрее, вспомнив, как обнимал ее на льду. Она залилась румянцем, но по-прежнему позволяла держать себя за руки.

— Я люблю тебя, — почти несчастно произнес Арфлейн.

Разразившись слезами, она прижалась к нему. Он крепко обнял ее, перебирая прекрасные волосы, целуя в лоб, глядя по плечам. На его глаза навернулись слезы, как бы отвечая ее скорби. Смутно сознавая, что он делает, Арфлейн поднял ее на руки и понес из комнаты. Коридор бы пуст, когда он прошел в ее спальню, где, как он полагал, положит ее на постель и оставит спать.

Комната находилась как раз напротив спальни Ульсенна. Она была уставлена креслами, шкафчиками, тут же находился небольшой столик. Кровать покрывали белые меха, такие же меха драпировали стены.

Теперь он уже знал, что, несмотря на испытываемое чувство вины, он уже не может контролировать себя. Он поцеловал ее в губы. В ответ она обвила его шею руками, и он навалился на нее всей тяжестью своего массивного тела, ощущая тепло ее тела через ткань платья, чувствуя, что она дрожит под ним, как испуганная птица. Одной рукой он стал поднимать подол. Схватившись за руку, она попыталась остановить его. Но он с упорством продирался сквозь складки одежды, пока не коснулся ее голого тела.

Вздрогнув от его прикосновения, она прошептала ему, что она девственница, что никогда не позволяла Янеку осуществить их брачные отношения. Он овладел ею, окрасив белый мех кровью. Затем они лежали, тяжело дыша, отдыхая, чтобы потом вновь раствориться друг в друге.

СОВЕСТЬ УЛЬРИКИ УЛЬСЕНН

Рано утром, глядя на спящую Ульрику, Арфлейн понял, что раскаивается в содеянном. Никакие угрызения совести, знал он, не смогут теперь разлучить их, но он нарушил закон, который чтит до этого, закон, который, как он считал, единственный необходим в этом мире. Этим утром Арфлейн понял, что он лицемер, обманщик и вор. Факт этот поверг его в глубокое отчаяние. Еще больше угнетало его, что он воспользовался ранимостью женской души в момент, когда ее собственные силы были подавлены чувством вины и скорби.

И все же он считал раскаяние бесполезным занятием. Что сделано, то сделано, теперь же нужно решать, как жить дальше.

Одевшись, он вздохнул, не желая оставлять здесь Ульрику и сознавая, что сделает с ней закон, если ее уличат в супружеской неверности. В худшем случае ее выпроводят из города и оставят умирать на льду. По крайней мере, их обоих подвергнут ostracismu во всех Восьми Городах, что само по себе является смертью.

Открыв глаза, она нежно улыбнулась ему, внезапно улыбка ее померкла.

— Я ухожу, — прошептал он. — Поговорим позже.

Она села на кровати, меха соскользнули с нее, обнажив грудь. Наклонившись, он поцеловал ее и осторожно снял ее руки со своих плеч, когда она попыталась обнять его.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Не знаю, я подумывал о возвращении в Брершилл.

— Янек сравняет твой город с землей, чтобы отыскать нас. Многие погибнут при этом.

— Я знаю. Даст ли он тебе развод?

— Он владеет мной, поскольку я наиболее знатная женщина Фризгальта, поскольку я красива, образованна и богата, — она поежилась. — Он не заинтересован в требовании своих прав. Он даст мне развод, потому что я отказалась лечь с ним в постель.

— Что же нам делать? Я смогу обманывать его только пока я вынужден защищать тебя. Но, в любом случае, сомневаюсь, что выдержу это долго.

Она кивнула.

— Я тоже сомневаюсь, — вновь улыбнулась Ульрика. — Но если ты заберешь меня, куда мы отправимся?

— Не знаю. Может быть, в Нью-Йорк. Ты помнишь завещание?

— Да, Нью-Йорк.

— Мы поговорим позже, при первом же удобном случае, — произнес он. — Я должен идти, пока не появились слуги.

До этого ни один из них не вспомнил, что она является собственностью Янека Ульсенна, не важно, что он не заслужил право обладать ею. Но теперь, когда Арфлейн собирался уходить, Ульрика взяла его за руку и пылко произнесла:

— Я твоя, несмотря на брачные обязательства. Помни об этом.

Что-то пробормотав, он шагнул к двери и осторожно выскользнул в коридор.

Проходя мимо комнаты Ульсенна, он услышал стоны: новый Лорд Фризгальта повернулся в своей постели.

За завтраком они не репались, как и раньше, взглянуть друг на друга. Они расположились на противоположных концах стола, усадив между собой Манфреда Рорсефна. Его рука все еще висела на перевязи, но казалось, что он, как обычно, в веселом настроении.

— Полагаю, что дядя еще раньше предложил вам командовать “Ледовым духом” в экспедиции к Нью-Йорку?

Арфлейн молча кивнул.

— И вы согласились?

— Почти, — ответил Арфлейн, недовольный присутствием Манфреда.

— А что вы скажете теперь?

— Я поведу корабль, — сказал Арфлейн. — Необходимо некоторое время, чтобы набрать команду и запастись продовольствием. Возможно, потребуется произвести ремонт. Также я хотел бы еще раз взглянуть на те карты.

— Я принесу их вам, — пообещал Манфред, косясь на Ульрику. — Как вы относитесь к предстоящему путешествию, кузина?

Она покраснела.

— Это желание моего отца, — просто ответила Ульрика.

— Отлично, — Манфред откинулся в кресле, не собираясь уходить. Арфлейн подавил в себе желание поторопить его.

Он попробовал растянуть трапезу в надежде, что Манфред потеряет терпение, но, в конце концов, был вынужден позво-

лить слуге забрать тарелку. Манфред поддерживал легкий разговор, очевидно не замечая нежелания Арфлейна разговаривать. Кончилось это тем, что Ульрика, не в силах терпеть такое, поднялась из-за стола и вышла из комнаты. Арфлейн едва удержался, чтобы не последовать за нею.

Тотчас же после ее ухода Манфред поднялся с кресла.

— Подождите здесь, капитан, я принесу карты.

Интересно, подумал Арфлейн, догадался ли Манфред, что произошло сегодня ночью. Он был почти уверен, что даже если юноша и догадался, он ничего не расскажет Янеку, которого просто презирал. Но все же, тремя днями раньше, на льду, Манфред удержал его, когда он шагнул за Ульрикой, видимо, решив воспрепятствовать тому, чтобы он стал между Ульсением и его женой. Юноша был загадкой для Арфлейна. Иногда он насмехался и пренебрегал традициями; в другой раз старался придерживаться их.

Зажав карты здоровой рукой, в комнату вошел Рорсефи. Забрав у него карты, Арфлейн разложил их на столе.

Наибольшая карта, вычерченная в наимельчайшем масштабе, показывала район в несколько тысяч миль. В наложенных на нее контурах Арфлейн признал погребенные континенты Северной и Южной Америки. Должно быть, старый Рорсефи немало потрудился, вычерчивая ее. Тут же было четко указано обитаемое плато, когда-то бывшее землей Матто Гроссо, а теперь занятое Восемью Городами. Две трети восточного побережья северного континента занимал так же четко обозначенный Нью-Йорк. От Матто Гроссо к Нью-Йорку вела линия. Над нею рукой Рорсефи было написано: "Прямой курс (невозможно)". Пунктирной линией был обозначен другой маршрут, идущий по древним участкам суши. Над ним стояло: "Вероятный курс". Местами он был исправлен чернилами разных цветов; очевидно, эти изменения вносились уже во время путешествия. Лишь несколько отрывочных фраз указывали на препятствия, встреченные кораблем. Ссылаясь на ледяные заторы, огненные горы и города варваров, Рорсефи не давал, однако, точного указания их положения.

— Эти карты чертились по памяти, — сказал Манфред. — Подлинные карты и корабельный журнал были утеряны во время крушения.

— Можем ли мы отыскать место крушения? — спросил Арфлейн.

— Вероятно, можем, но игра не стоит свеч. Корабль полно-

стью разбит, журнал и карты безвозвратно утеряны при крушении.

Арфлейн развернул остальные карты. На них был показан район в несколько сот миль от плато.

— Единственное, что мы знаем — это куда смотреть, когда доберемся туда, — раздраженно пробурчал Арфлейн. — И еще мы знаем, что добраться туда невозможно. Мы можем следовать этим курсом и надеяться на лучшее, но я ожидал более точной информации. Сомневаюсь, что старик на самом деле нашел Нью-Йорк.

— Немного удачи, и мы узнаем об этом через несколько месяцев, — улыбнулся Манфред.

— И все же я недоволен картами, — сворачивая большую карту, произнес Арфлейн.

— У нас будет лучший корабль, лучший экипаж и лучший капитан, — убеждал его Манфред.

Арфлейн убрал остальные карты.

— Я сам выберу команду, проверю каждый дюйм такелажа, каждую унцию продовольствия, что мы возьмем на борт. На все приготовления уйдет, по крайней мере, две недели.

В этот момент отворилась дверь. Четверо слуг внесли в комнату носилки с Янеком Ульсенном. Состояние нового правителя Фризгальта, похоже, улучшилось. Сев на носилках, он произнес:

— Вот ты где, Манфред. Видел ли ты Строма сегодня утром? Манфред покачал головой.

— Нет, до этого я был в комнатах дяди.

По знаку Ульсенна слуги осторожно поставили носилки на пол.

— Зачем ты ходил туда? Теперь, как ты знаешь, они принадлежат мне, — повысил голос Ульсенн.

Манфред показал на свернутые карты, лежащие на столе.

— Я ходил за картами, чтобы показать их капитану Арфлейну. Они необходимы, чтобы проложить курс “Ледового дуга”.

— Таким образом, ты собираешься выполнить этот пункт завещания? — ледяным тоном произнес Янек. — Это безрассудно. Петр Рорсефи был безумен, когда сделал иноземца своим наследником. Лучше бы он оставил наследство Уркварту, как-никак, он, все-таки, родня. Я мог бы объявить завещание недействительным...

Сжав губы, Манфред медленно покачал головой.

— Не смог бы, кузен. Все, что угодно, только не завещание старого Лорда. Я уже огласил его. Все узнают, что ты отказался следовать его воле.

Внезапно Арфлейна осенило.

— Вы рассказали всему городу о Нью-Йорке? Старик не хотел предавать это огласке.

— Я не называл конкретно Нью-Йорк, упомянув лишь о городе, лежащем под плато, — уверил его Манфред.

Ульсенн улыбнулся.

— Вот ты и попался. Просто ты упомянул об одном из отдаленных городов Восьмерки...

— Лежащем под плато? Кроме того, если бы в завещании был назван один из Восьми Городов, это было бы равносильно объявлению войны. Боль затуманила твой разум, кузен.

Закашлявшись, Ульсенн бросил взгляд на Манфреда.

— Ты дерзок, Манфред. Я теперь Лорд. Я могу приказывать предать вас обоих смерти...

— Без суда? Это пустые угрозы, кузен. Поймут ли тебя люди?

Несмотря на большой авторитет Главного Корабельного Лорда, фактически власть оставалась в руках граждан города, которые уже не раз в прошлом свергали нежелательного им или деспотичного обладателя титула. Ульсенн никогда не решится на крутые меры по отношению к членам такой уважаемой семьи, каковой являлись Рорсефны. Напротив, его собственное положение в городе было довольно непрочным. Он стал обладателем титула благодаря лишь женитьбе; посади он Манфреда или кого-нибудь другого, находящегося под его покровительством, в тюрьму — быть гражданской войне. Результат этой войны был прекрасно известен Ульсенну.

— Вернемся к завещанию, кузен, — напомнил ему Манфред. Как бы это тебе не нравилось, капитан Арфлейн принимает командование "Ледовым духом". Не беспокойся, представлять нашу семью будем мы с Ульрикой.

Ульсенн загадочно посмотрел на Арфлейна. Приказав слугам поднять носилки, он произнес:

— Если идет Ульрика, пойду и я!

Слуги вынесли его из комнаты.

Манфред с интересом вглядывался в лицо Арфлейна, видя, какое впечатление произвело на него заявление Ульсенна. Он не был готов к нему, полагая, что Ульсенн будет слишком занят своими новыми обязанностями, слишком болен и слишком

труслив, чтобы присоединиться к экспедиции. Он думал, что в предстоящем путешествии его ждет компания Ульрики. Теперь его ничто не ждало.

Манфред рассмеялся.

— Выше голову, капитан. Янек не помешает нам. Он — бухгалтер, домашний торговец, ничего не знающий о хождении под парусом. Он не может помешать нам, даже если бы захотел. Помочь нам найти убежище Ледовой Матери он не сможет, но и помехой не будет.

И хотя уверенность Манфреда была искренней, Арфлейн до сих пор не был убежден, что юноша догадывается об истинной причине его расстройств. Интересно, думал он, догадывается ли Янек Ульсенн, что произошло сегодня ночью в спальне его жены? Взгляд, которым он смотрел на Арфлейна, показывал, что он подозревает что-то, хотя Ульсенн не мог точно знать, что было между ними.

Арфлейн был обеспокоен ходом событий. Ему хотелось тотчас же повидаться с Ульрикой и переговорить с нею.

— Когда вы начнете подбирать команду, капитан? — спросил Манфред.

— Завтра, — бросил Арфлейн, — Я увижу вас, прежде чем отправлюсь на корабль.

Махнув рукой на прощание, он вышел из комнаты и отправился по коридорам с низким потолком в поисках Ульрики. Он нашел ее в центральном зале нижней части дома, там, где сегодня ночью он впервые приласкал ее. При его появлении она быстро поднялась. Ее волосы были зачесаны назад, открывая бледное лицо. Как и в день похорон, на ней было черное платье, сшитое из тюленьей шкуры. Арфлейн закрыл дверь, но она попыталась пройти мимо него. Загородив одной рукой проход, Арфлейн взглянул ей в глаза, но она отвернула голову.

— В чем дело, Ульрика? — В нем усилилось чувство беспокойства. — Ты слышала, что твой муж собирается присоединиться к нашей экспедиции?

Холодно посмотрев на Арфлейна, она отвела его руку.

— Извините, капитан Арфлейн, — официально сказала она. — Но будет лучше, если вы забудете о том, что произошло сегодня ночью. Мы оба были не в себе. Теперь я понимаю, что мой долг — остаться верной ему...

Она держалась подчеркнуто вежливо.

— Ульрика! — Он крепко сжал ее плечи. — Это он приказал тебе сказать это? Он угрожал тебе?

Она покачала головой.

— Разрешите мне пройти, капитан.

— Ульрика... — его голос дрогнул. Опустив руки с ее плеч, он тихо произнес: — Ульрика, почему?

— Помнится мне, вы с пылом защищали старые традиции, — ответила она. — Не единожды я слышала, как вы доказывали, что, предав нашу веру, мы погибнем. Вы восхищались силой ума моего отца и видели эту силу во мне. Возможно, это и так, капитан. Я останусь верной женой моему супругу.

— Ты говоришь не то, что думаешь. Ты любишь меня. Твое сегодняшнее настроение естественно — все стало так сложно. Ты говорила, что теперь ты моя, и это именно то, что лежит в твоём сердце.

Он не смог подавать отчаяния, явственно прозвучавшего в его словах.

— Я думаю то, что говорю, капитан, и если вы уважаете старые традиции, вы будете уважать мое требование видаться как можно реже.

— Нет! — яростно прорычал он, подавшись к Ульрике. Она отшатнулась от него с ледяным выражением на лице. Протянув было к ней руки, Арфлейн сделал шаг назад, пропуская ее.

Теперь он понял, что истинной причиной такой резкой смены отношений между ними была ее совесть. Оспаривать ее решение он не мог — это было ее право. Надежды на лучшее растаяли, как дым. Она медленно вышла в коридор. С перекошенным отчаянием лицом он хлопнул дверью, сломав при этом замок.

Поспешно вернувшись в свою комнату, Арфлейн принялся собирать вещи. Он был уверен, что выполнит ее требование, что не увидит ее до тех пор, пока корабль не будет готов к выходу. Он тотчас же отправится на “Ледовый дух” и приступит к работе.

Закинув за плечи мешок, он быстрым шагом направился по извилистым коридорам к выходу из дома, надеясь, что свежий воздух выветрит из его головы сумрачные мысли.

В зале он встретил удивленного Манфреда Рорсефна.

— Куда вы, капитан? Неужели на “Ледовый дух”? Я думал, что вы отправитесь туда завтра...

— Сегодня, — прорычал Арфлейн, постепенно обретая утерянное самообладание. — И прямо сейчас. До выхода на лед я буду спать на борту. Так будет лучше...

— Возможно, что так, — согласился Рорсефн, обращаясь больше к себе, чем к Арфлейну. Он молча проводил взглядом большого рыжебородого моряка, поспешно направившегося к выходу.

НАСТРОЕНИЕ КОНРАДА АРФЛЕЙНА

Из всех, вновь открытых для себя черт своего характера, больше всего Арфлейна поражала никогда раньше им не замечаемая способность отказаться от своих принципов ради обладания чужой женой. Точно так же абсолютно не вязался с ними тот факт, что, не видя эту женщину, он никак не сможет примириться с этим.

Напротив, он скверно спал, постоянно возвращаясь в мыслях к Ульрике Ульсенн. Он ждал, уже без всякой надежды, что она вернется к нему; когда же этого не произошло, Арфлейн был вне себя от гнева. Он ходил по кораблю, по любым пустякам кричал на команду, рассчитывал матросов, нанятых им днем раньше, распакал, почему зря, офицеров в присутствии экипажа, при этом требовал, чтобы ему докладывали обо всем, что происходит на судне, приходя, однако, в ярость, когда его беспокоили по пустякам.

За ним сложилась репутация хорошего шкипера, сурового и непоколебимого, но в то же время честного. Китобои, составлявшие костяк команды, стремились попасть на "Ледовый дух", несмотря на таинственную цель предстоявшего им путешествия. Теперь же многие из них раскаивались в этом.

Арфлейн подписал контракты с тремя офицерами, вернее, оставил на борту двух имеющихся, а в качестве третьего пригласил Уркварта Длинное Копье. Казалось, что Уркварт не замечает странного состояния Арфлейна, но Потчнефф и старый Кристофф Хинсен были удивлены и расстроены происшедшей с ним переменой. В отсутствии Уркварта, что случалось довольно часто, они, пользуясь моментом, обсуждали эту проблему со всех сторон. Арфлейн понравился им с момента самой первой встречи: Потчнефф высоко ценил в нем честность и силу духа, Хинсен же ощущал с ним более тесную связь, основанную на воспоминаниях о днях их соперничества. Ни тот, ни другой не понимали причин возникшей в Арфлейне перемены, и все же, веря своему первоначальному впечатлению о нем, они надеялись, что вскоре все станет на свои места. Однако, день ото дня терпение Потчнеффа таяло все больше, так что Хинсен едва уговорил его повременить отказываться от должности.

Огромное судно почти полностью заменило паруса и таке-

лаж. Арфлейн самолично проверял каждый штифт, каждый узел и каждый линь. Он осматривал корабль дюйм за дюймом, проверяя прилегание крышек люков, натяжение такелажа, правильность положения рей. Время от времени он испытывал рулевое колесо, по-разному поворачивая полозья корабля. В рабочем состоянии они были неподвижно связаны друг с другом и с поворотным столом. Однако на фордеке, сразу же над громадным сальником рулевого вала, находился аварийный штифт, а рядом с ним — тяжелая металлическая кувалда. Выбив штифт, можно было развернуть полозья под углом друг к другу, создав тем самым некоторое подобие огромного плуга, врезающегося в лед, чтобы обеспечить немедленное торможение корабля. Арфлейн часами проверял это устройство, изредка сбрасывая на лед два тяжелых якоря, находящихся по оба борта корабля, в нижней части днища. Системой рычагов они были связаны с верхней палубой. Пропущенный через последний рычаг штифт удерживал якорь от падения на лед; рядом с каждой стойкой наготове лежали кувалды, чтобы в случае крушения, мгновенно выбив чеку, освободить якоря. Вообще говоря, якорями пользовались довольно редко, а хороший капитан старался обходиться без них, поскольку в случае контакта со льдом корабль, идущий на полной скорости, окончательно выходит из строя.

Вначале, встречаясь с Арфлейном, экипаж радостно приветствовал его, но вскоре команда стала избегать этих встреч, а суеверные китобои начали поговаривать о проклятии и обреченности экспедиции. Однако очень немногие поспешили расторгнуть контракт.

Арфлейн молча наблюдал с мостика, как тук за тюком, бочка за бочкой загружался трюм корабля провиантом.

С каждой новой тонной груза он вновь проверял работоспособность колеса и якорей.

Однажды, заметив Потчнеффа, проверяющего, как один из матросов закрепил лини на грот мачте, он подошел к ним и повис на вантах, оценивая крепость узлов. К несчастью, один из них оказался недостаточно крепким.

— Вы называете это узлом, мистер Потчнефф? — оскорбительным тоном произнес он. — Я думал, в ваши обязанности входит проверять качество выполненных работ.

— Так, сэри

— Мне хотелось бы доверять своим офицерам, — усмехнулся Арфлейн. — Учтите это на будущее.

Вечером Хинсен едва убедил своего товарища остаться на корабле.

Шли недели. За это время были назначены четыре порки за незначительные проступки. Казалось, что Арфлейн умышленно провоцирует экипаж убраться с корабля еще до выхода на лед. И все же многим он импонировал, а тот факт, что на корабле вместе с ним находился Уркварт, служил дополнительным стимулом для их дальнейшего пребывания под командованием Арфлейна.

Изредка на борт поднимался Манфред Рорсефн. Обычно Арфлейн докладывал, что до выхода корабля осталось еще две недели, но с каждым разом, под тем или иным предлогом, он все дальше переносил дату, мотивируя это своей неудовлетворенностью готовностью корабля, ссылаясь на опасность предстоящего путешествия.

— Все верно, но с такими темпами мы упустим лето, — мягко напоминал ему Рорсефн.

Нахмурившись, Арфлейн отвечал, что может вывести корабль в любую погоду. Его осторожность с одной стороны и явная беспечность с другой мало убеждали Рорсефна, но он молчал. Наконец, ледовая шхуна была полностью готова. На ее борту царил идеальный порядок: все, что можно, было отполировано до блеска, палубы были тщательно надраены, все четыре мачты сверкали белоснежными парусами, такелаж был натянут до предела, а на шлюпбалках, выполненных из китовых челюстей, слегка покачиваясь на ветру, висели небольшие шлюпы. Китовый череп на носу шхуны, ухмыляясь, глядел на север, как бы бросая вызов поджидающим там опасностям. “Ледовый дух” был готов к выходу.

Все еще не решаясь послать за пассажирами, Арфлейн молча стоял на мостике, оглядывая корабль. На мгновение его охватило искушение выйти на лед без Ульсеннов и Манфреда Рорсефна. Лед впереди корабля закрывали тучи снега, поднятые ветром, серое небо спустилось до самых мачт. Ухватившись за поручни, Арфлейн подумал, что отправиться к открытому льду в такую погоду не составит труда.

Вздохнув, он повернулся к стоящему рядом с ним Кристоффу Хинсену.

— Пошлите человека к Рорсефнам, мистер Хинсен. Пусть передаст, что если ветер продержится до завтра, утром мы отправляемся.

— Да, сэр, — в голосе Хинсена прозвучало сомнение. — Завтра утром, сэр?

Арфлейн понимал причину его беспокойства. Погода явно портилась, к утру, вероятно, разразится снежная буря, видимость упадет почти до нуля, паруса можно будет поставить с большим трудом. Но уже решив для себя, Арфлейн отвернулся к носу судна.

Спустя два часа он заметил крытые сани, запряженные шестеркой бурых волков.

Внезапно в борт корабля ударил сильный порыв ветра с запада, накренив корабль на левый борт. Арфлейну не понадобилось отдать команду проверить швартовочные канаты. Мгновенно несколько человек отправились к борту, опередив его. Экипаж "Ледового духа" намного превосходил по своей численности все корабли, бывшие под командованием Арфлейна, но даже в минуты раздражения он сознавал, что дисциплина на корабле безукоризненна.

Сани, запряженные волками, остановились под самым бортом корабля.

Выругавшись, Арфлейн спустился с мостика и перегнулся через бортовое ограждение.

— Подай назад! — прокричал он вознице. — Какого черта ты подошел так близко к борту при таком ветре? Достаточно порваться одному канату, и вас раздавит, как орех!

Из окна экипажа выглянула закутанная голова:

— Мы здесь, капитан Арфлейн. Манфред Рорсефи и Ульсенны.

— Прикажите вознице отъехать подальше. Он должен...

Новый порыв ветра подвинул корабль еще на несколько футов. Испуганный погонщик круто развернул волков, нахлестывая их плетью. Натянув упряжь, животные заскользили по льду.

Арфлейн горько улыбнулся.

При таком ветре немногие капитаны рискнули бы сняться с якоря, однако, он выведет корабль в любом случае. Может быть, это и опасно, но тем хуже для Ульсенна и его родственников.

Выйдя из экипажа, Манфред Рорсефи и Ульсенны растерянно стояли на льду, ища глазами Арфлейна. Отвернувшись, он направился к мостику.

Вайдур, корабельный боцман, приветствовал его у трапа.

— Послать команду помочь пассажирам подняться на борт, сэр?

Арфлейн покачал головой.

— Пусть добираются сами, — ответил он. — Можешь спустить сходни, если тебе хочется.

Чуть позже он увидел карабкающегося по трапу на палубу Янека Ульсенна. Рядом с мужем, закутанная в меха с ног до головы, шла Ульрика. Он перехватил взгляд ее глаз, единственное, что осталось открытым под капюшоном. За ними следовал Манфред; приветственно помахав рукой Арфлейну, он вынужден был ухватиться за поручни трапа при новом порыве ветра, вновь сдвинувшем корабль.

Через четверть часа юноша появился на мостике.

— Кузина с мужем прошли в отведенные им каюты, капитан, — сказал он. — Наконец мы готовы?

Кивнув, Арфлейн отошел к правому борту, избегая компании юноши. Казалось, не замечая этого, Манфред последовал за ним.

— Бесспорно, вы знаете свои корабли, капитан. Я думал, что с “Ледовым духом” будет все в порядке, пока за него не взялись вы. Уверен, что во время путешествия мы не испытаем больших трудностей.

Арфлейн окинул Рорсефна взглядом.

— Их вообще не будет, — хмуро ответил он. — Надеюсь, вы напомните своим родственникам, что я самолично командую кораблем с момента его выхода на лед. В моей власти принимать любые решения, дабы обеспечить спокойное продвижение корабля к цели.

— В этом нет нужды, капитан, — улыбнулся Рорсефн. — Безусловно, мы понимаем это. Это закон льдов. Вы капитан, мы подчиняемся вашим решениям.

Арфлейн нахмурился.

— Вы уверены, что Ульсенны понимают это?

— Уверен. Он не сделает ничего такого, что оскорбит вас; возможно, немного похмурится, только и всего. Сомневаюсь, что он вообще поднимется на палубу в ближайшее время. — Манфред замолчал и шагнул к Арфлейну. — Капитан, кажется, вы чувствуете себя не в своей тарелке с тех пор, как приняли командование. Что-нибудь не так? Вас тревожит предстоящее путешествие? Мне показалось, что вы усмотрели в этом... святотатство.

Покачивая головой, Арфлейн взглянул на Рорсефна.

— Вы знаете, что это не так.

На мгновение юноша смутился.

— Я не хочу вмешиваться в ваши личные дела...

— Благодарю вас.

— Мне кажется, что безопасность корабля почти полностью зависит от вас. Если вы не в настроении, капитан, может, имеет смысл отложить выход?

— Со мной все в порядке! — перекрывая шум ветра, прокричал Арфлейн.

— Я подумал, что мог бы помочь...

Поднеся мегафон ко рту, Арфлейн закричал Хинсену, идущему по спардеку:

— Мистер Хинсен, отправьте несколько человек подтянуть провисшие паруса!

Не говоря ни слова, Манфред Рорсефн покинул мостик. Сложив руки на груди, Арфлейн, нахмурившись, проводил его взглядом.

11 ПОД ПАРУСАМИ

На следующее утро буран накрыл город и корабли белой скатертью. Небо слилось с землей; на белом фоне снежной стены вырисовывались лишь мачты кораблей. Температура воздуха опустилась ниже нуля. Лед покрыл такелаж и свернутые на реях паруса. В воздухе, подобно пулям, проносились частицы льда, подгоняемые ветром; пройти даже несколько шагов против давящей волны бурана было почти невозможно. Провисшие паруса хлопали на ветру подобно хвостам тюленей.

Едва только вахтенный пробил две склянки, Конрад Арфлейн с опущенным на глаза козырьком и повязкой на лице вышел из своей каюты на мостик. Добравшись сквозь снежную пелену до носа корабля, он взгляделся в даль. Перед ним кружилась лишь сплошная белая стена снега. Развернувшись, он, не говоря ни слова, прошел мимо стоящего на вахте Потчнеффа в свою каюту.

Потчнефф проводил его обиженным взглядом.

К половине седьмого утра снегопад прекратился, и сквозь завесу туч на землю пробился слабый солнечный свет. На мостике, рядом с Арфлейном уже стоял Хинсен с мегафоном в руках. По вантам медленно продвигались одетые в теплую одежду матросы. На палубе, рядом с грот-мачтой, надвинув на голову высокий капюшон, стоял Уркварт, наблюдая за работающим экипажем. Арфлейн взглянул на Хинсена.

— Все готово, мистер Хинсен?

Получив в ответ утвердительный кивок и понимая, что Рорсефн и Ульсенны еще спят, он скомандовал:

— Отдать швартовы!

— Отдать швартовы! — прогремел по кораблю голос Хинсена, и команда бросилась к швартовочным канатам. Освободившись от канатов, шхуна подалась вперед.

— Поднять стаксели!

Команда была тут же выполнена.

Наполненные ветром, паруса изогнулись, подобно крыльям гигантской птицы, медленно увлекая корабль вперед. Из-под скользящих по льду полозьев фонтанами полетел снег; мимо стоящих на приколе судов шхуна отошла от порта, опуская и поднимая нос по мере прохождения неровностей льда. Над то-

пами мачт, оглушительно крича, закружили коршуны, паря над развевающимися на ветру огромным штандартом Рорсефнов. Наконец корабль вышел из спаренных глубоких борозд, проложенных во льду. Огромное грациозное судно все дальше уходило из порта; налипший на такелаж лед падал вниз подобно драгоценному дождю. "Ледовый дух", оставив за собой Фризгальт, двигался на север.

— Поднять паруса, мистер Хинсен.

Одно за другим, полотнища затрепетали на ветру, и судно пошло по льду на полных парусах.

Хинсен вопросительно взглянул на Арфлейна: никто еще не выходил из порта, подняв все паруса. Но тут же он заметил, как меняется выражение лица Арфлейна по мере увеличения скорости судна. Оно смягчилось, на губах появилась улыбка, в глазах разгорался огонь.

Глубоко вздохнув, Арфлейн откинул козырек, наслаждаясь бьющим ему в лицо ветром, качанием палубы под ногами.

Впервые с тех пор, как Ульрика Ульсенн отвергла его, он почувствовал облегчение. Улыбнувшись Хинсену, он сказал:

— Это настоящий корабль, мистер Хинсен!

Старый Кристофф, донельзя обрадованный происшедшей в Арфлейне переменной, широко улыбнулся.

— Да, сэр. Он умеет ходить.

Под мостиком, на палубе, и наверху, по вантам, двигались под неустанным наблюдением Уркварта моряки, подобно черным призракам на фоне белого снега. Изредка Длинное Копье забирался на ванты, помогая морякам управиться с такелажем. Холод и снег, в сочетании с необходимостью надевать теплые рукавицы, сильно затрудняли работу китобоев, хотя они привыкли к таким условиям больше, чем торговые моряки.

Арфлейн ни разу еще не говорил с Урквартом с тех пор, как тот подписал контракт. Он был рад заполучить гарпунщика себе на борт, предложив ему место третьего офицера. Арфлейн не понимал, почему Уркварт согласился принять предложение, поскольку ему не было сказано ни слова о цели их путешествия. Перехватив взгляд капитана, Уркварт холодно кивнул Арфлейну.

Арфлейн шестым чувством верил в способности Уркварта командовать экипажем, зная о его высоком престиже у китобоев; он не сомневался в правильности своего решения, но сейчас вновь удивился согласию Уркварта.

Было бы понятно, если бы он согласился принять участие в

китовой охоте, но не было никакого объяснения, почему профессиональный гарпунщик отправился в таинственную исследовательскую экспедицию. Возможно, Уркварт, чувствуя в себе ответственность за дочь и племянника своего покойного отца, решил сопровождать их в плавании; внезапно перед глазами Арфлейна возник образ Уркварта у могилы старого Рорсефна. Хотя, возможно, он просто чувствовал дружеское расположение к Арфлейну. В конце концов, именно Уркварт, оценив состояние Арфлейна в эти дни, понял необходимость оставить его в одиночестве. Из всех обитателей корабля Арфлейн ощущал привязанность лишь к гарпунщику, хотя тот и оставался для него чужим. Он уважал Хинсена, но после размолвки на борту "Ледового духа" два месяца назад теплота их отношений несколько остыла.

Облокотившись на поручни, Арфлейн наблюдал за работой команды. Пока корабль не начнет спускаться с плато, ему ничего не грозит, а до края плато, даже если идти полным ходом, было несколько дней пути. Он предоставил себе удовольствие забыть обо всем, кроме движения корабля, вида снега, вылетающего из-под полозьев, и отраженных во льду вспышек бледного красно-желтого неба.

Среди моряков бытовала присказка, что корабль под мужчиной так же хорош, как и женщина. Теперь Арфлейн соглашался с этим. Едва только шхуна вышла на курс, как его настроение резко поднялось. Он все еще думал об Ульрике, но теперь не ощущал в себе такого отчаяния, такой ненависти ко всему человечеству, что владели им во время подготовки корабля.

Оглядываясь назад, он почувствовал себя виноватым за хамское поведение с офицерами и экипажем. Манфреда Рорсефна беспокоило, что его состояние продлится долго, но сам Арфлейн отвергал мысль о том, что в этом есть что-то ненормальное. Теперь же он понимал юношу: он не смог бы нормально командовать кораблем, оставаясь в этом настроении. Его удивляло, что простое ощущение движения корабль по льду может так изменить его всего за какой-то час. Он признавал, что и раньше, сходя с корабля, ощущал какое-то беспокойство, но еще никогда его плохое настроение не доходило до таких пределов. Он гордился своим самообладанием. На время он потерял его, теперь же обрел вновь.

Возможно, он сам еще не понимал, что стоит Ульрике Ульсени пару раз попасться ему на глаза, как от его самообладания

вновь не останется и следа. Даже когда он увидел поднимающегося на борт Янека, которому помогал Потчнефф, даже это не омрачило ему настроение; сардонически улыбнувшись Ульсенну, он произнес:

— Мы уже в пути, лорд Ульсенн. Надеюсь, мы не разбудили вас?

Потчнефф буквально открыл рот от изумления. Он уже настолько привык к хмурому виду своего капитана, что любое проявление веселости у Арфлейна казалось ему чем-то из ряда вон выходящим.

— Вы разбудили нас, — начал было Ульсенн, но Арфлейн перебил его, обратившись к первому офицеру:

— Полагаю, что вы стояли на вахте всю ночь, да еще прихватили половину утренней вахты, мистер Потчнефф?

— Да, сэр.

— Я подумал, что вам следует пойти отоспаться в свою каюту. — Арфлейн вложил в голос всю свою вежливость, на которую только был способен.

Потчнефф пожал плечами.

— Я хотел отдохнуть, предварительно поев, но, встретив лорда Ульсенна...

Арфлейн махнул рукой.

— Я вижу. Лучшие отправляйтесь к себе, мистер Потчнефф.

— Слушаюсь, сэр.

Оставив Ульсенна, первый офицер спустился по трапу. Арфлейн умышленно игнорировал Ульсенна, и тот сознавал это; он злобно посмотрел на Арфлейна.

— Вы можете полностью командовать кораблем, капитан, но мне кажется, что вы могли бы быть повежливее с пассажирами и офицерами. Потчнефф рассказал мне, что вы тут вытворяли, приняв командование. Ваша невоспитанность на устах всего Фризгальта. Предоставленная вам возможность возвыситься над вашими приятелями не дает вам права...

Арфлейн вздохнул.

— Я убедился, что корабль содержится в образцовом порядке, если именно это Потчнефф имел в виду, — ответил он.

Его удивила неверность Потчнеффа. Вероятно, первый офицер был более привязан к правящим кругам Фризгальта, нежели к иноземному капитану. Должно быть, его собственное поведение подтолкнуло первого офицера к этому. Арфлейн пожал плечами. Если первый офицер чувствовал себя обиженным — что поделаешь, лишь бы прилежно выполнял возложенные на него обязанности.

Заметив жест Арфлейна, Ульсенн неверно истолковал его.

— Вам известно, как отзываются о вас ваши люди, капитан?

Небрежно облокотившись на ограждение, Арфлейн сделал вид, что его страшно интересует стремительно убегающий назад лед.

— Команда всегда ворчит на своего капитана. Так было всегда, важно лишь, как это отражается на ее работе. В это путешествие я нанял китобоев, лорд Ульсенн, диких китобоев. Я ожидал, что они будут недовольны.

Арфлейн рассмеялся.

— Они слишком суеверны. Веря в проклятия, они испытывают удовлетворение. Не имея возможности так расписать характер своего капитана, немногие бы из них последовали бы за ним. Это соответствует их понятию драмы.

— Успокойтесь, лорд Ульсенн, — сказал наконец Арфлейн.

— Возвращайтесь в каюту и дайте отдых своим ногам.

Гнев перекошил худощавое лицо Ульсенна.

Вы невозможный грубиян, капитан.

— К тому же я непреклонен, лорд Ульсенн. Командование экспедицией полностью в моих руках, любая попытка подменить меня в этом будет встречена соответственно. — Арфлейн решил воспользоваться возможностью принуждать Ульсенна. — Извольте сойти с мостика!

— Что, если экипаж и офицеры недовольны вашим командованием? Что, если они чувствуют вашу некомпетентность в управлении кораблем?

Голос Ульсенна перешел на визг.

Лишь недавно обрета утраченное самообладание, Арфлейн испытал чувство радости, видя, как выходит из себя его собеседник.

— Спокойствие, милорд. Если они недовольны, существует обычный в таких случаях порядок. Можно поднять мятеж, что было бы неразумно; во-вторых, можно выбрать временного капитана, отстранив меня от должности. В любом случае экспедиция будет сорвана, мы заходим в первый же дружественный нам город и составляем обычный рапорт. — Арфлейн сделал нетерпеливый жест рукой. — Сэр, вам следует раз и навсегда смириться с моим командованием. Наше путешествие будет долгим, лучше избегать подобных конфликтов.

— Вы сами порождаете эти конфликты, капитан.

Презрительно пожав плечами, Арфлейн не удостоил его ответом.

— Я оставляю за собой право отменять ваши приказы, если они не отвечают интересам экспедиции. — продолжал Ульсенн.

— А я оставляю за собой право, сэр, вздернуть вас при первой же попытке. Я буду вынужден предупредить экипаж выполнять только мои приказания. Полагаю, что это затруднит вас.

Ульсенн фыркнул.

— Вне всякого сомнения, вам известно, что большинство членов команды, включая офицеров, — фризгальтийцы? Поэтому слушать они будут именно меня, а не чужеземца...

— Возможно, — ответил Арфлейн. — В любом случае, мое капитанство дает мне право, как я уже сказал, пресекать любую попытку мятежа, пресекать словом либо делом.

— Вы знаете свои права, капитан, — в ответе Ульсенна прозвучал сарказм, — но они искусственны. Мое право, право крови — командовать жителями Фризгальта.

Стоявший рядом с Арфлейном Хинсен неожиданно хохотнул. При этом он демонстративно прикрыл рот одетой в рукавицу рукой.

Это возымело действие... Ульсенн был полностью разбит. Взяв его за руку, Арфлейн проводил Лорда до трапа.

— Возможно, все наши права искусственны, лорд Ульсенн. Но мои права призваны поддерживать на корабле дисциплину.

Ульсенн начал спускаться на палубу, но когда по знаку Арфлейна Хинсен попытался взять его под руку, тот оттолкнул старика и, преодолевая боль в ногах, поковылял по палубе. Хинсен усмехался; капитан осуждающе сжал губы.

Остатки туч исчезли, и небо окрасилось в нежно-голубой цвет. Ровно идущий корабль четко вырисовывался на фоне сливающихся вдалеке неба и льда.

Оглянувшись, Арфлейн отметил про себя, что люди расслабились, собирались небольшими группами на верхней палубе. От них к мостику направился Уркварт.

12 НА КРАЮ

Арфлейн с удивлением наблюдал за поднимающимися на мостик гарпунищиком. Возможно, Уркварт почувствовал, что настроение капитана изменилось к лучшему, и он готов увидеться с ним. Коротко кивнув Хинсену, гарпунищик остановился перед Арфлейном и, воткнув гарпун в палубу, задумчиво оперся о него. Откинув капюшон, он открыл спутанную гриву черных волос. Его чистые голубые глаза внимательно разглядывали Арфлейна, тогда как худое красное лицо оставалось, как всегда, неподвижным. От него исходил слабый запах китовой крови и ворвани.

— Итак, сэр, — произнес он грубым, но тихим голосом, — мы в пути.

Казалось, он чего-то ждал от Арфлейна.

— Вы хотите знать цель нашего путешествия, мистер Уркварт? — спросил Арфлейн. — Мы направляемся к Нью-Йорку.

Стоявший рядом с Урквартом Хинсен выпучил глаза от удивления.

— Нью-Йорк!

— Но это строго между нами, — предупредил Арфлейн. — Я хочу, чтобы об этом знали только офицеры.

На угрюмое лицо Уркварта медленно напознала улыбка. Она быстро исчезала, но голубые глаза гарпунищика посветлели.

— Итак, мы идем к Ледовой Матери, капитан!

Он не ставил под сомнение само существование мифического города, будучи твердо уверенным в его реальности. Однако старое морщинистое лицо Хинсена несло на себе печать скепсиса.

— Для чего мы идем к Нью-Йорку, сэр? Может, цель нашего путешествия — подтвердить сам факт его существования?

Арфлейн, поглощенный изучением реакции Уркварта на эту новость, ответил довольно неопределенно.

— Лорд Петр Рорсефн обнаружил город, но был вынужден вернуться, так и не исследовав его. У нас есть карта, думаю, что город действительно существует.

— А Ледовая Мать ждет нас в своем дворце? — Хинсен не смог удержаться, чтобы не сиронизировать.

— Узнаем, когда доберемся туда, мистер Хинсен.

На мгновение Арфлейн сосредоточил все свое внимание на втором офицере.

— Она будет там, — убежденно произнес Уркварт.

С удивлением взглянув на гарпунщика, Арфлейн вновь обратился к Хинсену:

— Помните, мистер Хинсен, это строго между нами!

— Так точно, сэр. — Помолчав, Хинсен тактично добавил: — Если мистер Уркварт хочет переговорить с вами, я сделаю обход корабля, сэр. Всегда неплохо, чтобы кто-нибудь наблюдал за командой.

— Совершенно верно, мистер Хинсен. Благодарю вас.

После того, как Хинсен покинул мостик, мужчины некоторое время стояли молча, не зная, с чего начать разговор. Вытащив из палубы гарпун, Уркварт подошел к ограждению. За ним последовал и Арфлейн.

— Довольны, что приняли приглашение, мистер Уркварт? — наконец спросил он.

— Да, сэр.

— Вы действительно думаете, что мы найдем Ледовую Матерь?

— А вы, капитан?

Арфлейн сделал неопределенный жест.

— Три месяца назад, мистер Уркварт, я бы сказал “да”, существование Нью-Йорка поддерживало бы мою веру. Теперь же... Говорят, что ученые опровергли ее. Ледовая Матерь умирает.

Уркварт переступил с ноги на ногу.

— В таком случае ей понадобится наша помощь, сэр. Может быть, поэтому мы и отправились в путь. Может, это судьба, она зовет нас.

— Может быть, — в голосе Арфлейна прозвучало сомнение.

— Думаю, что так, капитан. Петр Рорсефи бы ее посланником к вам, поэтому-то вы и нашли его на льду; передав вам сообщение, он умер. Неужели вы не понимаете, сэр?

— Может, так и есть на самом деле, — согласился Арфлейн.

Мистицизм Уркварта смущал даже Арфлейна. Взглянув на гарпунщика, он увидел в его глазах фанатизм и абсолютную убежденность в своих словах.

— Я уже не тот, что был раньше, мистер Уркварт, — печально ответил он.

— Да, сэр. — Казалось, что Уркварт разделяет его печаль.

— По вы найдете себя в этом путешествии и восстановите свою веру, сэр.

Арфлейн был поражен вмешательством Уркварта в его личные дела.

— Возможно, эта вера не нужна мне теперь, мистер Уркварт?

— Возможно, она нужна вам больше, чем кому-либо из нас, капитан.

Арфлейн пожал плечами.

— Я удивляюсь тому, что произошло со мной. Три месяца назад...

— Три месяца назад вы не были знакомы с семьей Рорсефнов, капитан, — в голосе Уркварта прозвучала жалость. — Они заразили вас своей слабостью.

Я понял, что вы почувствовали себя ответственным за безопасность семьи, — удивленно произнес Арфлейн. Это была всего лишь догадка, но он был уверен в ее правильности.

— Я хочу сохранить вам жизнь, если именно это вы имеете в виду, — уклончиво ответил Уркварт.

— Не уверен, что понимаю вас, — начал было Арфлейн, но Уркварт уже отвернулся от него, устремив свой взгляд к горизонту.

Молчание затянулось; Арфлейн чувствовал, что доверительность в их разговоре исчезла. Гарцуник вновь повернулся к нему, черты его лица несколько смягчились.

— Это воля Ледовой Матери, — сказал он. — Вам нужна была помощь семьи, чтобы заполучить корабль. Теперь же всеми силами избегайте наших пассажиров, капитан. Они слабы. Даже старик был слишком снисходителен, а он был лучше оставшихся в живых...

— Вы утверждаете, что это устроила Ледовая Матерь, — хмуро произнес Арфлейн. Я же думаю, что другая, не менее таинственная сила толкнула меня на встречу с этой семьей...

— Думайте, что вам угодно, — нетерпеливо ответил Уркварт. — Я же доподлинно знаю наперед вашу судьбу. Избегайте семьи Рорсефнов.

— А как с лордом Ульсением?

— Лорд Ульсен — ничто, — усмехнулся Уркварт.

Обеспокоенный замечанием Уркварта, Арфлейн промолчал. Теперь он и сам понял, насколько крепко связала его судьба с этими тремя людьми. И все же, думал он, в каждом из них есть своя сила. Они не настолько нежны, как полагает Уркварт. Даже Ульсен, несмотря на свою природную трусость, был по-

своему честен, пусть даже в вере в свое абсолютное право управлять людьми. В том, что Арфлейн отступил от своих старых убеждений, проявилась его слабость, не их. Уркварт объяснял это их влиянием. Может, он и прав.

Вздохнув, Арфлейн смахнул снег с ограждения.

— Надеюсь, мы найдем Ледовую Матерь, — наконец сказал он. — Я должен быть уверен, мистер Уркварт.

— Она будет там, капитан. Вскоре вы сами удостоверитесь в этом.

Протянув руку, Уркварт взял Арфлейна за плечо. В его глазах светилась вера, рука потрясала громадный гарпун.

— Это верно, — указав на лед, воодушевленно произнес он. — Соберитесь с силами, капитан. Они понадобятся вам в нашем путешествии.

Спустившись с мостика, гарпуник удалился, оставив Арфлейна с чувством беспокойства на душе. Но в то же время он, Арфлейн, был настроен куда более оптимистично, чем раньше.

С того времени Уркварт стал частенько заглядывать на мостик. Обычно он молчал, прислонившись к рулевой рубке или облокотившись на поручни ограждения, как будто пытался своим присутствием передать всю свою силу духа. Он был одновременно и наставником, и опорой капитана, а их корабль быстро продвигался к краю плато.

Спустя несколько дней Манфред и Арфлейн стояли над разложенными в каюте капитана картами.

— Завтра мы подойдем к краю. — Рорсефн указал на карту плато, единственную более или менее точную из всех, имеющихся у них, карт. — Спуск будет трудным, капитан?

Арфлейн покачал головой.

— Не обязательно. Посмотрите, в этом месте свободный путь, — он положил руку на карту. — Ваш дядя назвал его “Великий Северный Путь”.

— Здесь он потерпел крушение, — лицо Рорсефна изменилось.

— Да, — кивнул Арфлейн. — Следуя курсом норд-ост-норд, на три четверти к норду, мы придем к месту, где спуск довольно полог, и нет холмов. Неровности начнутся в самом низу, и мы потеряем достаточно энергии, чтобы перейти без особых затруднений. Думаю, что смогу справиться с этим.

Рорсефн улыбнулся.

— Похоже, что вы вновь обрели уверенность, капитан.

Арфлейн никак не отреагировал на это.

— Проложим лучше курс, — холодно сказал он.

Выйдя из каюты на палубу, они едва не столкнулись с Янеком и Ульрикой Ульсенн. Поклонившись, Рорсефн улыбнулся им, Арфлейн же нахмурился. Впервые с начала путешествия он так близко подошел к женщине. Проходя мимо них, она едва слышно поздоровалась, пряча глаза. Ульсенн же смерил их злобным взглядом.

Чувствуя слабость в ногах, Арфлейн поднялся на мостик, где уже стоял Уркварт с неизменным гарпуном в руке. Пройдя мимо него в рубку, он приветственно кивнул. При их появлении рулевой отдал честь.

Арфлейн подошел к большому грубому компасу. Лежащий рядом с ним хронометр насчитывал уже несколько веков и ходил весьма неточно. Однако, даже этого оборудования хватало, чтобы довольно точно проложить курс. Развернув карту, Арфлейн разложил ее на столе, произвел вычисления и, убедившись в своей правоте, удовлетворенно кивнул.

— Следует приставить к штурвалу еще одного человека, — решил он и, высунувшись из дверей, обратился к Уркварту:

— Мистер Уркварт, пришлите сюда помощника для рулевого.

Уркварт направился к трапу.

— И пошлите еще двоих людей наверх, — крикнул ему вслед Арфлейн. — Нам нужно много дозорных. Край плато уже близко.

Вернувшись к штурвалу, он оттеснил рулевого. Схватившись обеими руками за ручки колеса, он дал ему свободу перемещаться под ходом полозьев. Затем, взглянув на компас, он повернул “Ледовый дух” на несколько румбов право руля.

Удостоверившись, что корабль лег на новый курс, он вернул управление рулевому.

— Твоя задача довольно проста, — обратился Арфлейн к вошедшему в рубку второму матросу. — Будешь стоять наготове, чтобы при необходимости помочь рулевому справиться со штурвалом.

Арфлейн с Рорсефном вновь вышли на мостик.

Взглянув на ют, они увидели Уркварта, разговаривающего с группой моряков.

— Похоже, Уркварт причислил вас к нашей семье, капитан. В голосе юноши не было и намека на усмешку, но Арфлейн с подозрением взглянул на него.

— Не уверен в этом.

Юноша рассмеялся.

— Уж Янек точно не сделал этого. Вы видели, как он посмотрел на вас? Не знаю, почему он ввязался в это предприятие. Он ненавидит корабли. У него свои дела во Фризгальте. Может быть, он хочет защитить Ульрику от внимания диких моряков?!

Арфлейн почувствовал беспокойство, не зная, как расценить слова Рорсефна.

— Она здесь в полной безопасности, — проворчал он.

— Я знаю, — согласился Манфред. — Но Янек не уверен в этом. Он ревнует ее. И ценит не меньше, чем склад, полный парусов.

Арфлейн пожал плечами.

Облокотившись о перила, Манфред рассеянно смотрел на ванты, по которым уже карабкались к вороньему гнезду на бом-брам-стеннге фок-мачты дозорные, посланные Урквартом.

— Полагаю, что это наш последний день на безопасном льду, — сказал он. — Пока путешествие складывается для меня неинтересно. Возможно, на краю нас ждут приключения.

Арфлейн улыбнулся.

— Не сомневаюсь, что так и будет.

Небо было по-прежнему чистым, голубым и безоблачным. Лед сверкал под солнцем, а белые, туго натянутые паруса переливались светом. Едва слышно потрескивали полозья, подпрыгивая на небольших неровностях льда, да изредка скрипели рей.

Рорсефн усмехнулся.

— Надеюсь. Подозреваю, что и вы тоже. Мне подумалось, что вам самому небольшое приключение доставит радость.

На следующий день появился край плато. Казалось, что горизонт резко приблизился к ним. Арфлейн, бывший до этого рядом с краем всего однажды, содрогнулся, глядя вперед.

В действительности, спуск был достаточно полог, но с корабля казалось, что земля оборвалась, и корабль ждет неминуемая гибель. Ощущение такое, будто он подошел к краю земли. Мир, лежащий за краем, был полностью незнаком ему. Едва только корабль начал спуск, им овладел страх.

Стоя на мостике, Арфлейн поднес мегафон к губам.

— Абордажные крючья за борт, мистер Потчнефф! — закричал он первому офицеру. — И пошевеливайтесь!

Заостренные крючья замедлят ход, подумал он.

Внезапно шхуна опасно закачалась с борта на борт.

— Сэр! — закричал из рубки Хинсен.

Двое матросов, уцепившись за штурвал, пытались удержать “Ледовый дух” на курсе.

— Полозья разворачиваются, сэр, — с тревогой произнес Хинсен. — Совсем немного, но нам трудно удержать их. Они попали в каналы во льду, сэр. При такой скорости мы можем перевернуться.

Встав между двумя матросами, Арфлейн ухватился за штурвал. Он тотчас же понял, что имел в виду Хинсен. Полозья скользили по неглубоким, но прочным канавкам во льду, образовавшимся в результате постоянного, на протяжении многих веков, передвижения льда. Перед ними стояла реальная угроза перевернуться оверкиль.

— Сюда необходимо еще двоих, — сказал Арфлейн. — Найдите двух лучших рулевых из тех, что мы имеем, и убедитесь, чтобы у них были мускулы.

Хинсен выбежал из рубки, а Арфлейн с двумя матросами повис на штурвале. Корабль начал заметно вибрировать.

Вместе с Хинсеном в рубку вошли два матроса. Но, даже несмотря на их помощь, корабль продолжал опасно разворачиваться на спуске, угрожая полностью выйти из-под контроля. Арфлейн взглянул на нос судна. Конца спуска не было видно; казалось, он будет продолжаться вечно.

— Оставайтесь здесь, мистер Хинсен, — произнес он. — Пойду погляжу, что нас ждет впереди.

Сойдя с мостика, Арфлейн по дрожащей палубе добрался до бака. Лед впереди корабля ничем не отличался от того, что был за кормой. Подпрыгивая, корабль разворачивался, а затем вновь возвращался на курс. Крутизна спуска заметно возросла. Возвращаясь назад, Арфлейн заметил Ульрику Ульсенн. Рядом с ней, уцепившись руками в ограждение и широко открыв глаза, стоял Янек.

— Причины для беспокойства нет, мэм, — подойдя к ней, произнес Арфлейн.

Взглянув на него, Янек подозвал жену к себе. С болью в глазах она повернулась и, подобрав юбки, отошла от Арфлейна.

Впервые с тех пор, как они расстались, он увидел на ее лице следы эмоций. Он был удивлен. Беспокойство за безопасность корабля заставило его забыть свои чувства к ней; он заговорил с ней, как заговорил бы с любым другим пассажиром.

Им овладело желание последовать за Ульрикой, но в это время корабль внезапно сошел с курса и, казалось, заскользил боком.

Припустив бегом, Арфлейн одним махом поднялся на мостик и влетел в рубку. Хинсен и четверо матросов боролись со штурвалом; по их лицам катил пот, мускулы были напряжены до предела. Ухватившись за ручку колеса, Арфлейн попытался помочь им вернуть корабль на курс.

— Мы идем чертовски медленно, — проворчал он. — Если только мы увеличим скорость, то, вполне возможно, что проскочим эти чертовы канавки по воздуху.

Корабль снова толкнуло в бок. Сжав зубы, Арфлейн попытался повернуть штурвал.

— Выбивайте штифт, сэр! — взмолился Хинсен. — Бросайте якорь!

Арфлейн бросил на него хмурый взгляд. Никогда капитан не бросит якорь, если есть еще надежда найти выход.

— Какой смысл замедлять ход, мистер Хинсен? — ледяным тоном спросил он. — Наоборот, нам нужно прибавить в скорости!

— Остановите корабль, сэр, выбейте аварийный штифт. Это наш единственный шанс. Должно быть, именно это и привело лорда Рорсефна к крушению.

Арфлейн сплюнул на пол.

— Якоря, аварийные штифты, скорее! Лучше пусть мы разобьемся с ними, чем без них.

— Нет, мистер Хинсен, мы пойдем под всеми парусами!

В своем удивлении Хинсен почти забыл о штурвале. Он неверящим взглядом уставился на капитана.

— Под всеми парусами?

Полозья резко завизжали, и корабль понесло боком. Несколько мгновений они молча боролись с колесом, прежде чем сумели вернуть корабль на курс.

— Еще два-три раза, и мы потеряем пихуну, — убежденно произнес ближайший к Арфлейну матрос.

— Да, — проворчал Арфлейн, глядя на Хинсена. — Поставьте все паруса!

Видя нерешительность помощника, Арфлейн снял со стены мегафон и вышел на мостик.

На баке он увидел испуганного Потчнеффа. На корабле царила атмосфера молчаливой паники.

— Мистер Потчнефф, — проревел в мегафон Арфлейн. — Отправьте людей на реи! Полные паруса!

Потчнефф недоверчиво посмотрел на него.

— Что вы сказали, сэр?

— Полные паруса. Чтобы управлять кораблем, нам нужна скорость!

Угрожающе задрожав, корабль начал новый разворот.

— Все на ванты! — закричал Арфлейн и, бросив мегафон, кинулся обратно в рубку. Хинсен старательно избегал его взгляда, несомненно полагая, что капитан сошел с ума.

Через иллюминатор Арфлейн посмотрел на карабкающихся по вантам матросов. И вновь они успешно вернули корабль на прежний курс. Захлопали наполняющиеся паруса. Корабль еще быстрее помчался по крутому спуску.

Убедившись, что штурвал начал слушаться его, Арфлейн испытал чувство удовлетворения. Он по-прежнему требовал к себе достаточно внимания, но держать корабль по курсу стало намного легче. Однако появилась опасность, что при неожиданном появлении на их пути любого препятствия они на полной скорости врежутся в него.

— Идите на палубу, мистер Хинсен, — приказал он насмерть перепуганному офицеру. — Передайте Уркварту, чтобы он с мегафоном забрался на палубу и осуществлял с мачты дозор!

С увеличением скорости корабля лед по его бортам как бы размазался в одно большое пятно.

Подпрыгнув на льду, огромный корабль вновь опустился на поверхность, скрипя полозьями, и управлять им было неизмеримо легче.

Лицо Уркварта, бросившего взгляд на рубку, оставалось спокойным, экипаж же выглядел достаточно испуганным. Арфлейна обрадовал ощущаемый ими дискомфорт.

Примерно час шхуна продолжала свой стремительный спуск; казалось, она несется по горе, не имеющей ни начала, ни конца, поскольку и то, и другое было вне пределов видимости. Корабль легко реагировал на каждый поворот штурвала; полозья, казалось, парят над льдом. Арфлейн подумал, что уже, пожалуй, можно передать штурвал Хинсену, что явно пришлось тому не по душе.

Пройдя вперед, Арфлейн забрался на такелаж и повис на лине рядом с Урквартом.

Гарпунщик слегка улыбнулся.

— Вы в диком настроении, капитан, — одобрительно произнес он.

Прямо под ними лед резко уходил вниз, простираясь до самого горизонта. Мелкие осколки льда, вылетая из-под полозьев, падали на палубу. Один из них попал Арфлейну в губу, разрезав ее до крови, но тот даже не заметил этого.

Вскоре спуск стал более пологим, а лед — более ровным, но скорость корабля от этого не уменьшилась. Напротив, шхуна прыгала по льду, взлетая и падая на ледовых волнах.

Ощущение полета еще больше подняло настроение Арфлейна. Опасность была так же хороша для него, как хорошо было его прошлое. Качаясь на вантах, он затянул какую-то мелодию, чувствуя, как падает напряжение на корабле.

Спустя некоторое время Уркварт тихо позвал его.

— Капитан!

Бросив взгляд на гарпунщика, он увидел, что его глаза широко раскрылись, указывая, что он что-то заметил впереди.

Взглянув за низкие гряды льда, Арфлейн увидел нечто, напоминающее зелено-черную полосу, перерезавшую их путь на некотором расстоянии от корабля. Он не поверил своим глазам, но Уркварт произнес роковое слово:

— Расселина, капитан, и, похоже, довольно широкая. Нам не пройти ее!

Должно быть, трещина появилась уже после того, как составили карту участка плато. Арфлейн выругал себя: он обязан был предусмотреть это, поскольку новые трещины были обычным делом, особенно здесь.

— К тому же при такой скорости нам не хватит времени остановиться.

Арфлейн начал спускаться по вантам на палубу, пытаясь успокоить себя в надежде, что команда не заметит трещину.

— Даже якорь не остановит нас, мы просто-напросто перевернемся и упадем туда днищем вверх.

Достигнув палубы, Арфлейн попытался заставить себя принять хоть что-нибудь, хотя и понимал, что все это будет бесполезно.

К этому времени команда уже заметила трещину. Раздались отчаянные крики испуганных людей.

У трапа, ведущего на мостик, к Арфлейну подошел Манфред Рорсефн и чета Ульсеннов.

— Что случилось, капитан? — прокричал ему Манфред.

Арфлейн горько улыбнулся.

— Посмотрите вперед!

Пройдя через мостик к рубке, он забрал штурвал у Хинссена, чье лицо приобрело пепельный оттенок.

— Вы можете повернуть корабль, сэр?

Арфлейн покачал головой. Шхуна уже почти достигла тре-

шины, так что Арфлейн даже не пытался изменить ее курс.

Хинсен чуть не плакал от страха.

— Пожалуйста, сэр, попробуйте отвернуть!

Огромная, разверзшая пасть, пропасть стремительно надвигалась на них; темно-зеленый лед ее стенок сверкал на солнце.

Арфлейн почувствовал, как свободно подалось колесо в его руках: передние полозья оторвались и повисли над пропастью.

Сейчас он испытывал какое-то странное чувство, чуть ли не облегчение в ожидании падения корабля в бездну. Внезапно он улыбнулся. Шхуна мчалась с такой скоростью, что вполне могла по воздуху достичь противоположного края трещины. К тому же тот лежал несколько ниже по склону.

Шхуна полстела по воздуху и, перелетев через пропасть, рухнула на лед, закрутившись и грозя перевернуться. Арфлейн зашатался, но каким-то образом умудрился ухватиться за колесо, с усилием повернув его. От удара шхуна несколько снизила скорость, ее полозья, подпрыгивая, царапали лед.

— Отлично, сэр! — Хинсен широко улыбался. — Мы проскочили. Вы вывели нас, капитан!

— Что-то вывело, мистер Хинсен. Возьмите штурвал.

Передав управление, Арфлейн медленно вышел на мостик.

Попадавшие на палубу матросы поднялись на ноги. Один из них так и остался лежать. Сойдя с мостика, Арфлейн решил подойти к нему и, наклонившись, перевернул человека. Половина костей матроса была переломана, изо рта сочилась кровь. Открыв глаза, он слабо улыбнулся Арфлейну.

— Думаю, на сей раз со мной покоично, сэр, — сказал он. Его глаза закрылись, улыбка исчезла с лица — он умер.

Вздыхнув, Арфлейн поднялся и потер лоб. От борьбы со штурвалом все тело пронизывала боль. Шаркая ногами, матросы молча подошли к ограждению борта, чтобы взглянуть на трещину.

По-прежнему сидящий на мачте Уркварт разразился хохотом, разорвав тишину. Многие из команды с криками отошли от борта, радостно указывая на Арфлейна. С каменным лицом, под приветствия команды он вернулся на мостик. Затем, подняв с палубы мегафон, он приложил его к губам.

— Все наверх! Убрать паруса! Пошевеливайтесь!

Несмотря на охватившее их возбуждение, матросы с готовностью подчинились приказу.

На баке появился Потчнефф, смерив Арфлейна странным тяжелым взглядом. Утерев лоб рукавом, он зашагал по направлению к нижней палубе.

— Лучше-ка уберите abordажные крючья, мистер Потч-нефф, — закричал ему Арфлейн. — Теперь мы вне опасности.

Оглянувшись на исчезающую позади трещину, он поздравил себя со счастливой судьбой. Если бы он не решился продолжать спуск на полной скорости, трещина поглотила бы их. Корабль переделет по воздуху сорок футов.

Вернувшись в рубку, он проверил работоспособность полозьев и штурвала. На первый взгляд они действовали исправно, но ему захотелось убедиться, что с ними не случилось никакой незаметной сейчас поломки.

К тому времени, как корабль, убрав все паруса, медленно остановился, Арфлейн уже был готов спуститься за борт. Он сбросил на лед веревочную лестницу. Большие полозья местами дали трещины, но в целом оставались неповрежденными. С восхищением взглянув на корабль, он погладил рукой один из шпангоутов, понимая, что никакое другое судно не выдержало бы такого приземления.

Поднявшись на палубу, он столкнулся с Янеком Ульсенном. Мрачное лицо Янека потемнело от гнева. Рядом с ним, пылая взглядом, стояла Ульрика. За ними, как всегда, безмятежно улыбался Манфред.

— Поздравляю, капитан, — произнес он. — Великое предвидение.

— Вы — беспечный глупец! — напал на Арфлейна Ульсенн. — Мы все едва не погибли! Команда может подумать, что вы предвидели трещину, но я знаю, что это не так.

Заявление было явной фальшивкой. Рассмеявшись, Арфлейн оглядел корабль.

— Кажется, команда расположена ко мне.

— Естественная реакция, когда опасность уже позади. Подождите, они еще осмысляют, что вы проделали с ними!

— Я склонен думать, кузен, — произнес Манфред, — что это происшествие вернет их веру в капитана и его удачу.

Арфлейн взглянул на Ульрику. Поначалу она попыталась избежать его взгляда, но затем вновь посмотрела на него, и Арфлейн прочитал восхищение в ее глазах.

Внезапно ее передернуло, и взгляд стал холодным, как лед.

Взяв Ульрику под руку, Манфред отвел ее в каюту, но Ульсенн не отступал от Арфлейна.

— Вы убьете всех нас, брершиллсец! — Казалось, он не осознает, что Арфлейн не обращает на него никакого внимания. Страх заставил его забыть недавнее убеждение.

Арфлейн спокойно посмотрел на Ульсенна.

— Я несомненно убью кого-нибудь однажды! — Улыбнувшись, он зашагал к фордеку под восхищенными взглядами экипажа.

Оставив плато позади, корабль набрал неплохую скорость. Очертания плато были хорошо видны еще несколько дней — широкая стена льда, поднявшаяся до самых облаков. Воздух потеплел, снега стало меньше. Арфлейн чувствовал себя не в своей тарелке, видя, как дрожит теплый воздух, создавая подчас довольно странные формы прямо из ничего. Впереди, насколько хватало глаз, тянулись глетчеры. Ощущая все возрастающее тепло, Арфлейн начал опасаться, что они могут влететь прямо в пролом во льду. Ледовые проломы образовывались там, где слой льда уменьшался благодаря течению подземной реки. Корабль, не рассчитанный на плавание по воде, попав в пролом, имел немного шансов выбраться на сушу и чаще всего тонул.

Корабль, двигаясь по курсу норд-вест-норд, приближался к экватору. Жизнь на нем шла обычным порядком. Прошрое состояние Арфлейна было забыто; его удача была оценена по достоинству всем экипажем.

Лишь Потчнефф удивлял Арфлейна, отказывая ему в прощении за прошлые ошибки. Большую часть времени он проводил с Янеком Ульсенном, их можно было часто видеть гуляющими по палубе. Эта дружба весьма раздражала Арфлейна. Он понимал, что Потчнефф предал его, но он не мог приказать офицеру избрать другую компанию. Арфлейн даже чувствовал некоторую жалость к Ульсенну: должен же быть у человека хоть один товарищ в этом путешествии.

Уркварт по старой привычке много времени проводил с Арфлейном на мостике. Они редко разговаривали, но чувство товарищества между ними сильно окрепло. Арфлейн даже мог видаться с Ульрикой, не пытаясь вызвать у нее ответную реакцию; к тому же он стал более терпимым к беззаботной веселости Манфреда.

Единственное, что его беспокоило — это тепло. Температура воздуха поднялась на несколько градусов выше нуля, и экипаж работал раздетым до пояса. Арфлейн, вопреки своей воле, также был вынужден снять тяжелую меховую куртку. Уркварт, однако, отказался снять с себя хоть какую-то часть одежды и стойко выдерживал этот дискомфорт.

Арфлейн постоянно держал на вахте двух дозорных, выискивающих тонкий лед, лежащий на курсе шхуны. Ночью он уби-

рал все паруса и, выбросив за борт abordажные крючья, дрейфовал малой скоростью.

Ветер был слаб, и за день они проходили совсем немного. Изредка перед ними возникали миражи, обычно в форме перевернутых глетчеров. Арфлейну стоило немалого труда объяснить это явление суеверным матросам, расценивающим миражи, как некое предзнаменование.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день ветер не стих окончательно, и они остановились посреди льдов.

13 ГАРПУН

Они стояли на месте всю следующую неделю. Лед ослепительно блестел под солнцем. Команда, разбившись на отдельные группы, угрюмо занималась простыми играми, изредка бросая отдельные фразы. Хотя матросы и сняли большую часть одежды, они оставили при себе снежные козырьки. Со стороны они напоминали севших на палубу неуклюжих птиц.

Офицеры старались занять их чем возможно, но работы на корабле было совсем немного. Теперь они подчинялись приказам Арфлейна не с такой готовностью, как раньше; настроение команды ухудшалось с каждым днем.

Арфлейн был расстроен и становился все более раздражительным; в его голосе появились резкие нервные ноты.

Проходя по палубе, он подошел к Файдур — корабельному боцману, обросшему волосами существу, с нависшими над глазами бровями.

— Прошу прощения, сэр, за то, что тревожу вас, но как долго мы...

— Спроси Ледовую Матерь, не меня. — Оттолкнув Файдур, Арфлейн отошел от разозленного моряка.

На чистом небе не было ни единого облачка. Нахмурившись, Арфлейн бродил по кораблю, возвращаясь мыслями к Ульрике Ульсенн.

Однажды, стоя на мостике, он увидел, что Янек Ульсенн и Потчнефф о чем-то оживленно беседуют с группой матросов, среди которых был и Файдур. По взглядам, которые они бросали на мостик, он мог представить себе содержание разговора. Он вопросительно посмотрел на прислонившегося к рубке Уркварта; гарпунщик пожал плечами.

— Нужно занять их хоть чем-нибудь, — пробурчал Арфлейн. — Либо поднять их настроение. В этой части команды зарождается дух мятежа.

— Да, сэр, — угрюмо ответил Уркварт.

Арфлейн нахмурился в поисках решения. Затем он обратился ко второму офицеру, несущему вахту на баке.

— Соберите людей, мистер Хинсен, я хочу поговорить с ними.

— Построиться у мостика! — закричал офицер в мегафон. — Капитан говорит!

Неохотно, бросая угрюмые взгляды на Арфлейна, команда потянулась к мостику. Небольшая группа моряков, сопровождаемая Ульсенном и Потчнеффом, пристроилась к общей массе моряков.

— Мистер Потчнефф, поднимитесь сюда! — Арфлейн бросил быстрый взгляд на первого офицера. — Вы тоже, мистер Хинсен. Боцман, на пост!

Собрав офицеров на мостике, Арфлейн откашлялся, и, ухватившись за ограждение, обратился к экипажу.

— Я вижу, что вы в плохом настроении, ребята. Солнце печет, а ветра все нет. Я ни черта не могу сделать, чтобы избавиться от первого и найти второе. Мы стоим на месте, и этим все сказано. Но так или иначе, ветер будет.

— Когда же, сэр? — спросил матрос из группы Ульсенна.

Арфлейн хмуро посмотрел на Файдур. Боцман показал пальцем на говорившего.

— Попридержи язык!

Помолчав, Арфлейн продолжил:

— Возможно, ветер придет, когда мы укрепим дисциплину на этом корабле. Но я не могу предсказать погоду. Если некоторые из вас, черт побери, хотят двигаться вперед, то пусть они сойдут на лед и руками толкают эту лохань к цели.

Еще один из моряков невнятно пробурчал что-то, но замолчал, остановленный Файдуром.

— В чем дело? — подался вперед Арфлейн.

— Он хочет знать цель нашего путешествия, сэр, — ответил Файдур. — Думаю, многие из нас...

— Поэтому-то я и собрал вас, — продолжал Арфлейн. — Мы идем к Нью-Йорку.

Несколько человек засмеялись; идти к Нью-Йорку метафорически означало умереть.

— Нью-Йорк, — повторил Арфлейн, глядя на них. — У нас есть карты, на которых нанесено расположение города. Мы идем на север, к Нью-Йорку. Вопросы?

— Да, сэр. Говорят, что Нью-Йорк вообще не существует. Говорят, что он на небесах, а, может, и еще где-нибудь... — заговоривший матрос, бывший явно не в ладах с метафизикой.

— Нью-Йорк так же реален, как и ты, — уверил его Арфлейн. — Лорд Петр Рорсефн видел его. Когда я нашел старика на льду, он шел как раз оттуда. Помнишь его завещание? Оно было оглашено сразу после смерти Лорда.

Моряки, перешептываясь, согласно закивали.

— Значит ли это, что мы увидим дворец Ледовой Матери?
— спросил другой матрос.

— Возможно, — мрачно бросил Арфлейн.

Шепот экипажа становился все громче. Арфлейн решил дать им возможность выговориться. Поначалу они восприняли новость довольно скептически, но вот некоторые из них возбужденно улыбнулись, увлекаемые полетом фантазии.

Обождав, Арфлейн дал знак офицерам успокоить команду. Едва только затих шум голосов, прежде, чем Арфлейн успел сказать хоть слово, над головами моряков раздался высокий голос Янека. Облокотившись на мачту, он вертел в руках обрывок веревки.

— Может быть, именно поэтому мы и стоим на месте, капитан?

— Что вы хотите сказать этим, лорд Ульсенн, — нахмурился Арфлейн.

— Мне кажется, что это Ледовая Мать не посылает нам ветер. Ей не хочется, чтобы мы шли к Нью-Йорку.

Ульсенн явно рассчитывал на суеверность команды. Новая мысль вновь вызвала оживление в их рядах.

На этот раз Арфлейн сам оборвал разговоры. Он посмотрел на Ульсенна, не в силах дать ответ, удовлетворивший бы его экипаж.

В этот момент вперед вышел Уркварт и прислонил гарпун к ограждению мостика. Он все так же был одет в свои потертые меха; его голубые глаза были холодны и непреклонны. Воцарилось молчание.

— От чего мы страдаем? — резко спросил он. — От невыносимого холода? Нет! Мы страдаем от тепла! Но неужели это оружие Ледовой Матери? Неужели она хочет нас остановить при помощи своего врага? Нет! Вы просто болваны, если думаете, что она против нас. Когда Ледовая Мать объявила, что люди не должны идти в Нью-Йорк? Никогда! Я знаю ее учение лучше любого из вас. Я верный слуга Ледовой Матери; моя вера в нее сильнее, чем вы можете представить себе. Я знаю, что Ледовая Мать хочет видеть нас у себя в Нью-Йорке, чтобы, возвратившись домой, мы заставили замолчать всех тех, кто сомневается в ее существовании. Капитан Арфлейн — исполнитель ее воли; именно поэтому я иду с ним. Именно поэтому мы все идем с ним! Это наша судьба!

Взволнованный голос Уркварта, заставив экипаж замолчать, не произвел, однако, никакого впечатления на Ульсенна.

— Вы слушаете сумасшедшего, — закричал он. — а еще один псих командует кораблем. В случае, если мы пойдем за ними, нас ждет смерть на льду.

Вслед за этим последовало неуловимое движение и глухой удар; гигантский гарпун Уркварта, перелетев через палубу над головами матросов, вонзился в мачту всего в дюйме от головы Ульсенна. С белым лицом, выпучив глаза, Янек отшатнулся в сторону. Он начал было что-то невнятно бормотать, но Уркварт, перепрыгнув через ограждение мостика на палубу, расталкивая толпу, пробрался к аристократу.

— Вы бойко говорите о смерти, лорд Ульсенн, — яростно произнес Уркварт. — Но лучше бы вам говорить потише, иначе Ледовая Матерь заберет вас к себе быстрее, чем вы того желаете.

Вытащив гарпун из мачты, он продолжил:

— Мы идем туда ради нашей же пользы. Лучше выпустить немного вашей крови сегодня, мой кроткий Лорд, чтобы задобрить Ледовую Матерь, нежели выпустить ее всю еще до конца путешествия.

Со слезами гнева на глазах Янек бросился на гарпунщика. Улыбаясь, Уркварт поднял его над собой и бросил на палубу. Ульсенн упал лицом вниз, из его носа пошла кровь. Перекатившись, он начал отползать от гиганта. Команда облегченно рассмеялась. Губы Арфлейна тоже растянула улыбка, но она исчезла, едва только он увидел подбежавшую к истекающему кровью мужу Улькику. Наклонившись над ним, она вытерла кровь с его носа.

На мостик поднялся Манфред Порсефн.

— Не следует ли вам успокоить своих офицеров, капитан? — вежливо спросил он.

— Уркварт знает, что делает, — повернувшись к нему, ответил Арфлейн.

Внезапно Хинсен показал на юг.

— Капитан, облако за кормой!

Через час наполнивший паруса ветер принес холодный дождь со снегом, что заставило обитателей корабля вновь надеть меховые одежды.

Вскоре корабль продолжил свой путь. Команда вновь была предана Арфлейну. Ульсенн с женой спустились вниз, за ними последовал и Манфред; однако офицерам Арфлейн предложил задержаться на мостике. Хинсен и Потчнефф молча ждали, пока он отдавал приказы поднять все паруса и выставить дозорных. Наконец, повернувшись к ним, Арфлейн угрюмо

посмотрел на Потчнеффа. Напряжение достигло предела, когда Арфлейн, угрюмо пожав плечами, произнес:

— Что ж, вы свободны.

Оставшись вдвоем с Урквартом, они рассмеялись.

Спустя две ночи, Арфлейн ворочался в постели, не в силах уснуть. Он прислушивался к легким ударам полозьев о неровности льда, шуму ветра и поскрипыванию рей. Все было, как обычно, и все же шестое чувство подсказывало ему: что-то не так. Наконец он соскочил с постели, оделся, прицепил нож к поясу и вышел на палубу.

С тех пор, как он увидел, что Потчнефф, Ульсенн и Файдур нашли, кажется, общий язык, он был готов к любым неприятностям. Слова Уркварта, без сомнения, не произвели на них большого впечатления. Может, Файдур и изменил свои взгляды, но Ульсенн, наверняка, остался при старых убеждениях; в его нечастых появлениях на палубе рядом с ним бессменно шагал Потчнефф.

Арфлейн посмотрел на небо. Оно было по-прежнему затянуто тучами, через которые проглядывали редкие звезды.

Палубу освещала луна да тусклые огни в рубке. Он различал лишь силуэты дозорных на салингах, носу и корме. А Потчнефф должен быть на вахте, но на мостике не было никого, кроме рулевого.

Поднявшись по трапу, он прошел в рубку. Рулевой приветствовал его коротким кивком головы: "Сэр!"

— Где вахтенный офицер, рулевой?

— Полагаю, что он пошел вперед, сэр.

Арфлейн сжал губы: впереди, кроме дозорного, ни души. Он рассеянно взглянул на компас, сверяя его с картой.

Они отклонились от курса на три градуса. Арфлейн смерил рулевого убийственным взглядом.

— Три градуса от курса! Ты что, спал?

— Никак нет, сэр! Мистер Потчнефф сказал, что мы на верном курсе, сэр!

— В самом деле? — Лицо Арфлейна потемнело. — Три градуса право руля.

Сойдя с мостика, он отправился на поиски Потчнеффа. Они оказались безрезультатны. Арфлейн спустился в кубрик, где в гамаках спали свободные от вахт матросы. Он хлопнул по плечу ближайшего из них. Заворчав, тот выругался.

— В чем дело?

— Это капитан. Отправляйся на палубу к рулевому. Знаешь навигацию?

— Немного, сэр, — пробормотал матрос, вылезая из гамака.

— В таком случае ступай на мостик. Рулевой скажет тебе, что делать.

Пройдя по темному коридору, Арфлейн подошел к пассажирским каютам. Каюта Янека Ульсенна была как раз напротив каюты его жены. Помедлив, Арфлейн громко постучал в дверь Ульсенна. Ответа не было. Он повернул ручку. Дверь оказалась незаперта. Он вошел.

Каюта была пуста, хотя Арфлейн и ожидал найти здесь Потчнеффа. В других каютах свет был погашен.

В гневе Арфлейн вернулся на бак, тщательно прислушиваясь к каждому шороху.

— Что случилось, сэр? — позвал его с мостика Потчнефф.

— Почему вы ушли с вахты, мистер Потчнефф? — закричал Арфлейн. — Спускайтесь сюда!

Через несколько мгновений офицер был рядом с ним.

— Извините, сэр, я...

— Как давно вы ушли с поста?

— Совсем недавно, сэр. Мне нужно было облегчиться.

— Идите за мной, мистер Потчнефф.

Поднявшись по трапу, Арфлейн вошел в рубку и остановился у компаса. Матросы у колеса с любопытством посмотрели на вошедшего следом за ним первого офицера.

— Почему вы сказали рулевому, что мы на курсе, когда мы отклонились от него на три градуса? — набросился Арфлейн.

— Три градуса, сэр? — обиженно спросил Потчнефф. — Мы шли точно по курсу, сэр.

— В самом деле? Не хотите ли свериться с картой?

Подойдя к столу, офицер развернул одну из лежащих на столе карт.

— В чем дело, сэр? Мы идем точно по курсу, — победно сказал он.

Нахмурившись, Арфлейн склонился над картой. Внимательно приглядевшись, он заметил, что на одном месте линия курса была подтерта и перенесена чуть в сторону. Тогда он сверился со своей картой, показывавшей первоначальный курс. Для чего кому-то понадобилось подделывать карты? И почему такое незначительное отклонение, которое к тому же легко обнаружить. Возможно, это вредил ему Ульсенн, подумал Арфлейн. А может быть, даже и Потчнефф?

— Можете ли вы объяснить, каким образом курс на карте был исправлен?

— Нет, сэр. Я не знал этого, кто бы мог...

— Был здесь кто-нибудь сегодняшней ночью, может быть, пассажир? Или член экипажа, зашедший сюда не по долгу службы?

— Только Манфред Рорсефи, сэр. Больше никого.

— Вы были здесь все время?

— Нет, сэр. Я вышел проверить вахтенных.

Потчнефф легко мог солгать. Легче всех изменить курс было именно ему. С другой стороны, рулевого мог подкупить Манфред Рорсефи. Уверенности не было ни в том, ни в другом.

Арфлейн постучал пальцами по столу.

— Разберемся с этим утром, мистер Потчнефф.

— Да, сэр.

Выйдя из рубки, Арфлейн услышал крики дозорного. Голос того едва был слышен за шумом ветра, но понять, о чем он кричал, не составило труда.

— Полюнья! Полюнья!

Подбежав к борту, Арфлейн взгляделся вперед. Полюнья, встреченная ночью, была намного опаснее полюньи дневной. Корабль шел вперед довольно медленно, еще оставалось немного времени, чтобы выбросить за борт abordажные крючья.

— Все на палубу, мистер Потчнефф! — закричал он.

Голос офицера, многократно усиленный мегафоном, повторил его команду.

Вокруг в темноте беспорядочно забегали люди. Внезапно корабль накренился на один борт, и Арфлейна сбило с ног. Заскользив по палубе, он ухватился за ограждения и встал на ноги. Вокруг раздавались панические крики.

Перекрывая шум голосов, в воздухе раздался треск льда, проседающего под кораблем. Судно еще больше погрузилось левым бортом.

Выругавшись, Арфлейн, шатаясь, добрался до рубки. Бросать тяжелые якоря было слишком поздно, они могли легко проломить лед под кораблем.

Вокруг него высоко в воздух взлетали куски льда; они падали на палубу. Раздалось шипение и бульканье потревоженной воды, затем новый треск ломающегося льда.

Ворвавшись в рубку, Арфлейн схватил со стены мегафон и вновь выбежал на мостик.

— Все к канатам! Все на правый борт! Полюнья!

Где-то в темноте Потчнефф отдавал команды взявшимся за швартовочные канаты морякам. Они знали свое дело. Их задачей было перебраться по канатам через борт и попытаться вруч-

ную вытянуть корабль по тонкому льду. Это казалось единственным шансом на спасение.

Вновь раздался треск льда. На палубу хлынула вода.

Арфлейн прыгнул с мостика на палубу. Пользья правого борта повисли в воздухе; "Ледовый дух" грозил вот-вот перевернуться. Рядом с Арфлейном появился наполовину одетый Хинсен.

— Плохо дело, сэр. Мы ушли слишком далеко. Если лед под нами не выдержит, у нас нет шансов...

Арфлейн коротко кивнул.

— Прыгайте за борт и помогайте тащить канаты. Кто-нибудь присматривает за пассажирами?

— Думаю, да, сэр.

— Я проверю. Сделайте все возможное, мистер Хинсен.

Открыв дверь под мостиком, Арфлейн по коридору помчался к каютам пассажиров.

Мимо кают Манфреда и Ульсенна он пробежал, не останавливаясь. Застыв на мгновение у каюты Ульрики, он распахнул дверь.

В комнате никого не было.

Может быть, мрачно подумал Арфлейн, пассажиры покинули корабль еще до подхода к полынье.

14 ПОЛЫНЯ

Огромный корабль вновь тряхнуло, и Арфлейн влетел в каюту Ульрики.

Дверь в каюту Рорсефна открылась, за ней стоял сам Манфред. Юноша был встрепан и тяжело дышал; из раны в его голове шла кровь, стекая по лицу. Он попытался улыбнуться Арфлейну и, выйдя в коридор, сполз по стене.

— Где остальные? — перекрывая треск льда, прокричал Арфлейн.

Рорсефн покачал головой.

Подойдя к каюте Ульсенна, Арфлейн взялся за ручку двери. Открыв каюту, он увидел у дальней переборки лежащего на полу Янека. Над ним склонилась Ульрика. Ульсенн жалобно хныкал, а женщина пыталась поднять его на ноги.

— Мне не сдвинуть его, — сказала она. — Что случилось?

— Полыня во льду, — коротко ответил Арфлейн. — Корабль уже наполовину в воде. Вам нужно немедленно перебраться за борт. Объясните ему это.

Затем, нетерпеливо нахмурившись, он схватил Ульсенна за отвороты куртки и закинул его к себе на плечо. Указав на коридор, он спросил:

— Не поможете ли вы своему кузену, Ульрика? Он ранен.

Кивнув, она поднялась на ноги и вышла вслед за ним из каюты.

При их появлении Манфред попытался было улыбнуться, но его лицо посерело от боли, к тому же он вряд ли мог стоять на ногах. Ульрика взяла его за руку.

На палубе к ним присоединился Уркварт. Закинув гарпун на плечо, он поспешил на помощь Манфреду, который, казалось, вот-вот теряет сознание.

Вокруг них в воздух по-прежнему взлетали куски льда и с оглушительным шумом падали на палубу. Однако корабль стоял на месте.

Подведя их к ограждению, Арфлейн схватился за свисающий канат и вместе со своей лодкой спустился по нему на лед. Вокруг двигались неясные фигуры людей, над его головой от борта уходили швартовочные канаты, теряясь где-то в темноте. Подождав, пока Уркварт с Ульрикой опустили Манфреда на лед, Арфлейн сбросил с плеча дрожащего Ульсенна.

— Поднимайтесь, — холодно сказал он. — И, если хотите жить, помогите команде. Если только корабль сдвинется с места, считайте, что мы все погибли.

Поднявшись на ноги, Янек бросил на Арфлейна хмурый взгляд и сердито огляделся, пока не увидел стоящую рядом с Урквартом Ульрику.

— Этот человек, — сказал он, указывая на Арфлейна, — вновь подверг наши жизни опасности.

— Делай, как тебе сказано, Янек, — нетерпеливо оборвала его Ульрика. — Идем, мы оба поможем держать корабль.

Она шагнула в темноту. Мрачнее тучи, за нею последовал и Ульсенн.

Покачнувшись, Манфред произнес извиняющимся тоном:

— Сожалею, капитан, но кажется, я...

— Отойдите подальше, пока мы не сделаем все, что в наших силах, — проинструктировал его Арфлейн. — Уркварт, пошли.

В сопровождении гарпунщика он пробрался сквозь ряды матросов, повисших на канатах, пока не обнаружил Хинсена, забивающего в лед швартовочный костыль.

— Какие у нас шансы? — спросил он.

— Мы остановили корабль, сэр. Под нами крепкий лед, так что мы загнали в него несколько костылей. Возможно, что и справимся. — Выпрямившись, Хинсен указал на стоящую рядом с ними группу моряков, пытавшихся удержать канат. — Прошу прощения, сэр. Я должен быть там.

Пройдя вдоль корабля, Арфлейн видел повсюду группы моряков. Люди то и дело скользили по льду, увлекаемые натянутыми канатами, однако угол наклона корабля был уже меньше сорока пяти градусов, а это значило, что "Ледовый дух" можно было спасти. Остановившись, Арфлейн ухватился за канат, то же сделал и Уркварт.

Корабль медленно выпрямился. Раздались радостные крики людей, но тут же смолкли; "Ледовый дух" по инерции продолжал двигаться на них.

— Назад! — закричал Арфлейн. — Отходите прочь!

Команда в панике бросилась врассыпную, скользя и падая на лед. Арфлейн услышал истошный крик матроса, попавшего под полозья. Прежде, чем корабль успел остановиться, подобным образом погибло еще несколько человек.

Направившись к кораблю, Арфлейн бросил через плечо:

— Мистер Уркварт, распорядитесь о похоронах.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Уркварт из темноты.

Подойдя к левому борту, Арфлейн осмотрел повреждения. Они оказались не таким уж страшными. Одно из полозьев было немного погнуто, исправить его не составляло особого труда. Корабль легко сможет продолжить путешествие.

— Отлично! — закричал он. — Все, кроме похоронных команд, на борт. Необходимо выправить полозья. Мистер Хинсен, займитесь этим!

Забравшись по канату на борт, он вернулся на мостик. Сняв со стены мегафон, он закричал:

— Мистер Потчнефф, поднимитесь в рубку!

Через несколько минут офицер был на месте, вопросительно глядя на капитана. Обманчиво глупое выражение его лица усилилось. У него вид полудурка, подумал Арфлейн. Вполне возможно, что именно он изменил курс на карте, желая досадить своему капитану, которого недолюбливал.

— Мистер Потчнефф, проследите, чтобы корабль был надежно пришвартован на время ремонта.

— Есть, сэр.

— Когда все будет сделано, я хочу, чтобы все офицеры и пассажиры собрались у меня в каюте.

Потчнефф вновь вопросительно посмотрел на Арфлейна.

— Выполняйте!

— Есть, сэр! — ответил Потчнефф, выходя из рубки.

Перед самым рассветом в каюте Арфлейна собрались все три офицера — Потчнефф, Хинсен и Уркварт, а также Ульсенны и Манфред Рорсефн. Сам капитан, сидя за столом, изучал принесенные им из рубки карты.

Рана Рорсефна оказалась на такой серьезной, как думали вначале. Голова его была перевязана, на лице вновь играл румянец. В стороне от прислонившегося к переборке мужа стояла Ульрика Ульсенн. Чуть поодаль, скрестив руки на груди, в терпеливом молчании стояли три офицера.

Умышленно затянув паузу, Арфлейн наконец поднял глаза и мрачно огляделся.

— Вы знаете, почему я принес сюда эти карты, мистер Потчнефф, — сказал он. — Мы уже обсуждали этот вопрос. Но другие еще не в курсе. Сегодня ночью одна из этих карт была подделана. Не подозревая этого, рулевой изменил курс корабля на три градуса. В результате этого мы угодили в полынью и едва не погибли... Я не верю, что тот, кто сделал это, знал, что мы идем к пролому. Вероятно, это было вызвано желанием вывести меня из себя или же задержать наше продвижение по

другим, не зависящим от меня причинам. В рубке видели Манфреда Рорсефна и...

— В самом деле, капитан, — перебил его шутливо-обиженным тоном Манфред. — Я был в рубке, но вряд ли что понимаю в компасе. Поэтому я не мог быть злоумышленником.

— Я не сказал, что подозреваю вас; однако нет сомнений, что изменение курса произвел кто-то из присутствующих здесь. Никто другой в рубку войти не мог. Поэтому я прошу сделавшего это сознаться. При этом я не применю к нему никаких дисциплинарных мер. Я накажу лишь рулевого, если он был подкуплен. В интересах нашей же безопасности я должен найти этого человека.

На мгновение воцарилась тишина; затем один из них заговорил.

— Это был я. Я не подкупал рулевого. А карту я изменил еще несколько дней назад, когда она лежала в вашей каюте.

— Я так и думал, — тихо произнес Арфлейн. — Какая глупость. Вероятно, вы проделали это, когда пытались убедить нас повернуть назад.

— Я и сейчас думаю, что мы должны вернуться, — сказал Ульсенн. — Точно так же, как я изменил карту, я сделаю все, что в моих силах, дабы убедить вас и команду в глупости этой авантюры.

Арфлейн вскочил на ноги со свирепым выражением лица. Затем, успокоившись, он снова сел за стол.

— Еще одно такое происшествие, лорд Ульсенн, — холодно произнес он, — и я не буду производить расследования. Однако я не оставлю это без последствий. Просто я закую вас в железо до конца путешествия.

Ульсенн пожал плечами.

— Отлично, — продолжил Арфлейн. — Все могут быть свободны. Я прошу офицеров впредь обращать внимание на любые подозрительные действия лорда Ульсенна и докладывать о них мне. К тому же я жду содействия и у других пассажиров. В будущем я буду обращаться с Ульсенном, как с безответственным глупцом, но он может оставаться свободным до тех пор, пока не выкинет что-нибудь еще в этом духе.

Ульсенн в ярости выскочил из каюты, хлопнув дверью перед шедшими за ним Ульрикой Ульсенн и Манфредом Рорсефном.

Выходя из каюты, Хинсен улыбался, однако лица Потчнеффа и Уркварта были лишены всякого выражения.

СТРАХ УРКВАРТА

Шхуна шла вперед на всех парусах; ее команда бесповоротно поверила в удачливость своего капитана. Погода стояла прекрасная, ветер — сильный и устойчивый, что позволило им развить превосходную скорость. Точно следуя указаниям старого Рорсефна, они шли по чистому льду, без глетчеров и иных препятствий и, таким образом, могли двигаться вперед как днем, так и ночью.

Как-то, стоя на мостике, Арфлейн и Уркварт заметили на горизонте какое-то свечение, напоминающее первые отблески рассвета. Арфлейн сверился с большим хронометром, установленным в рубке: три часа утра.

Вернувшись на мостик, он посмотрел на Уркварта. Обеспокоенный гарпунщик нюхал воздух, вертя головой в разные стороны; серьга в его ухе покачивалась при каждом повороте головы. Арфлейн же не чувствовал никакого запаха.

— Знаете, что это значит? — спросил он Уркварта.

Нахмурившись, тот почесал подбородок. Чем ближе корабль подходил к источнику красноватого сияния, тем явственнее Арфлейн ощущал легкий запах в воздухе. Однако определить, что это, не мог.

Молча спустившись с мостика, Уркварт отправился на нос; он казался необычно взволнованным.

Примерно через час сияние на горизонте заполнило добрую половину небосвода, окрасив лед в кроваво-красный цвет. Это был странный вид; запах намного усилился, приобретя резкий кислый привкус, полностью незнакомый Арфлейну. Теперь и он ощущал беспокойство на душе. Температура воздуха поднялась, палубу заливал странный свет. Моржовая кость, стальные болты, крышки люков и китовые черепа на носу — все отражало его; лицо рулевого в рубке приобрело пурпурный оттенок. Ночь превратилась в день, хотя небо над головой оставалось черным; намного чернее, чем обычно.

Выйдя на палубу, Хинсен поднялся по трапу и встал рядом с Арфлейном.

— Что это, сэр? — Его била нервная дрожь.

Игнорируя вопрос, Арфлейн вернулся в рубку и сверился с картой Рорсефна. До этого он не пользовался оригиналом, до-

вольствуясь снятой с него копией. Теперь же он развернул оригинал и принялся разглядывать его при красном мерцающем свете. Из-за его плеча выглядывал Хинсен.

— Проклятье, — пробормотал Арфлейн, — вот оно, как только мы не заметили это раньше? Такой непонятный почерк! Посмотрите, что здесь написано, мистер Хинсен?

Шевеля губами, Хинсен попробовал разобрать мелкую надпись, сделанную Рорсефом перед самой смертью. Покачав головой, он извиняюще улыбнулся.

— Сожалею, сэр.

Арфлейн постучал пальцем по карте.

— Нам нужен ученый.

— Манфред Рорсеф, сэр? Думаю, он достаточно образован.

— Позовите его, мистер Хинсен.

Кивнув, офицер вышел из рубки. В воздухе стоял запах, в происхождении которого ошибиться было невозможно. Из-за пыли, забившей рот и глотку, дышать становилось все тяжелее.

Свет, освещавший шхуну, постоянно менялся, мерцая надолго. Иногда в тени оставалась часть корабля, иногда он весь был залит светом. Это напомнило Арфлейну что-то, испугавшее его много лет назад. Он начал понимать смысл написанного старым Лордом еще до того, как в рубке, протирая пальцем глаза, появился Манфред.

— Похоже на гигантское пламя, — сказал он, глядя на протянутую ему карту. Арфлейн показал на надпись.

— Можете разобрать? Наверное, вы лучше нас знаете почерк своего дяди?

На мгновение Манфред нахмурился, затем лицо его прояснилось.

— Огненные горы, — с беспокойством глядя на Арфлейна, произнес он. Беззаботность из его голоса исчезла без следа.

— Огненные... — попытался спрятать Арфлейн охвативший его ужас. Огонь в мифологии ледовой страны был первейшим врагом Ледовой Матери. Огонь был злом, разрушителем, расплавляющим лед. Он нагревал то, что по своей природе должно было быть холодным.

— Сбрасывайте абордажные крючья, капитан, — глухо произнес Хинсен.

Однако, сверившись с картой, Арфлейн покачал головой.

— Надеюсь, все будет в порядке, мистер Хинсен. Этот курс проведет нас через огненные горы. Мы не будем приближаться к ним, по крайней мере настолько, чтобы подвергнуть себя опасности.

Ничего не сказав, Хинсен нервно посмотрел на него. Первоначальное беспокойство Манфреда, казалось, окончилось. Он с любопытством смотрел на багровеющий горизонт.

— Горящие горы! — воскликнул он. — Что за чудо мы нашли, капитан?

— Я буду счастлив оставить его позади, — попытался пошутить Арфлейн.

Откашлявшись, он похлопал себя по коленям и принялся вышагивать по рубке. Его внимание привлекло испуганное лицо рулевого. Забыв о собственной нервозности, он рассмеялся и хлопнул матроса по плечу.

— Выше голову, приятель! Если эта карта не врет, мы оставим ближайшую гору в нескольких милях от себя.

Рассмеялся и Манфред; даже Хинсен начал улыбаться.

— Если хотите, я встану к штурвалу, сэр, — предложил он. Согласно кивнув, Арфлейн обратился к рулевому:

— Отлично, парень. Отправляйся вниз, если не хочешь ослепнуть.

Он вышел на мостик, напряженно вглядываясь в горизонт. Вскоре в отдалении можно было различить силуэты отдельных гор. Из их кратеров вырывались языки красно-желтого пламени и клубы черного дыма, по склону катилась отливающая пурпуром лава. Жара была невыносима; отравленный воздух забивал легкие. Изредка облако дыма проходило над кораблем, отбрасывая причудливые тени на палубу и паруса. Земля чуть дрожала, надо льдом разносился далекий гул вулканов.

Сцена была настолько незнакома путешественникам, что они едва верили в ее реальность. Хотя ночь была почти, как день, светлая, а видимость была на несколько миль, сквозь разрывы в тучах они видели луну и звезды.

Арфлейн отметил про себя, что остальные потели точно так же, как и он. Он искал глазами Уркварта. Спустившись с мостика, он направился к нему, отбрасывая на палубу громадную изогнутую тень.

Не дойдя до гарпунщика нескольких шагов, он увидел, как тот опустился на колени. Рядом с ним лежал огромный гарпун. Подбежав к нему, Арфлейн увидел, что лицо Уркварта стало белым, как снег. Он что-то шептал про себя, его тело била крупная дрожь, глаза были закрыты. Возможно благодаря игре света, стоящий на коленях Уркварт казался карликом, как если бы пламя растопило его ноги. Изумленный происшедшей в нем переменной, Арфлейн дотронулся до плеча мужчины.

— Уркварт, вам плохо?

Веки глаз приподнялись, открыв вращающиеся зрачки. Суровые черты лица, отмеченные печатью ветра, снега и мороза, передернулись.

Арфлейн яростно потряс Уркварта за плечи.

— Уркварт, возьмите себя в руки!

Глаза гарпунищика закрылись, вновь раздался странный шепот. Арфлейн тыльной стороной ладони сильно ударил Уркварта по лицу.

— Уркварт!

Гарпунищик дернулся от удара, но по-прежнему хранил молчание. Затем он упал лицом на палубу, широко разведя руки, как бы поклоняясь огню. Повернувшись, Арфлейн быстро направился к мостику. На палубе появились матросы, они выглядели сильно испуганными, распознав источник света и запаха.

Арфлейн поднес мегафон к губам.

— По местам, ребята. Мы уходим прочь от гор и к рассвету оставим их за кормой. Спускайтесь вниз. Я хочу, чтобы к утру вы были свежими.

Переговариваясь вполголоса, моряки неохотно покинули палубу. Когда удалился последний из них, на мостик выскочил Янек Ульсенн. Бросив на Арфлейна быстрый взгляд, он подошел к мачте. Через несколько секунд к нему присоединился Потчнефф.

— Вернитесь на свое место, мистер Потчнефф, — закричал ему в мегафон Арфлейн. — Сейчас не ваша вахта. Пассажиры могут делать все, что им заблагорассудится, вы же должны помнить свои обязанности.

Помедлив, офицер вызывающе посмотрел на Арфлейна.

— Благодарю, нам не нужна ваша помощь! — вновь прокричал Арфлейн. — Возвращайтесь к себе в каюту.

Потчнефф повернулся к Ульсенну, как будто ожидая его указаний. Ульсенн сделал знак рукой, и Потчнефф неохотно ушел с палубы. Вскоре за ним отправился и Ульсенн.

Чуть позже, сменив людей на вахте, Арфлейн приказал новым дозорным внимательно следить за разводьями на льду, а также за струями пара, питаемого подводными гейзерами, которых, несомненно, здесь было достаточно. Сделав это, он решил немного поспать.

Прежде, чем открыть дверь в свою каюту, Арфлейн еще раз оглядел палубу. Красивый мерцающий свет играл на расплавленной фигуре Уркварта, будто исполняя победный танец. Почесав бороду, Арфлейн вошел в каюту, крепко закрыв за собой

дверь. Сбросив плащ, он положил его на крышку сундука и, налив в таз воды из стоящего в углу бочонка, смыл с себя пот и грязь. Образ Уркварта стоял у него перед глазами; он никак не мог понять, почему огненные горы так подействовали на гарпунщика. Конечно, поскольку огонь был их врагом номер один, все они боялись его, но страх Уркварта перешел в истерику.

Сняв ботинки и носки, он вымыл ноги и лег на широкую койку. Сон долго не приходил к нему. Наконец он уснул. Разбуженный принесшим ему завтрак коком, немного поев, он вновь умылся, оделся и вышел на палубу, тотчас же отметив, что Уркварт уже исчез оттуда.

Утреннее небо было затянуто тучами, далекие огненные горы были едва видны; в свете дня они уже не казались такими впечатляющими. Паруса от сажи стали черными, а всю палубу покрывал легкий клейкий пепел.

Скорость корабля была минимальной; скольжению полозьев сильно мешал пепел, усыпавший лед на многие мили вокруг. Чувствуя себя усталым и разбитым, Арфлейн поднялся на мостик. Матросы на палубе и вантах, так же, как и он, едва передвигали ноги. Несомненно, причиной их слабости был дым вулканов.

На мостике его встретил Потчнефф. Первый офицер даже не сделал попытки приветствовать его. Не замечая Потчнеффа, Арфлейн вошел в рубку и снял со стены мегафон. Вновь вернувшись на мостик, он позвал к себе боцмана.

— Привести корабль в порядок, боцман. Счистить грязь с каждого дюйма парусов, и как можно быстрее!

Движением руки Файдур показал, что принял приказ.

— Слушаюсь, сэр.

— Абордажные крючья за борт, — продолжал Арфлейн. — Будем стоять на месте, пока не соскоблим с себя всю грязь. Где-нибудь должны быть теплые водоемы. Пошлем партию на их поиски, может быть, вернутся с тюленьим мясом.

В предвкушении свежего мяса Файдур буквально расцвел.

— Есть, сэр, — радостно ответил он.

После очередной стычки Файдур избегал компании Ульсенна и Потчнеффа, так что теперь Арфлейн был полностью уверен в надежности своего боцмана.

По приказу Файдур паруса спустили, а на лед выбросили абордажные крючья.

Едва только начались работы по очистке судна, и вызвали

добровольцев на поиски водоемов и свежего мяса, Арфлейн спустился вниз и постучал в каюту Уркварта. Оттуда раздались какие-то звуки, затем сильный удар, но дверь оставалась закрытой.

— Уркварт, — подождав, позвал Арфлейн. — Разрешите мне войти. Это Арфлейн.

Дверь открылась. На пороге стоял раздетый по пояс Уркварт. Его длинные мускулистые руки были покрыты татуировками, на крепком торсе виднелись многочисленные белые шрамы. В верхней части руки Арфлейн заметил свежую рану. Нахмурившись, он указал на нее.

— Как это случилось?

Помрачнев, Уркварт отступил в каюту, по размерам не превосходящую шкаф. Одну стену каюты занимал сундук с вещами гарпунщика, другую — койка. На полу валялись разбросанные меха. На крышке сундука, рядом с наполненным кровью тазом, лежал нож.

Внезапно Арфлейн понял, что Уркварт пустил себе кровь во имя Ледовой Матери. Обычай этот ныне был почти забыт. Когда святотатством, либо чем другим, человек оскорблял Ледовую Матерь, он выпускал себе кровь и выливал ее на лед, отдавая ему часть своей жизни.

Арфлейн вопросительно кивнул в сторону таза. Уркварт пожал плечами. Казалось, хладнокровие вновь вернулось к нему.

— Что случилось сегодня ночью? — сев на койку, осторожно спросил Арфлейн. — Чем вы оскорбили Матерь?

Отвернувшись, Уркварт принялся собирать меха.

— Я был слаб, — проворчал он. — И отступил перед страхом к врагу.

— Это не причинило нам вреда, — ответил Арфлейн.

— Я знаю, какой вред причинила моя слабость, — произнес Уркварт, — поэтому я сделал то, что должен был сделать. Надеюсь, этого достаточно.

Подойдя к иллюминатору, он открыл его и, подняв таз, вылил кровь на лед.

Закрыв окно и швырнув таз на сундук, он поднял гарпун.

— Я спрашиваю вас только из чувства товарищества, — вновь заговорил Арфлейн.

— Если бы вы рассказали мне о сегодняшней ночи...

— Вы сами должны знать, — перебил его Уркварт. — Вы — ее избранник, не я.

Повернувшись, Арфлейн вышел в коридор. За ним последо-

вал гарпунщик, слегка пригнувшись, чтобы пройти в дверь. Они вышли на палубу. Молча пройдя вперед, Уркварт забрался на такелаж; достигнув верхних рей, он принялся разглядывать остававшиеся далеко позади огненные горы.

Чувствуя себя обиженным, Арфлейн махнул рукой и вернулся на мостик.

К вечеру корабль был полностью вычищен от пепла, но партия, посланная за мясом, не вернулась. Арфлейн пожалел, что не приказал им вернуться до наступления сумерек; однако он не думал, что отыскать водоем будет особо трудно. Они взяли с собой небольшой бот и могли передвигаться с приличной скоростью. Теперь же "Ледовый дух" вынужден был дожидаться их возвращения. Вряд ли поисковая партия решится идти ночью, а это значит, что завтрашнее утро будет потеряно. Поскольку ночью ему вновь придется стоять на вахте, Арфлейн решил, пока есть время, отоспаться за предыдущую бессонную ночь.

Вечер был тихим. Обойдя корабль прежде, чем отправиться к себе в каюту, Арфлейн прислушался к приглушенным разговорам моряков, шуму работ, но ничего подозрительного так и не услышал.

Подойдя к фордеку, он посмотрел наверх. Уркварт по-прежнему сидел на вантах.

Понять странного гарпунщика оказалось сложнее, чем думал Арфлейн. Но сейчас он слишком устал, чтобы беспокоиться об этом. Вернувшись на мостик, он прошел в свою каюту. Вскоре он уже крепко спал.

НАПАДЕНИЕ

Арфлейн проснулся за полчаса до начала вахты. Умывшись и одевшись, он направился было к выходу, ведущему непосредственно на палубу, когда раздался стук в дверь, выходящую в коридор между двумя палубами.

— Войдите, — буркнул он.

Ручка повернулась, и в каюту вошла Ульрика Ульсенн. Ее лицо пылало краской, однако она смотрела ему прямо в глаза. Улыбнувшись, он протянул к ней руки, но, закрыв дверь, она покачала головой.

— Мой муж и Потчнефф собираются убить тебя, Конрад. — Она прижала ладони ко лбу. — Я слышала их разговор. Они хотят убить тебя сегодня ночью и похоронить во льду.

Она твердо взглянула на него.

— Я пришла рассказать тебе это, — почти вызывающе добавила она.

Сложив руки на груди, Арфлейн улыбнулся.

— Благодарю. Потчнефф знает, что скоро моя вахта. Несомненно, они попытаются сделать это, когда я буду совершать обход корабля. Что ж... — подойдя к сундуку, он достал оттуда пояс с висящим на нем клинком, — может быть это, наконец, положит конец всему.

— Ты убьешь его? — тихо спросила она.

— Их будет двое. Так что все будет по-честному.

Арфлейн шагнул к ней. Она отшатнулась. Положив руку ей на плечи, он прижал Ульрику к себе. Она обвила его руками за талию, он же молча перебирал ее волосы.

— Я не предполагал, что зайдет так далеко, — наконец произнес Арфлейн. — Я думал, что у него есть хоть какое-то чувство собственного достоинства.

Она подняла на него глаза, полные слез.

— Ты отнял у него все, — ответила Ульрика. — Ты слишком унизил его...

— Но не из злых побуждений, — попытался оправдаться Арфлейн. — Простая самозащита.

— Это с твоей точки зрения, Конрад.

Он пожал плечами.

— Возможно, но если бы он открыто бросил мне вызов, я бы

отказался принять его. Я легко могу убить его. Но теперь...

Застонав, она оторвалась от него и села на койку, закрыв лицо руками.

— В любом случае это будет убийство, Конрад. Ты довел его до этого!

— Он сам довел себя до этого. Оставайся здесь!

Выйдя из каюты, он чуть слышно пошел по палубе. Повернув, он поднялся на мостик и огляделся. На мостике его приветствовал Манфред Рорсефн.

— Час назад я отослал Хинсена отдохнуть. Он очень устал.

— Хорошо, — произнес Арфлейн. — Не знаете, вернулась охотничья партия?

— Еще нет.

Что-то прошептав про себя, Арфлейн взглянул на такелаж.

— Пожалуй, я тоже отправлюсь к себе, — сказал Рорсефн. — Спокойной ночи, капитан.

— Спокойной ночи. — Арфлейн проводил Рорсефна взглядом. Ночь была тиха. Под легкий шелест ветра до Арфлейна донеслись шаги вахтенного матроса, находящегося на фордеке.

Свой второй обход он совершит через час. Арфлейн подумал, что именно тогда-то и совершат свое нападение Потчнефф с Ульсенном.

Он вошел в рубку. Поскольку корабль стоял на якоре, рубка была пуста. Несомненно, эта ночь была выбрана ими в расчете избежать присутствия нежелательных свидетелей.

Спустившись на палубу, Арфлейн посмотрел в сторону далеких гор. Они напомнили ему об Уркварте; подняв глаза, он увидел гарпунщика, по-прежнему висящего на вантах. Сегодня ночью помощи от него ждать не приходится.

Вдалеке от корабля Арфлейн заметил какое-то движение; подбежав к ограждению, он увидел несколько фигур, бегущих к кораблю. По мере приближения он узнал в них людей из охотничьей партии. Они бессвязно кричали на бегу, отчаянно размахивая руками. Подойдя к ближайшему яцику с канатами, он выудил оттуда веревочную лестницу. Перебросив ее через борт, он закричал, что было силы:

— Сюда!

Первый из моряков подбежал к лестнице и начал подниматься на борт корабля. Услышав его тяжелое дыхание, Арфлейн протянул ему руку и помог перебраться через борт. Человек был вымотан до предела; меховая одежда на нем изорвана в клочья, на правой руке кровоточила глубокая рана.

— Что случилось? — спросил Арфлейн.

— Варвары, сэр. Ничего подобного до этого я не видел. Они вовсе не похожи на нормальных людей. Их лагерь рядом с теплым водоемом. Они заметили нас раньше, чем мы их. Они пользуются огнем, сэр.

Стиснув зубы, Арфлейн хлопнул матроса по плечу.

— Спускайся вниз и предупреди команду.

В это мгновение ночь разрезала огненная полоса, поразив вахтенного, стоящего на фордеке, прямо в горло. Арфлейн увидел, что эта была горящая стрела. Матрос дернулся, схватился за пламя руками и мертвым рухнул на палубу.

Тут же еще несколько стрел пронеслось в воздухе. Моряки на палубе в ужасе бросились вниз, ощущая вековой страх перед огнем. Стрелы, упавшие на палубу, не причинили вреда, однако, те, что попали в свернутые паруса, легко подожгли полотнища.

Мимо Арфлейна промчался объятый пламенем матрос. Небольшие пожары возникали по всему кораблю.

Рванувшись на мостик, Арфлейн яростно забил в колокол, крича через мегафон:

— Все на палубу! Достать оружие! На защиту корабля!

С мостика он видел приближающихся варваров. Внешне они напоминали людей, но были полностью покрыты серебристой шерстью; казалось, что они обнажены. Некоторые из них несли в руках горящие куски дерева; у каждого через плечо был перекинут колчан со стрелами, а в руках они держали костяные луки, по виду довольно мощные.

Едва только на палубе появились моряки, вооруженные луками, гарпунами и ножами, Арфлейн приказал лучникам целиться в варваров с горящим деревом в руках. Дальше по палубе Потчнефф выстроил в цепь группу моряков с ведрами в руках: они должны были тушить пожары.

Перегнувшись через ограждение, Арфлейн прокричал пробегающему мимо Файдуру с луком в руке:

— Боцман, один лук сюда!

Остановившись, боцман бросил ему лук и колчан со стрелами. Поймав оружие, Арфлейн перекинул колчан через плечо и, натянув тетиву на луке, выстрелил. Один из варваров упал на лед; из его рта торчала стрела.

В плечо Арфлейну воизлилась горящая стрела, но даже если и была какая-то боль, он ее не почувствовал. Вид пламени вывел его из оцепенения. Дрожащими руками он вытащил стрелу и отбросил ее от себя, загнув затем загоревшийся было плащ.

Чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за ограждение: его мутило.

Мгновение спустя лук снова был в его руках. К этому времени на льду оставалось лишь два или три огонька; казалось, что варвары отступают. Арфлейн выпустил стрелу в варвара с головешкой в руке, но промазал: цель поразила стрела, пущенная кем-то другим. Из ночи к кораблю по-прежнему летели стрелы, большинство из них были незажжены. Серебристые плащи варваров делали их прекрасными мишенями: стрелы моряков поражали их в огромных количествах.

Атака шла по левому борту, однако неясное предчувствие заставило Арфлейна оглянуться на правый борт.

Около десятка варваров незамеченные поднялись оттуда на палубу. Рыча и вращая налитыми кровью глазами, они бежали к нему. Бросив лук, Арфлейн выхватил клинок и прыгнул с мостика на палубу.

Один из варваров выстрелил в него, но промахнулся. Ударив его клинком и повернувшись к другому, Арфлейн почувствовал, как острая сталь воцпилась в шею. В это время к нему присоединились остальные моряки, накиннувшись на варваров, чьи луки при таком близком расстоянии стали бесполезными. Рядом с собой Арфлейн увидел улыбающегося ему Манфреда.

— Вот это дело, капитан!

Бросившись к варварам, Арфлейн пронзил ножом грудь ближайшего из них. Повсюду моряки добивали оставшихся варваров.

Шум боя постепенно утих. Справа от Арфлейна кто-то неистово закричал.

Это бы Потчнефф. Две огненные стрелы поразили его в пах и в грудь. Еще несколько огоньков плясало на его одежде, лицо почернело от ожогов. К тому времени, когда Арфлейн приблизился к нему, тот был мертв.

Арфлейн вернулся на мостик.

— Поднять все паруса! Прочь отсюда!

Часть команды поспешила поднимать уцелевшие паруса. Остальные выбрали якоря, и корабль тронулся с места.

Несколько запоздалых стрел упало на палубу. Но мере возрастания скорости последние варвары исчезли из виду.

Тяжело дыша, Арфлейн оглянулся, держась за раненое плечо. Боль почти не чувствовалась. Тем не менее раной следовало заняться.

— Принимайте командование, мистер Хинсен, — обратился он проходящему по палубе офицеру. — Я иду вниз.

У двери своей каюты Арфлейн остановился и, мгновение подумав, зашагал по коридору к каютам пассажиров. У двери Ульсенна он остановился.

Подергав ручку, он убедился, что дверь залерта. Шагнул назад и ударив в дверь ногой, Арфлейн почувствовал, как болезненно заныло плечо. Рана была намного серьезнее, чем показалось ему вначале.

У входа его встретил Ульсенн.

— Как вы посмели...

— Я арестовываю вас, — морщась от боли, отрезал Арфлейн.

— За что? Я...

— За попытку убить меня.

— Вы лжете!

— Потчнесфф все рассказал мне, — не желая упомянуть Ульрику, произнес Арфлейн.

— Потчнесфф мертв.

— Он сделал это перед смертью.

Ульсенн пожал плечами.

— В таком случае он солгал. У вас нет доказательств.

— Они мне не нужны. Я — капитан.

Лицо Ульсенна сморщилось, как будто он собирался заплакать.

— Что еще нужно вам от меня, Арфлейн? — едва слышно произнес он.

На мгновение Арфлейна охватили жалость и чувство вины перед ним.

Янек умоляюще посмотрел на него.

— Где моя жена? — спросил он.

— Она в безопасности.

— Я хочу увидеться с ней.

— Нет.

Закрыв лицо руками, Ульсенн сел на койку.

Арфлейн вышел из каюты и закрыл дверь. Выйдя из двери, ведущей на палубу, он позвал двух моряков.

— Каюта лорда Ульсенна — третья справа. Он арестован. Подоприте дверь брусом и стойте на страже, пока вас не сменят.

Подождав, пока его приказ выполнялся, Арфлейн отправился к собственной каюте.

Там на его койке спала Ульрика. Оставив ее спать, он прошел в ее каюту, сложил вещи в сундук и под любопытствующими

взглядами часовых поволок его по коридору. Занеся сундук в свою каюту, он разделся и осмотрел плечо. Кровотечение остановилось; к утру все будет в порядке.

Он лег рядом с Ульрикой.

17

БОЛЬ

Утром боль в плече усилилась; вздрогнув, он открыл глаза. Ульрика уже встала; открыв кран в большой бочке с водой, она намочила тряпку. Вернувшись к койке, она приложила тряпку к раненному плечу. Однако это только усилило боль.

— Лучше найди Хинсена, — сказал ей Арфлейн. — Он знает, как лечить раны.

Молча кивнув, она направилась к выходу. Он схватил ее за руку.

— Ульрика, знаешь ли ты, что произошло сегодня ночью?

— Набег варваров? — сухо спросила она. — Я видела огонь.

— Я имею в виду твоего мужа.

— Ты убил его, — равным голосом произнесла она.

— Нет. Он не смог напасть на меня, как планировал. Помещал набег. Он в своей каюте, закрыт там до конца путешествия.

Она иронично улыбнулась.

— Ты милосерден, — наконец произнесла она и, повернувшись, вышла из каюты.

Чуть позже она вернулась с Хинсеном и помогла офицеру обработать рану Арфлейна. В ледовой стране инфекции встречались чрезвычайно редко, но на лечение требовалось определенное время.

— Сегодня ночью погибло тридцать человек, сэр, — доложил капитану Хинсен, — и еще шестеро ранены. Такие потери затруднят нам дальнейшее путешествие.

Арфлейн согласно нахмурился.

— Я поговорю с вами позднее, мистер Хинсен. Нам нужен совет Файдур.

— Он также, как и Потчнефф, погиб, сэр.

— Понятно, в таком случае теперь вы — первый офицер “Ледового духа”, а Уркварт — второй. Найдите на место боцмана подходящего человека.

— У меня есть на примете, сэр, — Рорченофф. Он был боцманом на “Ильдико Ульсен”.

— Прекрасно. Где Уркварт?

— На такелаже, сэр. Он был там во время боя, сидит там до сих пор. Он не захотел ответить мне, сэр, когда я позвал его. Если бы я не заметил его дыхания, можно было бы подумать, что он замерз.

— Попробуйте заставить его спуститься. В противном случае я займусь этим позже.

— Слушаюсь, сэр.

Хинсен вышел.

Ульрика задумчиво стояла рядом со своим сундуком.

— Чем ты так расстроена? — спросил Арфлейн, глядя прямо на нее.

Пожав плечами, она вздохнула и села на сундук, сложив руки.

— Я думаю, что мы сами сделали то, что произошло с нами.

— Что ты имеешь в виду?

— Янека, то, как он себя вел. Мы заставили его сделать то, что он сделал.

— Я с самого начала не хотел брать его. Ты знаешь это.

— Но у него не было выбора. Он вынужден был присоединиться к нам благодаря нашим же действиям.

— Я не просил его убивать меня.

— Возможно, ты заставил его решиться на это.

— Что ты хочешь от меня, Ульрика?

— Ничего.

— Мы вместе?

— Да.

— Случилось то, что случилось, — сев на койку, произнес Арфлейн. — Теперь ничего не изменишь.

Наверху завыл ветер, бросая в иллюминаторы хлопья снега. Слегка покачиваясь на неровном льду, корабль шел вперед. Позже они лежали на койке и слушали, как воеет на палубе буря.

В полдень Арфлейн вышел на палубу и под обрушившимся на него шквалом снегом поднялся по скользкому трапу на мостик, где уже стоял Рорсефн.

— Как вы, капитан? — спросил Манфред.

— Прекрасно. Где офицеры?

— Мистер Хинсен наверху, а Уркварт спустился вниз. Я же управляюсь на мостике.

— Как корабль, слушается руля?

— Вполне прилично для таких условий.

Рорсефн указал на такелаж, частично закрытый падающей стеной снега. Темные, закутанные в меха фигуры двигались по реям. Паруса были зарифлены.

— Вы подобрали хороший экипаж, капитан Арфлейн. Как моя кухня?

Вопрос был задан осторожно, но Арфлейн без труда уловил в нем скрытый подтекст.

Корабль начал останавливаться. Прежде, чем ответить, Арфлейн посмотрел на рубку.

— С ней все в порядке. Вы знаете, что произошло?

— Я ждал этого, — Рорсефн, улыбнувшись, поднял голову.

— Вы... — Арфлейн не решался задать вопрос. — Как?...

— Это не мое дело, капитан, — перебил его Рорсефн. — Кроме того, все обитатели шхуны полностью в вашей власти.

Ирония была очевидна; кивнув Арфлейну, юноша осторожно спустился с мостика.

Пожав плечами, Арфлейн проводил его взглядом. Погода ухудшалась с каждым часом; они шли к северу навстречу зиме. Потеряв треть экипажа, им придется нелегко по пути к Нью-Йорку. Арфлейн чувствовал себя полностью измотанным как физически, так и душевно.

Как только погасли последние огни, на мостике появился Уркварт. Похоже, что гарпунщик полностью пришел в себя. Держа гарпун на согнутой руке, он приблизился к Арфлейну.

— Теперь вы с этой женщиной, капитан? — безучастно спросил он.

— Да.

— Она уничтожит вас, -- сплюнув на ветер, Уркварт отвернулся. — Я прослежу, чтобы очистили крышки люков.

Внезапно Арфлейн подумал, что предостережение гарпунщика основано на обыкновенной ревности, которую он испытывает к Ульрике. Ведь она приходится ему сводной сестрой. Это объясняло и сильную неприязнь Уркварта к Ульсенну.

Прежде, чем спуститься вниз, Арфлейн еще около часа простоял на палубе.

18 ТУМАН

По мере продвижения корабля к северу осень быстро сменялась зимой. С каждой неделей погода становилась все хуже и хуже; перегруженный работой экипаж едва справлялся с управлением кораблем. Из-за непрекращающихся снежных бурь скорость упала почти до нуля. До Нью-Йорка по-прежнему оставалось несколько сотен миль.

Видимость сократилась до предела; если прекращался снег, корабль окутывал туман, такой плотный, что уже на расстоянии двух ярдов предметы полностью терялись из виду.

В каюте Арфлейна любовники тесно прижимались друг к другу, объединенные не столько страстью, сколько общими бедами. Манфред Рорсефи единственный посетил Ульсенна, доложив Арфлейну, что узник переносит заключение с определенной стойкостью и даже, отчасти, с юмором.

Арфлейн никак не отреагировал на эту новость. Его природная молчаливость настолько усилилась, что в отдельные дни он не произносил ни единого слова, с утра до ночи лежа на койке в каюте. В такие дни он ничего не ел. Ульрика лежала рядом с ним, положив голову ему на плечо, прислушиваясь к ударам полозьев о лед, скрипу рей, шуму падающего на палубу снега. Когда эти звуки заглушал туман, казалось, что каюта движется отдельно от корабля. В эти моменты к Арфлейну возвращалась страсть; он с каким-то отчаянием предавался любви, как если бы это было в последний раз. После этого он выходил на затянутый туманом мостик и молча выслушивал от офицеров отчет о пройденном кораблем расстоянии. Для экипажа он сделался зловещим призраком, и даже офицеры, за исключением Уркварта, чувствовали себя неловко в его присутствии. Они замечали, как резко состарился Арфлейн: его лицо избороздили морщины, плечи поникли. Он редко смотрел на них, в основном безразлично наблюдая за падающим на палубу снегом. Часто, явно не замечая этого, Арфлейн тяжело вздыхал, нервно теребя бороду. В то время, как Хинсен и Рорсефи были удручены состоянием своего капитана, Уркварт намеренно не замечал его. Со своей стороны Арфлейн не обращал на Хинсена и Рорсефи ни малейшего внимания, Уркварта же он старательно избегал. Не раз, стоя на мостике, он быстро спускался к себе в каюту.

едва завидев гарпунщика. Обычно Уркварт, казалось, не замечал его бегства, но однажды легкая улыбка скривила его губы.

Хинсен часто разговаривал с Рорсефом. Юноша был для него единственным человеком, которому он мог доверить свои опасения, Экипаж охватила апатия, вызванная вынужденным бездельем.

— Мне часто кажется, что когда-нибудь мы остановимся окончательно, — признался как-то Хинсен, — и проведем остаток нашей жизни среди этого тумана...

Рорсеф понимающе кивнул головой.

— Выше голову, мистер Хинсен. Все образуется. Судьбе угодно, чтобы мы добрались до Нью-Йорка.

— Я хотел бы, чтобы капитан сам сказал об этом команде, — мрачно ответил Хинсен. — Я хотел бы, чтобы он сказал им хоть что-нибудь...

Рорсеф вновь задумчиво кивнул.

19

СВЕТ

На следующее после этого разговора утро Арфлейн разбудил стук в дверь. Медленно поднявшись, он прикрыл тело Ульрики мехами, оделся и открыл дверь.

За дверью, окутанный туманом, стоял Манфред. Руки юноши были горделиво сложены на груди, голова высоко поднята.

— Могу я поговорить с вами, капитан?

— Позже, — проворчал Арфлейн, бросив взгляд на зашевелившуюся в постели Ульрику.

— Это важно, — настаивал Манфред.

Пожав плечами, Арфлейн шагнул в сторону, пропуская Рорсефна. Ульрика, открыв глаза, увидела юношу и нахмурилась.

— Манфред...

— Доброе утро, кузина, — произнес Рорсефн; в его голосе прозвучали веселые нотки, причины которых ни Арфлейн, ни Ульрика не поняли. Они выжидающе смотрели на молодого человека. — Сегодня утром я говорил с мистером Хинсенем. Он думает, что скоро туман рассеется. Если он прав, мы сможем увеличить скорость.

Подойдя к сундуку, Рорсефн уселся на него.

Почему он так думает? — безучастно спросил Арфлейн.

Туман стал менее плотным. За последние дни снега выпало очень мало, воздух стал суше. Думаю, что мистер Хинсен достаточно опытен в этом вопросе.

Арфлейн кивнул головой, гадая об истинной причине визита Рорсефна.

— Как ваше плечо? — вежливо поинтересовался Манфред.

— Нормально, — проворчал Арфлейн.

— По-моему, с вами что-то происходит, капитан.

— Со мной все в порядке, — выпрямив согнутую спину, Арфлейн подошел к стоящему рядом с бочонком с водой тазу. Повернув кран, он налил в него воды и вымыл лицо.

— У команды подавленное настроение, — продолжал Рорсефн. — Уркварт пытается расшевелить их, но ему не хватает опыта.

— Мне кажется, что Уркварт отлично управляет с ними, — произнес Арфлейн.

— Так думает и он, но не я.

Удивленный настойчивостью Рорсефна, Арфлейн повернулся к нему, вытирая рукавом лицо.

— Это не ваше дело — сказал он.

— Вы правы, это дело капитана — заниматься кораблем. Мой дядя отдал вам его в руки, полагая, что вы — единственный, кто сможет привести "Ледовый дух" в Нью-Йорк.

— Это было давно.

Я просто напоминаю вам, капитан.

— Это все, что хотел ваш дядя? Мне кажется, что он прекрасно предвидел все, что произойдет во время путешествия. Перед смертью он чуть ли не предложил мне свою дочь, Рорсефн.

При этих словах Ульрика еще глубже зарылась в подушки.

Я знаю. Но не думаю, что он полностью понял ваши характеры. К тому же он не думал, что Янек отправится с нами. Сомневаюсь, что он мог предвидеть, как чувство вины капитана приведет его к апатии и самоуничтожению.

— Сначала вы обсуждали настроение экипажа, теперь добрались и до нас с Ульрикой, — защищаясь, произнес Арфлейн. — Зачем вы пришли сюда.

— Одно связано с другим. Вы прекрасно понимаете это, капитан. — Рорсефн поднялся на ноги. — Вы больны как физически, так и морально. Команда понимает это, хотя пока и молчит. У нас не хватает рук. Там, где нужно работать за двоих, матросы едва успевают выполнять лишь свои обязанности. Они уважают Уркварта, но и боятся его. Он чужой для них. Им нужен человек, которого они могли бы принять за своего. Этим человеком были вы. Теперь они начинают думать, что вы для них чужак, как и Уркварт.

Арфлейн потер лоб.

— Какое это имеет значение? В такую погоду управлять кораблем почти невозможно. Что вы ждете от меня? Чтобы я вышел к ним и наполнил их сердца уверенностью? Заверил их, что туман скоро рассеется. Что еще я должен сделать?

— Ничего. Говорю вам, Хинсен чувствует, что погода улучшится. — терпеливо гнул свою линию Рорсефн. — Кроме того, вы сами знаете, как много в такой ситуации зависит от капитана. Вам следует взять себя в руки, капитан.

Арфлейн принялся медленно застегивать ремни планца. Покачивая головой, он вновь вздохнул.

Рорсефн шагнул ему навстречу.

— Обойдите корабль, капитан Арфлейн. Посмотрите, доволь-

ны ли вы его состоянием. Паруса провисли, на палубе кучи грязного снега, крышки люков открыты. Корабль болен, как и вы. Он вот-вот начнет гнить.

— Оставьте меня, — отвернувшись, произнес Арфлейн. — Мне не нужны ваши советы, Если бы вы знали...

— Меня не волнует это. Я забочусь только о корабле, его обитателях и его задаче. Кузина полюбила вас потому, что вы были лучше Ульсенна. У вас была сила, которой не было у него. Теперь же вы одинаковы с ним. Вы потеряли право на ее любовь. Неужели вы не чувствуете этого?

Выйдя из каюты, Рорсефн с силой захлопнул за собой дверь. Сев на кровать, Ульрика вопросительно посмотрела на Арфлейна.

— Ты думаешь так же, как и он? — спросил Арфлейн.

— Я не знаю. Все гораздо сложнее...

— Это верно, — с горечью пробормотал Арфлейн. Гнев наполнял его, казалось, придав движениям некоторую живость.

— Он прав, — задумчиво сказала Ульрика, — что напомнил тебе об обязанностях капитана.

— Он пассажир, бесполезный балласт, он не имеет права указывать мне.

— Мой кузен — образованный человек. К тому же ты нравишься ему...

— Это не очевидно. Он критикует меня, не понимая...

— Ради твоей же пользы он делает это. Он заботится не о себе. Жизнь для него — игра, которую, как он чувствует, он должен доиграть до конца.

— Меня не интересует характер твоего кузена. Я хочу, чтобы он оставил меня в покое.

— Он видит, что ты губишь себя и меня, — с неожиданной силой произнесла Ульрика. — Он видит больше, чем ты.

Помолчав, Арфлейн смущенно спросил:

— Значит, ты думаешь то же самое?

— Да.

Опустившись на край кровати, он посмотрел на нее — в глазах женщины стояли слезы. Он протянул руку и погладил ее лицо. Взяв его руку обеими ладонями, Ульрика поцеловала ее.

— О, Арфлейн, что произошло?...

Молча он обнял ее и, поцеловав в губы, увлек на кровать.

Спустя час он поднялся и, стоя рядом с койкой, задумчиво разглядывал пол.

— Почему твой кузен так заботится обо мне? — спросил он.

— Не знаю. Ты всегда правился ему, — улыбнулась она. — Кроме того, он делает это, возможно, ради собственной безопасности, чувствуя, что ты не способен управлять кораблем.

— Он был прав, придя сюда, — кивнув головой, признал Арфлейн. — Зря я рассердился. Я был слаб. Я не знаю, что мне делать, Ульрика. Следовало ли мне соглашаться на эту экспедицию? Должен ли я был поддаваться своему влечению к тебе и арестовывать Ульсенна?

— Это личные вопросы, — мягко сказала она, — в которые не должен вмешиваться никто, кроме нас.

— Похоже, что так оно и есть, — сжав губы, Арфлейн распрямил плечи. — Но, так или иначе, Манфред был прав. Мне стыдно...

— Смотри, — прервала его Ульрика, указывая на иллюминатор. — Становится светлее. Пойдем на палубу.

К этому времени туман уже почти полностью рассеялся; сквозь облака робко пробивались первые солнечные лучи. Корабль медленно продвигался вперед, поставлена была треть парусов.

Взявшись за руки, Арфлейн и Ульрика пошли по палубе. Солнечный свет смягчил коричневые и белые краски корабельных мачт и такелажа, желтизну кости. Изредка в воздухе слышались удары полозьев о лед и приглушенные крики матросов. Даже необузданная палуба придавала кораблю какой-то лихой вид. Солнечные лучи пробили тучи, и вскоре горизонт почти полностью очистился. Корабль пересекал большое ледяное поле, окаймленное по краям разорванными цепями глетчеров. Схватив Арфлейна за руку, Ульрика показала на правый борт. Оттуда к кораблю приближалась стая птиц.

Посмотри на их цвет! — удивленно воскликнула она.

Арфлейн с изумлением рассматривал ярко-зеленое оперение необычных птиц. В своей жизни он еще не встречал ничего подобного; все звери в стране льда были блеклой окраски, что помогало им вести борьбу за выживаемость. Цвет этих птиц поразил его. Вскоре птицы, пролетев над кораблем, исчезли за горизонтом.

С мостика раздалась команда:

Поднять паруса! Все наверх!

Это был Уркварт.

Осторожно высвободив руку, Арфлейн быстро поднялся на мостик и взял мегафон из рук удивленного гарпунщика.

— Все в порядке, мистер Уркварт. Принимаю командование на себя.

Заворочав себе под нос. Уркварт поднял гарпун, и, спустившись с мостика, занял позицию на баке, спиной к Арфлейну.

— Мистер Хинсен! — Арфлейн попытался вложить в голос всю силу и уверенность. — Позовите боцмана.

Махнув рукой в знак того, что команда принята, Хинсен закричал матросу, находящемуся на вантах главной мачты. Вскоре они оба поднялись на мостик. Матрос оказался крепкого телосложения, с такой же, как у Арфлейна, рыжей, аккуратно подстриженной бородой.

— Ты — Рорченоф, боцман с “Ильдико Ульсенн”?

— Так точно, сэр, был им, пока не ушел в китобои.

В голосе Рорченофа чувствовался характер.

— Хорошо, следовательно, когда я говорю поставить все паруса, ты знаешь, что это значит?

— Да, сэр, — кивнул Рорченоф.

Хинсен хлопнул моряка по плечу, и тот побежал занимать свое место. Офицер недоверчиво посмотрел на Арфлейна, как бы не веря в его вновь обретенную решительность.

Увидя, что матросы уже поднялись на ванты, Арфлейн поднес к губам мегафон.

— Поднять все паруса! — закричал он.

Вскоре корабль окутало белое облако трепещущих парусов, и он за считанные минуты почти вдвое увеличил скорость, летя над сверкающим льдом.

Проходя по палубе, Хинсен принялся подтягивать ослабевший такелаж. Теперь, когда туман рассеялся, хорошо было видно, что многие узлы развязались; до наступления ночи это нужно обязательно исправить.

Чуть позже, когда он приступил ко второму узлу, к нему подошел Уркварт.

— Ну, мистер Уркварт, с капитаном вновь полный порядок? Легкая улыбка тронула лицо гарпунщика.

Красными костистыми пальцами он погладил зубцы на гарпуне и показал головой в сторону мостика. Хинсен увидел, что рядом с капитаном на мостике появился Манфред Рорсефн. Не понимая, что Уркварт хотел сказать ему этим, Хинсен нахмурился.

— Если вы спрашиваете меня, что там делает Рорсефн, я скажу, что мы должны быть благодарны ему за исцеление капитана.

Уркварт сплюнул в тающую на палубе кучу снега.

— Теперь они оба управляют кораблем, — произнес он. — Капитан подобен игрушке, которую делают детям из тюленят. Вы пропускаете через его пасть струну, и, дергая за нее, заставляете его хмуриться или улыбаться. Каждый из них тянет за свой конец. Один заставляет его улыбаться, другой — хмуриться. Иногда, впрочем, они меняются местами.

— Вы имеете в виду Ульрику Ульсенн и Манфреда?

Уркварт задумчиво провел рукой по тяжелому древку гарпуна.

— С помощью Ледовой Матери он еще избавится от них, — произнес он. — Наш долг — сделать все, что в наших силах.

Хинсен почесал голову.

— Что-то плохо я понимаю вас, мистер Уркварт. Вы полагаете, что настроение капитана не испортится вновь?

Пожав плечами, Уркварт прыгающим шагом отошел в сторону.

ЗЕЛЕННЫЕ ПТИЦЫ

Несмотря на необычный ландшафт, корабль развил приличную скорость и стремительно приближался к гряде глетчеров. За глетчерами находился Нью-Йорк; судно поменяло курс с оста на норд, а это значит, что конец путешествия уже близок. Погода по-прежнему держалась хорошая, хотя Арфлейн и понимал, что вряд ли она сохранится до Нью-Йорка.

Счастливо избегнув нескольких разломов во льду, "Ледовый дух" шел все дальше и дальше по ледовой равнине. Несколько раз в поле зрения попадали отдельные группы завернутых в серебристые меха варваров, но, не причинив вреда, они оставались далеко за кормой.

Уркварт вновь занял свое место на мостике возле капитана, хотя отношения двух мужчин были уже не те, что раньше; слишком много произошло на корабле, чтобы чувство товарищества осталось неизменным.

Оставляя за собой темные отметины в снегу, блестя заново отполированным корпусом, ледовая шхуна приближалась к глетчерам.

Стаю первым заметил Уркварт. Она была едва видна справа от них, но ошибиться было невозможно. Уркварт показал копьем в направлении китов, и Арфлейн, прищурив глаза, различил на светло-голубом льду темные очертания животных.

— Эта порода мне незнакома, — произнес он, и Уркварт согласно кивнул в ответ.

— Мы разживемся мясом.

— Точно, — проворчал Уркварт, теребя серьгу. — Приказать рулевому изменить курс, капитан?

Арфлейн подумал, что, помимо чисто практических целей, остановка доставит команде чисто физическое развлечение. Кивнув Уркварту, он вошел в рубку.

Стоя на палубе, Ульрика смотрела на него. Улыбнувшись ей, Арфлейн дал знак присоединиться к нему. Чувствуя антипатию Уркварта, она редко поднималась на мостик; вот и теперь, неохотно поднявшись наверх, она остановилась, увидев в рубке гарпунщика. Бросив взгляд на корму, она подошла к Арфлейну.

— Конрад, — обратилась к нему она, — похоже, что Янек

заболел. Сегодня я разговаривала с часовыми: они утверждают, что он ничего не ел.

Арфлейн рассмеялся.

— Наверное, голодает от злости. — Заметив выражение беспокойства на ее лице, он добавил. — Хорошо, как только я смогу, я повидаюсь с ним.

Корабль повернул к китовому стаду. Животные были намного меньше тех, что Арфлейн видел до этого, с более короткими головами, желто-коричневого окраса. Они прыгали по льду, отталкиваясь от него необычайно большими задними плавниками. И все же они не казались опасными для людей.

Захватив по дороге веревочную бухту, Уркварт направился к носу корабля, на ходу привязывая конец линя к кольцу своего гарпуна; остальную веревку он обмотал вокруг пояса. Вокруг него столпились матросы, и он показывал им на стаю. Моряки тотчас же отправились в кубрик за оружием. Уркварт перелез через бортовое ограждение и встал на маленькой площадке, выдававшейся из корпуса судна. Достаточно было небольшого толчка — и он слетит вниз.

Странного вида киты рассыпались перед украшенной черепом громадой шхуны, преследующей основную массу стада.

Ухмыляясь, одной рукой Уркварт вцепился в ограждение, другой поднял гарпун.

Теперь корабль следовал за большим быком, бешено поскакавшим в сторону, как только его маленькие глазки заметили приближающийся “Ледовый дух”. Уркварт бросил гарпун, который вонзился животному в основание шеи. Линь, привязанный к копы, натянулся; закричав, животное прыгнуло на плавниках и завертелось на месте, широко раскрыв пасть. Зубы зверя оказались намного крупнее, чем ожидал Арфлейн.

Натянувшаяся веревка грозила, того и гляди, сбросить Уркварта с занятой им маленькой площадки.

Держась одной рукой за ограждение, еще несколько китобоев метнули свои копы, как только корабль вновь приблизился к стае. Охота проходила в полной тишине, не считая шума движения корабля и хлопанья плавников.

Когда Арфлейн был уже уверен, что Уркварта вот-вот сбросит на лед, гарпунщик снял с себя остатки веревки и привязал ее к ближайшей стойке. Оглянувшись, Арфлейн увидел, как гарпун Уркварта тащит за кораблем умирающего, но все еще сопротивляющегося кита. Гарпунщики вновь бросили копы, но мало кто из них обладал точностью Уркварта. Вскоре больше

десятка китов волочились по льду следом за кораблем; их тела сталкивались друг с другом, обильно оmyвая лед кровью.

Корабль вновь повернул, на лед упали якоря. Шхуна остановилась, на лед спустились оснащенные разделочными ножами матросы.

С ними сошел и Уркварт. Стоя у ограждения, Арфлейн и Ульрика наблюдали за моряками, взбиравшимися на трупы животных; их ножи методично взлетали вверх, разделявая добычу. Уходящее за горизонт солнце, такое же красное, как кровь, струящаяся по льду, отбрасывало длинные прыгающие тени. В вечернем воздухе резко запахло кровью.

К ним подошел Манфред и, улыбаясь, посмотрел на одетых в меха моряков. Китобой все, как один, были измазаны густой кровью, многие из них вымокли до нитки и с удовольствием слизывали кровь с губ.

Рорсефн показал на Уркварта, который, вытацив из своей жерты гарпун, чертил им в воздухе таинственные знаки.

— Похоже, Уркварт в своей стихии, капитан, — сказал он. — Да и остальные в приподнятом настроении. Нам повезло, что мы нашли стаю.

Кивнув, Арфлейн стал наблюдать, как Уркварт разделяет кита. То, как яростно гарпунщик врубался в тушу животного, вновь сделало его похожим на некоего ледового полубога, стародавнего обитателя пантеона Ледовой Матери.

Понаблюдав за этой сценой еще несколько минут, Рорсефн отошел прочь со словами извинения. Вероятно, подумал Арфлейн, юноше не доставлял удовольствия вид этого кровопролития.

До наступления темноты мясо отделили от костей, а ворвань и жир закачали в бочки, подвесив их на концах нижних рей. На залитом кровью льду оставалось лишь несколько китов.

Внезапно Арфлейн уловил в воздухе какое-то движение. Взглянув на начинающее темнеть небо, он увидел там множество приближающихся к кораблю птиц, тех самых зеленых птиц, что они встретили несколькими днями раньше.

По виду птицы напоминали альбатросов большими изогнутыми клювами и широкими крыльями. Покружив, они сели на лежащие на льду кости и принялись жадно пожирать потроха и клочья мяса, оставленные моряками.

Ульрика, не в силах смотреть на это неприятное зрелище, схватила Арфлейна за руку. Один из падальщиков, держа в

клюве свисающие кишки, повернул голову, пристально посмотрев на людей и, разведя крылья, заскакал по льду.

На этот раз птицы прилетели с севера. Когда Арфлейн впервые увидел их, они летели с юга на север. Интересно, подумал он, где же все-таки их гнезда? Может быть, в протянувшейся перед ними гряде глетчеров — той самой гряде, которую им нужно будет преодолеть, чтобы достигнуть Нью-Йорка.

Мысль о горах повергла его в уныние: не просто им будет найти узкий проход, обозначенный на карте Рорсефна. С заходом солнца зеленые птицы все еще продолжали свое пиршество; их силуэты возвышались над костями китов подобно армии победителей, осматривающей трупы поверженного противника.

КРУШЕНИЕ

Столкновение произошло на рассвете. Выйдя из каюты, Конрад Арфлейн намеревался было отправиться к Янеку Ульсенну, чтобы лично удостовериться в его болезни, когда на корабль обрушился удар, сбивший его с ног.

Поднявшись на ноги, с разбитым в кровь лицом он поспешил к Ульрике. Она сидела на кровати, тревога была на ее лице.

— Что это, Конрад?

— Пойду посмотрю.

Он выбежал на палубу, наполненную матросами. Те, что сорвались с такелажа, разбились о палубу, другие были просто оглушены и теперь понемногу поднимались на ноги.

Взглянув вперед и не увидев там никакого препятствия, он подбежал к носу и перегнулся через украшенный черепом бушприт.

Передние полозья попали в едва заметную неглубокую расщелину. Около десяти футов шириной и всего ярд в глубину, она едва не послужила причиной крушения корабля. Слустившись по канату к краю расщелины, Арфлейн осмотрел полозья.

Похоже было, что они пострадали, но не сильно. Край одного из них треснул, от него откололся небольшой кусок, упав на дно ямы. Но поломка не могла сильно повлиять на работоспособность всего узла.

Арфлейн подметил, что расщелина кончалась всего в нескольких ярдах от правого борта. Им просто не повезло, что они шли именно через эту точку. Отвернув полозья, шхуну можно будет легко оттащить назад и вновь отправиться вперед.

Над бортом показалась голова Хинсена.

— Что там, сэр?

— Ничего страшного, мистер Хинсен, хотя команде и придется потрудиться. Необходимо оттащить корабль назад. Пошлите боцмана поставить нижние паруса, это должно облегчить буксировку.

— Слушаюсь, сэр! — лицо Хинсена исчезло.

Подойдя к борту, Уркварт помог Арфлейну перебраться через ограждение. При этом он молча указал на северно-запад. Взглянув туда, Арфлейн выругался.

Около пятидесяти варваров, верхом на похожих на медведей

животных, стремительно приближались к ним. Варвары сидели на широких спинах животных, вытянув перед собой ноги, держа в руках идущие от головы зверей поводья. Их оружие составляли костяные дротики и мечи. Они были закутаны в меха, всем другим они были похожи на обычных людей, разительно отличаясь от встреченных ранее варваров.

Валетев на мостик, Арфлейн схватил мегафон, дав команду вооружиться и приготовиться к защите корабля.

Первые варвары почти достигли корабля. Некоторые из них все время выкрикивали какие-то слова, которые Арфлейн, не смотря на странный акцент кричавшего, разобрал почти сразу:

— Вы убили последних китов! Вы убили последних китов!

Приблизившись к кораблю, всадники разъехались в разные стороны, явно намереваясь зайти со всех сторон.

Прежде, чем на палубу упали первые дротики, Арфлейн успел различить тонкие, с орлиными чертами, лица под капюшонами.

Первая волна копий не причинила никакого вреда. Подняв один отделанный резьбой дротик, Арфлейн бросил его в варваров, но промахнулся. Дротики не были приспособлены для такого боя; вероятно, варвары использовали их сейчас лишь для устрашения обитателей корабля.

Однако, едва они подъехали к самому кораблю, Арфлейн увидел, как рядом с ним упал один из матросов, так и не успев выстрелить из лука.

Еще двое моряков были убиты удачно выпущенными дротиками, но прежде, чем варвары успели отступить, более половины их упало с животных на лед. Теперь они собирались у левого борта, готовя новую атаку.

Арфлейн с луком в руках, Хинсен и Манфред Рорсефн стояли рядом в ожидании нового нападения. Чуть дальше по борту стоял Уркварт. На время отложив гарпун, он разложил рядом с собой около полудюжины дротиков.

Мощные лапы животных пришли в движение, и, оглушительно крича, варвары бросились к кораблю. На волну дротиков ответила волна стрел. Двое варваров были сражены Урквартом, еще четверо оказались тяжело ранеными. Остальные бросились на лед, спасаясь от стрел. Улыбаясь, Арфлейн повернулся к Хинсену, но тот был уже мертв: костяной дротик пронзил его навылет. Широко открыв остекленевшие глаза, первый офицер выпустил из рук оружие и рухнул на палубу.

— Похоже, что Уркварт ранен, — прошептал на ухо Арфлейну Рорсефи.

Арфлейн повернул голову, ожидая увидеть гарпунщика лежащим на палубе, но тот уже вытащил дротик, ранивший его в руку и, увлекая за собой моряков, перепрыгнул через ограждение.

Варвары вновь перестроились, но теперь лишь пятеро из них оставались невредимыми. Еще несколько повисли в седлах, пронзенные десятком стрел.

Крича на бегу, Уркварт бросился к оставшимся в живых кочевникам. Правой рукой он угрожающе потрясал своим гарпуном в левой зажал пару дротиков. Варвары остановились, один из них вытащил меч. Затем, развернув своих странных животных, они бросились прочь от ликующе кричащего Уркварта.

В результате набега около десяти моряков было ранено, и лишь четверо, включая Хинсена, погибло. Взглянув на тело старика, Арфлейн вздохнул. Он не ощущал в себе злости к варварам. Насколько он понял из их криков, недавняя охота оставила их без мяса.

Увидев проходящего по палубе нового боцмана, Арфлейн дал ему знак приблизиться. Заметив труп Хинсена, боцман мрачно покачал головой и недоверчиво посмотрел на Арфлейна.

— Он был хорошим моряком, сэр.

— Да, боцман. Я хочу, чтобы ты взял людей и похоронил мертвых в расселине под нами. Это сэкономит нам время. Начинай прямо сейчас.

— Слушаюсь, сэр.

Согнувшись, Арфлейн увидел, как Уркварт и его люди рубили раненных варваров почти с таким же удовольствием, с каким они разделявали туши китов вчера вечером. Пожав плечами, он вернулся в каюту.

Там он рассказал Ульрике, что произошло наверху. Облегченно вздохнув, она сказала:

— Ты говорил с Янеком? Ты собирался сделать это сегодня утром.

— Я поговорю с ним сейчас.

Выйдя из каюты, он подошел к стоящему на страже матросу и дал тому знак снять замок с цепи, привязанной к бруссу. Дверь открылась, и он увидел лежащего на койке Ульсенна; тот был бледен, но вполне вздорен на вид.

— Мне сказали, что вы ничего не едите, — сказал Арфлейн.

Он не стал входить, а перегнулся через брус, перегородивший проход.

— Здесь мне не нужна пища, — ответил холодно Ульсенн и решительно посмотрел на Арфлейна. — Как моя жена?

— С ней все в порядке, — произнес Арфлейн

Ульсенн горько улыбнулся. Выражение слабости на его лице исчезло. Арест, казалось, улучшил его характер.

— Желаете чего-нибудь? — спросил Арфлейн.

— Да, капитан, но не думаю, что вы сделаете это для меня.

Арфлейн понял намек. Коротко кивнув, он закрыл дверь и снова повесил замок.

К тому времени, как шхуна вновь двинулась вперед, команда была полностью измотана. Когда Арфлейн с приходом рассвета приказал поднять паруса, на корабле воцарилась почти сказочная атмосфера.

Корабль приближался к гряде глетчеров.

Изгибы и складки ледовых гор блестели на солнце. Вскоре показался и проход — узкая щель между огромными скалами. Согласно карте Рорсефна, проход через нее займет несколько дней.

Нахмурившись, Арфлейн внимательно посмотрел на небо: погода явно портилась. Прикидывая, проходить ли им в ущелье или обождать, он пожал плечами. До Нью-Йорка осталось совсем немного, и ему не хотелось понапрасну терять время. Как только они пройдут через ущелье, от Нью-Йорка их будет отделять какая-нибудь сотня миль.

Как только они прошли между низкими холмами, окружившими вход в ущелье, Арфлейн приказал убрать большинство парусов и выставить на носу шестерых дозорных.

По мере приближения "Ледового духа" к ледяным горам впечатление сказочности и нереальности на его борту все усиливалось. Крики дозорных эхом разносились по ущелью; казалось, весь мир наполнился этими призрачными голосами.

Широко расставив ноги, Арфлейн крепко ухватился за ограждение борта. Справа от него, одетая в свои лучшие меха, стояла Ульрика Ульсенн; рядом с ней, как всегда, улыбался Манфред Рорсефн. Слева от Арфлейна, с неизменным гарпуном в руке, внимательно разглядывал скалы Уркварт.

Войдя в ущелье, корабль двигался между нависших над ним скал, уходящими вверх почти на четверть мили. Лед у подножия скал был ровным, и корабль тут же увеличил скорость. Потрясенные шумом движения шхуны, со скалы посыпа-

лись куски льда. Достигнув дна, они с шумом разбивались на множество мелких осколков.

— Боцман, — обратился Арфлейн к стоящему на юте Рорченофу, — Пусть дозорные разговаривают как можно тише, иначе нас засыпет прежде, чем мы успеем заметить это.

Мрачно кивнув, боцман отправился на нос. Он казался сильно обеспокоенным.

Да и Арфлейн сам был бы рад поскорее выскочить из ущелья. На фоне гор он чувствовал себя карликом. Решив, что проход достаточно широк, чтобы без особой опасности увеличить скорость корабля, он вновь обратился к боцману:

— Поднять все паруса!

Рорченоф принял приказ с удивлением, но спорить не стал.

Подняв паруса, "Ледовый дух" устремился вперед мимо странных узоров, прорезанных ветром в стенах каньона.

К вечеру несколько ударов потрясли корабль, его движение потеряло устойчивость.

— Это полозья, сэр! — воскликнул Рорченоф. — Должно быть, они повреждены больше, чем мы думали.

— Беспокоиться не о чем, боцман, — глядя вперед, спокойно произнес Арфлейн.

Становилось все холоднее, и поднимался ветер; чем быстрее шхуна пройдет ущелье, тем лучше.

— Мы можем легко свернуть в сторону и врезаться в скалу, сэр, обрушив ее на себя.

— Я сам буду оценивать опасность, боцман.

Стоящая рядом с ним тройца с удивлением посмотрела на Арфлейна, но не было произнесено ни одного слова.

С наступлением сумерек корабль начал опасно дрожать, но Арфлейн даже не пытался уменьшить скорость судна: оно по-прежнему шло под полными парусами.

К мостику подошла группа моряков во главе с Рорченофом.

— Капитан Арфлейн!

Арфлейн спокойно поглядел вниз. Теперь корабль постоянно сотрясали быстрые короткие удары, он все труднее слушался руля.

— Что это, боцман?

— Нужно бросить якорь и починить полозья, сэр. Такая скорость убьет нас!

— До этого не дойдет, боцман.

— А мы чувствуем, что это случится! — Голос принадлежал

одному из моряков. Вокруг него раздались одобрительные крики.

— Возвращайтесь на свои места, — спокойно произнес Арфлейн. — Вы еще не поняли, в чем заключается наше путешествие.

— Мы понимаем, когда нашим жизням грозит опасность, — закричал один из моряков.

— Вы в безопасности, — уверил его Арфлейн.

Едва в небе появилась луна, ветер завыл еще с большей силой; туго натянув паруса, он все больше разгонял корабль.

Дико оглядевшись, Рорченоф закричал:

— Это безумие! Дайте нам шлюпки! Можете вести корабль, куда хотите, а мы сматываемся!

Уркварт поднял гарпун.

— Если вы не вернетесь на свои места, я уйощу вас этой штукой. Будьте уверены, Ледовая Матерь хранит нас!

— Ледовая Матерь! — сплюнул боцман. — Вы все сумасшедшие. Мы хотим вернуться назад.

— Но мы не можем вернуться! — закричал Уркварт и дико засмеялся. — Нам не хватит пространства для разворота.

Рыжий боцман потряс кулаком перед гарпунщиком.

— Тогда бросьте якорь! Остановите корабль, дайте нам шлюпки, и мы сами отправимся домой.

— Вы нужны нам для управления кораблем, — резонно заметил Арфлейн.

— Вы все просто рехнулись! — в отчаянии закричал Рорченоф. — Что случилось с кораблем?

Манфред Рорсефи перегнулся через борт.

— У вас не выдержали нервы, боцман, вот в чем дело.

— Но полозья...

— Говорю тебе: нет! — отрезал Арфлейн, улыбнувшись Уркварту, и обнял Ульрику за плечи.

Ветер стремился сорвать паруса. "Ледовый дух" кидало из стороны в сторону.

Молча повернувшись, Рорченоф спустился вниз.

Рорсефи нахмурился.

— Это не было их последним словом, капитан.

— Возможно.

Рулевой едва успел отвернуть корабль от стены. Арфлейн ухватился за борт и, обернувшись к рубке, ободряюще закричал рулевому, старающемуся удержать штурвал. Лицо матроса было перекошено страхом.

Тут же на палубе вновь появились Рорченоф и компания. В руках они держали ножи и гарпуны.

— Вы глупцы! — кричал им Арфлейн. — Сейчас не время для мятежа.

— Спускай паруса, ребята! — обратился боцман к матросам на вантах.

Внезапно он вскрикнул и рухнул на палубу: из его груди торчал массивный гарпун Уркварта. Остальные с ужасом уставились на своего вожака.

— Достаточно, — начал Арфлейн. — Возвращайтесь по местам.

Корабль вновь бросило в сторону.

Закричав, матросы бросились к мостику. Схватив Ульрику, Арфлейн протолкнул ее в рубку, закрыл дверь и, оглянувшись, увидел, что Уркварт с Рорсефном сбежали с мостика на палубу.

Чувствуя, что его предали, Арфлейн приготовился встретить мятежников. Но он был безоружен.

Корабль оказался полностью во власти шквала. Снежные вихри обрушивались на такелаж, шхуну качало на поврежденных полозьях. По трапу осторожно поднимались матросы. Дождавшись, когда первый из них оказался на мостике, Арфлейн ударил его в лицо, вырвав из рук матроса клинок, и обрушил его на череп мужчины.

Мостик заметало снегом. Закричав, Арфлейн принялся наносить удары. Обливаясь кровью, матросы отступили.

Внезапно за их спинами оказались Уркварт и Рорсефн с клинками и луками в руках. Они принялись хладнокровно посылать стрелы в спины мятежников.

Корабль сильно качнуло. Рорсефна отбросило в сторону. Уркварт успел ухватиться за поручни и устоять на ногах. Матросов разбросало в разные стороны; бросив клинок, Арфлейн спустился по трапу.

— Рорченоф обманул вас, — кричал он. — Теперь вы сами видите, что необходимо пройти ущелье как можно быстрее, иначе с кораблем будет покончено.

Матросы дико поглядели на Арфлейна.

— Но почему, капитан?

— Снег! Буря ослепит нас, зажмет в тиски! Упавший со скал лед заблокирует путь. Если даже мы не разобьемся о него, дальше пути не будет!

Над их головами с грот-мачты сорвало парус. Вой ветра уси-

лился; корабль бросило на скалу; пробороздив бортом стену каньона, он вновь вышел на середину прохода.

— Но тогда нас разобьет о скалы! — закричал один из моряков. — Что мы добьемся этим?

Усмехнувшись, Арфлейн развел руками.

— Если нам действительно не повезет, то быстрая смерть будет лучше всего. Но вы знаете, что удача на моей стороне; к утру мы выйдем из ущелья и окажемся всего в нескольких днях пути от Нью-Йорка.

— Это было раньше, — вновь заговорил матрос. — Теперь вы уже не посланник Ледовой Матери, поскольку пошли против ее воли. Женщина...

Арфлейн резко рассмеялся.

— Вам остается только верить в мою звезду. Бросайте оружие; ребята!

— Пусть ветер вынесет нас отсюда. Это наш единственный шанс, — вмешался Уркварт.

— Возвращайтесь на ванты и займитесь парусами, — перекрывая шум ветра, закричал Манфред.

— Но пользя! — начал было матрос.

— Мы сами займемся ими, — сказал Арфлейн. — За работу, ребята. Обещаю, что если пройдем ущелье, наказаний не будет. Либо мы выйдем отсюда, либо погибнем.

Моряки начали расходиться со следами страха и сомнения на лицах.

Выйдя из рубки, Ульрика по опасно накренившейся палубе добралась до Арфлейна.

Она схватила его за руку. Ветер рвал на ней одежду, в лицо бил снег.

— Ты уверен, что они ошибаются? — спросила она. — Может быть, лучше?..

Улыбнувшись, он пожал плечами.

— Не в этом дело, Ульрика. Спускайся вниз и попробуй отдохнуть. Я приду к тебе попозже.

Проводив ее до мостика, он отправился на нос. Вглядевшись вперед, он увидел лишь скалы, обступившие корабль. Арфлейн взобрался на бушприт, одной рукой ухватившись за литье стакселя, другой же принялся гладить китовый череп, будто хотел перенять от него силу, которой животное обладало при жизни.

Пелена снега впереди корабля расступилась. Казалось, что скалы еще ближе подступили к "Ледовому духу", пытаясь зажать его.

Это встревожило Арфлейна. Проход начал сужаться. Путь вперед был закрыт.

Спрыгнув на палубу, тяжело дыша, Арфлейн бросился к сальнику рулевого вала и, схватив тяжелую кувалду, принялся выбивать аварийный штифт.

Повернув голову, он закричал Уркварту:

— Бросайте якорь! Ради Медовой Матери, бросайте якорь!

Подбежав к матросам, он приказал им выбить чеку, державшую лезвия якоря.

Арфлейн поднял голову; сердце его замерло. Они уже достигли бутылочного горлышка; надежды спасти корабль почти не было.

Штифт сдвинулся с места. Поднимая и опуская кувалду, Арфлейн снова и снова бил по нему.

Неожиданно штифт вылетел; пользья развернуло под углом друг к другу. С ужасающим скрежетом корабль завертело на месте.

Арфлейн сделал все, что было в его силах; теперь его беспокоила только безопасность Ульрики.

Влетев в каюту, он застал там Ульрику и рядом с ней ее мужа.

— Я освободила его, — сказала она.

— Пошли на палубу, — проворчал Арфлейн, — шансов остаться в живых не так уж и много.

Раздался последний страшный удар: упав на лед, якоря остановили корабль.

Выбравшись на палубу, Арфлейн с изумлением увидел, что они остановились всего в десяти ярдах от того места, где корабль неминуемо разбился бы о скалы.

Огромная шхуна начала валиться на левый борт; не выдержав напряжения, пользья лопнули с оглушительным треском. Судно нагело на борт; паруса наполнил ветер, закрутив "Ледовый дух".

Схватив Ульрику, Арфлейн свободной рукой вцепился в буксировочный трос.

Теперь единственное, что владело его мыслями — покинуть корабль и спасти себя и женщину. Спустившись на лед, они побежали прочь от шхуны. "Ледовый дух" врезался в скалу, сверху на него посыпались глыбы льда.

Им посчастливилось найти укрытие в стене ущелья. Оглянувшись назад, едва дыша, они бросили взгляд на корабль. Спасется ли кто-нибудь, кроме них, сказать было трудно.

Ветер донес до них чей-то голос. Он напоминал Ульсена.

— Он хотел этого! Он хотел этого!

Вновь взревел ветер, и лавина льда обрушилась на корабль.

Они заползли под выступ в скале, наблюдая, как умирает “Ледовый дух”. Корпус его треснул, мачты лопнув, раскололись.

В глазах Арфлейна стояли слезы: смерть корабля означала конец его надеждам. Он прижал к себе Ульрику, больше думая о себе, чем о ней.

22

ПЕРЕХОД

Несмотря на то, что к утру снегопад прекратился, тяжелое серое небо нависло над самыми вершинами глетчеров. Шторм прекратился сразу же после гибели “Ледового духа”; можно было подумать, что гибель корабля — единственное, что составляло его цель.

Через завалы снега и льда Арфлейн и Ульрика добрались до места, где ущелье, сузившись, послужило последним пристанищем для их корабля. Там к ним присоединились Рорсефн и Ульсени. Они оба не пострадали, не считая того, что меха на них были изодраны в клочья, а сами они были измотаны до предела. Рядом с искореженными остатками корабля молча стояли моряки, будто надеясь на его чудесное воскрешение. По обломкам, подобно падалыщику, бродил Уркварт.

День выдался холодным: их пробрала дрожь, от дыхания в воздухе клубились облака пара. Оглядевшись, они увидели вокруг себя искалеченных моряков; семеро оставшихся в живых угрюмо смотрели на Арфлейна.

Повернувшись к Рорсефну, Арфлейн показал на зажавшие проход скалы.

— Этого не было на карте, не так ли? — произнес он, обращаясь больше к морякам, чем к юноше.

— Ни малейшего упоминания, — улыбаясь, согласился Рорсефн.

Должно быть, произошла сдвижка скал. Я слышал, что такое случается. Что будем делать, капитан? Не осталось ни одной шлюпки. Как мы доберемся домой?

Арфлейн мрачно посмотрел на него.

— Домой?

— Вы хотите идти дальше? — безразличным голосом спросил Ульсени.

— Это самое разумное, — ответил Арфлейн. — От Нью-Йорка нас отделяет около пятидесяти миль, а от дома — несколько тысяч...

Уркварт поднял со льда несколько больших костяных обломков, бывших когда-то крышками люка.

— Лыжи, — произнес он. — Мы доберемся до Нью-Йорка меньше, чем за неделю.

Рорсефи рассмеялся.

— Неутомимый! Я с вами, капитан!

Спустя два дня проход остался позади, экспедиция начала путь по широкой ледовой равнине. Погода не баловала их: частенько шел снег, они промерзли до мозга костей.

Люди вымотались до предела, даже во время привалов они почти не разговаривали. Небольшой компас, найденный Манфредом на месте крушения, указывал им курс.

Время, казалось, перестало существовать для Арфлейна. Его лицо, руки и ноги были прихвачены морозом, борода обросла льдом, под воспаленными красными глазами появились мешки. Он шел вперед чисто механически; за ним, подобно автоматам, двигались другие.

По привычке Арфлейн и Ульрика держались вместе, но никаких эмоций по отношению друг к другу они уже не чувствовали.

Возможно, что таким образом группа будет тащиться и тащиться дальше и никогда не дойдет до Нью-Йорка, пока один за другим они все не погибнут во льдах.

К этому времени умерло двое матросов; их оставили лежать там, где они упали.

Единственным, кто еще держался, был Уркварт.

К тому времени никто из них не догадывался, что компас неисправен: они пересекали равнину, обходя по широкой дуге предполагаемое местоположение Нью-Йорка.

Внешне варвары выглядели так же, как и те, что напали на них после ледовой охоты. Они были одеты в белые меха и ехали на белых, похожих на медведей, животных.

Арфлейн увидел их только тогда, когда с мечами и дротиками в руках они астади на его пути. Качаясь от усталости, он вгляделся в ухмыляющиеся орлиные лица наездников. Защищаясь, он ослабевшими руками поднимал гарпун.

Внезапно закричав, Уркварт метнул в варваров один за другим два гарпуна, которые он использовал в качестве лыжных палок. Двое варваров рухнули с седел на лед.

Закричав, их вождь махнул рукой в сторону людей; подняв дротики, варвары помчались к остановившейся экспедиции.

Пытаясь защитить Ульрику, Арфлейн выставил свой гарпун, но страшный удар в лицо опрокинул его на лед. Еще один удар пришелся ему в голову, и он потерял сознание.

ОБРЯД ЛЕДОВОЙ МАТЕРИ

От полученного удара кровь яростно пульсировала в висках, голова раскалывалась от боли. Арфлейн в неудобной позе лежал на льду, руки его были крепко связаны за спиной. Открыв глаза, он увидел лагерь варваров.

На остовы из костей были натянута шкуры - жалкое подобие палаток; ездовых животных согнали в один конец лагеря; между палаток ходили женщины. Этот лагерь не был постоянным местом их обитания, поскольку, знал Арфлейн, варвары кочевали с места на место. Вокруг своего вождя, уже виденного Арфлейном ранее, собралась большая группа мужчин. Разговаривая с ними, вождь бросал взгляды на лежащих на льду пленников, запястья каждого из которых были связаны за спиной общей веревкой.

Повернув голову, Арфлейн с облегчением увидел, что Ульрика находится в безопасности: она слабо улыбнулась ему. Здесь же были Манфред и Янек Ульсенн, а также три матроса, испуганно рассматривающие варваров.

Уркварта не было видно. Может, его убили, подумал Арфлейн.

Тут же он увидел, как из палатки в сопровождении маленького жирного человека вышел гарпунщик и направился к общей массе людей. Похоже было, что каким-то образом он сумел завоевать доверие людей. Арфлейн вздохнул с облегчением: если повезет, Уркварт найдет способ освободить их.

Вождь, представительный темнокожий юноша с загнутым книзу носом и яркими надменными глазами показал на пробирающегося сквозь толпу Уркварта. Подойдя к нему, Уркварт заговорил. Должно быть, он просит сохранить жизнь друзьям, подумал Арфлейн, гадая, каким образом гарпунщик попал в милость к кочевникам. Несомненно, что он был намного выше любого из них, а его грубая внешность произвела на них впечатление, впрочем, как и на всякого другого, кто хоть раз видел Уркварта. К тому же он единственный из них атаковал варваров; возможно, им импонировала его храбрость. Независимо от причины, вне всякого сомнения они внимательно слушали гарпунщика, в то время как он указывал своим длинным копьем на пленников.

Затем трое из них — вождь, толстяк и Уркварт — отошли от остальных воинов и приблизились к Арфлейну.

Молодой вождь бы одет в прекрасные белые меха, лицо его было чисто выбрито, держался он прямо, положив руку на рукоять костяного меча. Толстяк был закутан в рыжие меха незнакомому Арфлейну зверя; задумчиво хмурясь, он теребил свои длинные, заляпанные салом усы. Лицо Уркварта было лишено всякого выражения.

Остановившись перед Арфлейном, вождь положил руки на бедра и заговорил со странным акцентом.

— Ха! Как и мы, ты идешь на север? Ты пришел оттуда! — Большим пальцем он показал на юг.

— Да, — согласился Арфлейн, обнаружив, что едва может шевелить распухшими губами. — У нас был корабль. Он разбился.

Замолчав, он вопросительно посмотрел на юношу, не зная, что ему рассказал Уркварт.

— Большие сани, обтянутые кожей. Мы видели их много дней назад. Да. — улыбнувшись, вождь бросил на Арфлейна быстрый умный взгляд. — Их много на большом холме в нескольких месяцах пути отсюда.

— Ты знаешь Плато Восьми Городов? — удивился Арфлейн. Он посмотрел на Уркварта, но тот, оперевшись на гарпун, смотрел в сторону.

— Мы шли гораздо дальше с юга, чем ты, мой друг, — улыбнулся вождь варваров. — Там стало слишком тепло. Лед исчезает, а под ним находится что-то мягкое и неестественное. Мы ушли на север, где все, как обычно. Я — Донал из Камфора, а это мой народ.

— Арфлейн из Брериилла, — представился Арфлейн.

— Лед тает на юге? — впервые вступил в разговор Манфред.

— Это так, — кивнул Донал из Камфора. — Никто не может там жить. Зверь бежит из плохих мест.

Покачивая головой, он скривился.

Арфлейн почувствовал, что от этих слов ему становится не по себе.

Засмеявшись, Донал показал на него.

— Ха! Тебе это тоже не нравится! Куда ты шел?

Арфлейн вновь посмотрел на Уркварта, но гарпунщик упорно избегал его взгляда. Храня в секрете цель их путешествия,

он ничего не добьется; с другой стороны на варваров это может произвести впечатление.

— Мы идем в Нью-Йорк, — сказал он.

Донал был потрясен.

— Ты ищешь дворец Ледовой Матери? Никто не может пройти туда...

Уркварт жестом указал на Арфлейна.

— Он может. Он избранник Матери. Я говорил тебе, что одному из нас предначертано судьбой встретиться с нею и молиться за нас. Она помогает ему добраться к ней. Когда они встретятся, лед прекратит таять.

Теперь Арфлейн понял, как Уркварт завоевал расположение варваров. Несомненно, они были намного суевернее китобоев Восьми Городов. Однако Донала не просто было одурачить.

— Сделаем то, что говорил нам Уркварт, и проверим справедливость его слов, — облокотившись локтем на плечо толстяка, произнес он.

Бросив быстрый взгляд на Арфлейна, толстяк пожевал губу.

— Я — жрец, — обратился он к Доналу. — И это мое решение.

Пожав плечами, Донал отошел назад.

Жрец перевел взгляд на Арфлейна и Ульрику, а затем на Манфреда Рорсефна. Подергав себя за ус, он подошел к Уркварту.

— Эти двое? — спросил он, указывая на Ульрику и Манфреда.

Уркварт кивнул.

— Хорошая порода, — произнес жрец. — Ты был прав.

— Представители высшей знати Восьми Городов, — принялся объяснять Уркварт. — Нет лучшей крови, и они — мои родственники (в его голосе послышалась гордость). Это обрадует Ледовую Матерь и принесет нам удачу. Арфлейн отведет нас в Нью-Йорк где мы будем желанными гостями.

— О чем вы говорите, Уркварт? — обеспокоенно спросил Арфлейн. — Какую сделку вы заключили за нашими спинами? Уркварт улыбнулся.

— Это разрешит все наши проблемы. Моя цель будет достигнута, Ледовая Матерь задобрена, вы избавитесь от своего бремени, мы обретем помощь и дружбу этого народа. Наконец-то сбудется то, о чем я мечтал все эти годы. Я верил в Ледовую Матерь, служил ей, молился ей. Она послала вас, и вы помогли мне. Теперь она дает мне то, что принадлежит мне по праву.

Арфлейн содрогнулся. Голос гарпунщика был пугающе холоден.

— Что вы имеете в виде? — спросил он. — Как я помог вам?

— Вы спасли жизни членам клана Рорсефнов — моему отцу, его дочери и племяннику.

— Я думал, что именно поэтому вы испытываете ко мне чувство дружбы...

— Я увидел в этом вашу судьбу. Я понял, что вы — исполнитель воли Ледовой Матери, хотя вы и сами не догадывались об этом. — Уркварт откинул капюшон. — Вы спасли им жизнь, Конрад Арфлейн, чтобы я распорядился ею по собственному усмотрению. Пришло время моей мести. Единственное, о чем я сожалею, — что моего отца нет здесь.

Арфлейн вспомнил похороны во Фризгалте и странное поведение Уркварта, когда он с яростью бросил ледяную глыбу в могилу старого Рорсефна.

— Почему вы ненавидите его? — спросил он.

— Он хотел убить меня. Моя мать была женой хозяина гостиницы и любовницей Рорсефна. Когда она принесла меня к нему и, согласно обычаю, просила взять меня под его покровительство, он велел слугам отнести меня на лед и оставить там. Я слышал эту историю из ее уст много лет спустя. Меня нашли китобой, и я стал их талисманом. Об этом рассказали в городе, и мать поняла, что произошло. Она принялась разыскивать меня и, наконец, нашла, когда мне было уже шестнадцать лет. Тогда я поклялся отомстить роду Рорсефнов. Я — дитя льда, любимец Ледовой Матери. То, что я жив сегодня, доказывает это.

Глаза Уркварта вспыхнули огнем.

— Так вот, что заставило этих людей слушать вас! — прошептал Арфлейн. Он попробовал развязать узлы на руках, но тщетно.

Не обращая внимания на него, Уркварт достал из ножен длинный нож и, наклонившись, разрезал ремни, связывающие Манфреда и Ульрику. Ульрика побледнела, в ее глазах появился ужас.

Поставив дрожащую женщину на ноги, он схватил Манфреда за изодранный плащ. Юноша поднялся, всем своим видом выражая чувство собственного достоинства. Краем глаза Арфлейн заметил рядом с собой какое-то движение. Повернув голову, он увидел, что руки Ульсенна свободны. Разрезая ремни,

Уркварт по случайности освободил и его. Донал молча указал на Ульсенна, но Уркварт с отвращением повел плечами.

— Он ничего не сделает.

Арфлейн, все еще не веря, посмотрел на гарпунщика.

— Уркварт, вы потеряли рассудок. Вы не можете убить их!

— Могу, — тихо произнес Уркварт.

— Он должен, — добавил толстый жрец. — Мы договорились об этом. Нам не везло в охоте. Ледовой Матери нужно жертвоприношение. Жертва должна быть лучших кровей. Если Уркварт совершит этот обряд, остальные будут освобождены.

— Он безумен! — Арфлейн отчаянно попытался встать на ноги. — Ненависть затуманила его разум!

— Я не вижу этого, — спокойно произнес жрец. — Даже если это так, какое нам до этого дело? Умрут эти двое, ты останешься жить. Будь благодарен за это.

Приподнявшись, Арфлейн снова рухнул на лед.

Пожав плечами, Донал пошел прочь; за ним, толкая перед собой Ульрику и Манфреда, последовал жрец. Замыкал шествие Уркварт. Ульрика обернулась к Арфлейну. Ужас в ее глазах сменился выражением безысходного фатализма.

— Ульрика! — закричал Арфлейн.

— Я сниму с вас эти оковы, — не глядя на него, произнес Уркварт. — Освобождая вас, я возвращаю вам долг.

Арфлейн туго наблюдал, как, готовясь к обряду, варвары сооружают из костей рамы и привязывают к ним пленников. Выйдя вперед, Уркварт принялся срезать с Манфреда остатки одежды, пока юноша не остался совершенно голым. Затем, подойдя к Ульрике, он продела с ней то же самое.

Пытаясь встать на ноги, Арфлейн всконец изнурил себя. Даже поднявшись, он ничего не добился бы этим, поскольку руки у него были крепко связаны. К тому же, рядом с ним стояло двое охранников.

С ужасом наблюдал он, как Уркварт занес нож над мужским достоинством Манфреда; взмах ножа, и, закричав от боли, юноша забился в ремнях. По его ногам потекла кровь; свесив голову, Рорсефн затих. Помахав в воздухе своим трофеем, при этом измазав руки кровью, Уркварт отбросил его в сторону. Арфлейн вспомнил древний дикий обряд своего народа, не совершаемый уже много столетий.

— Уркварт, нет! — закричал он — Нет!

Казалось, что Уркварт не слышит его. Внимание гарпунщика было приковано к Ульрике, которая с безумными от страха

глазами пыталась отодвинуться от угрожающего ее грудям ножа.

Из-за спины Арфлейна выскочил человек; выхватив у стражника дротик, он заколол его. Быстро повернувшись, человек разрезал ремни, связывающие руки Арфлейну. Вскочив на ноги, Арфлейн в мгновение ока свернул шею опешившему от изумления второму стражу.

Рядом с ним, тяжело дыша, держа в руке окровавленное копье, стоял Ульсенн. Подняв дротик, Арфлейн бросился к Уркварту.

Вскочив на ноги, жрец закричал и показал на Арфлейна. Несколько варваров бросились ему наперерез, но были остановлены Доналом. Повернувшись, Уркварт удивленно поглядел на Арфлейна.

Арфлейн бросился на гарпунщика, но тот отпрыгнул в сторону, так что дротик едва не вонзился в тело Ульрики. Тяжело дыша, Уркварт поднял нож и бросил быстрый взгляд на лежащий на льду гарпун, которым он собирался добить свои жертвы.

Метнув копье, Арфлейн ранил Уркварта в руку.

Уркварт по-прежнему остался недвижим.

Подбежав к гарпуну, Арфлейн поднял его. Уркварт изумленно смотрел на него.

— Арфлейн?..

Зажав копье обеими руками, Арфлейн вонзил его в широкую грудь гарпунщика. Ухватившись руками за древко, Уркварт попытался вытащить оружие из своего тела.

— Арфлейн! — выдохнул он. — Вы глупец! Вы все погубили...

Уркварт отшатнулся, его глаза затуманила боль. Арфлейну показалось, что, убив гарпунщика, он убил все, чем дорожил до этого.

Застонав, Уркварт упал на лед, попытался было подняться, но забился в агонии и испустил дух.

Арфлейн повернулся к варварам, но те стояли неподвижно. Вперед выбежал Ульсенн.

— Двое! — закричал он. — Двое благородных кровей. Уркварт был кузеном мужчины и братом женщины.

Зашептавшись, варвары вопросительно посмотрели на вождя. Поднявшись на ноги, Донал почесал подбородок.

— Да, — объявил он. — Двое. Это справедливо. Кроме того

мы получили неплохое развлечение. Освободите женщину и займитесь мужчиной, если он еще жив. Завтра мы отправимся во дворец Ледовой Матери.

Пока Ульрику отвязывали, она рыдала, как ребенок. Завернув в остатки мехов, Арфлейн взял женщину на руки. Проходя мимо коченеющего трупа Уркварта, он почувствовал облегчение. За ним шел Ульсенн, держа на руках бесчувственное тело Манфреда Рорсефна.

Когда Ульрика уснула, а рану Манфреда перевязали. Арфлейн и Ульсенн молча сидели в тесной палатке. Наступила ночь, но ни тот, ни другой не спали. Они оба думали о связывающих их узах, понимая, что долго так продолжаться не может.

24 НЬЮ-ЙОРК

Чтобы найти Нью-Йорк, им потребовалось две недели. За это время Манфред Рорсефн, чья нервная система не смогла справиться с перенесенным шоком, мирно скончался и был похоронен во льду. Арфлейн, Ульрика и Янек ехали рядом, сопровождаемые Доналом и его толстым жрецом. К этому моменту они уже без труда могли управлять огромными медведями. Скорость передвижения была невысока, поскольку с собой варвары везли женщин и палатки.

Увидев вдалеке изящные башни Нью-Йорка, они в изумлении остановились. Арфлейн понял, что Петр Рорсефн пожалел красок, описывая их. Башни сияли, как бы излучая вокруг себя волшебную таинственность.

Животные нервно зацарапали когтями по льду, разглядывая уходящий под облака город из металла, стекла и камня. Интересно, подумал Арфлейн, какова истинная высота башен, учитывая, что подледная их часть ненамного меньше видимой надо льдом. И все же что-то беспокоило его. Возможно, что он не хотел знать всю правду, не хотел встречаться с Ледовой Матерью, поскольку во время путешествия не однажды согрешил против ее воли.

— Ну, — тихо произнес Донал, — поехали дальше.

Они медленно направились к возвышающемуся над ледовой равниной многоконому городу. По мере приближения Арфлейн понимал, что так беспокоило его. От города исходил неестественное тепло, тепло, могущее растопить лед. Неужели это город Ледовой Матери? Почувствовав это, люди угрюмо переглянулись и вновь остановились.

— Не нравится мне все это, — проворчал Донал. — Это тепло намного хуже того, что было на юге.

Арфлейн кивнул.

— Но почему здесь так жарко? Почему лед не плавится?

— Давайте вернемся, — предложил Ульсенн. — Я знал, что было глупостью идти сюда.

Арфлейн сердцем соглашался с ним, но он твердо решил добраться до Нью-Йорка. Он должен идти; он погубил людей и разбил корабль, чтобы придти сюда; теперь, будучи всего в миле

от города, он не мог повернуть. Покачав головой, он пришпорил животное. За ним послышался гул голосов.

Подняв руку, он показал на изящные башни.

— Идем, поприветствуем Ледовую Матерь!

Животные двинулись вперед; за ним, подбадривая себя дикими криками, рассыпавшись по льду, припустили варвары. Ветер сорвал с головы Ульрики капюшон и разметал волосы. Арфлейн улыбнулся ей. Ульсени с решительным видом прыгнули к седлу, как будто готовились встретить смерть.

Башни стояли так близко друг к другу, что между ними оставался лишь небольшой проход. Достигнув гигантского леса из металла и стекла, люди поняли, что, кроме тепла, еще то-то было необычным в этом городе.

Когда лапы животного начали разъезжаться в разные стороны, Арфлейн закричал:

— Это не лед!

Вещество, по которому они ехали, искусно имитировало лед до мельчайших деталей. Теперь, когда они стояли на нем, то могли со всей определенностью сказать, что это не лед. Вещество было прозрачным, сквозь него виднелись уходящие вниз башни.

— Куда ты привел нас, Арфлейн?! — закричал Донал.

Это открытие повергло Арфлейна, впрочем, как и всех остальных, в замешательство. Он непонимающе покачал головой. Вперед выехал Ульсени, потрясая кулаком перед лицом Арфлейна:

— Вы завели нас в ловушку! Я знал это!

— Я шел курсом Петра Рорсефна.

— Это недоброе место, — твердо произнес жрец, — мы все чувствуем это. Нужно сейчас же уходить отсюда.

Арфлейн разделял чувства жреца. Он ненавидел атмосферу города. Вместо того, чтобы найти здесь Ледовую Матерь, они встретились с ее врагом.

— Что ж, — сказал он. — Поворачиваем назад.

Едва произнеся эти слова, он почувствовал, что земля начинает опускаться под ними; вся громадная равнина медленно погружалась вниз. Те, что были ближе к краю, успели пришпорить своих животных и спаслись, но большинство вместе с городом погружалось в огромную шахту.

Увидев, что Донал и Ульсени наблюдают за ним, Арфлейн понял: они собираются сделать из него козла отпущения.

— Ульрика! — позвал он и устремился к скоплению башен,

сопровождаемый державшейся рядом с ним женщиной. Чем дальше мчались они по извилистому лабиринту, тем тусклее становился свет; за собой они слышали крики варваров, возглавляемых Ульсенном и Доналом. Арфлейн понимал, что в страхе перед неизвестным они изрубят в куски его и Ульрику. Он глядел в лицо сразу двум опасностям, и обе они казались непреодолимы. Он не надеялся выиграть бой с варварами и не мог остановить опускание города.

В одной из башен он увидел вход, оттуда лучился мягкий свет. В отчаянии он направил туда свое животное, за ним последовала Ульрика.

Они оказались в галерее с несколькими изгибающимися вокруг башни спусками, ведущими к ее подножию. В конце спуска они увидели несколько фигур, с головы до ног закутанные в красные одеяния; на их лицах были маски. Услыхав шум над собой, они посмотрели наверх, и один из них рассмеялся, указывая на Арфлейна.

С мрачным видом Арфлейн направил животное под одному из спусков. Оглянувшись, он увидел, что Ульрика, колебавшись, последовала за ним. К тому времени, когда они очутились внизу, люди в масках уже исчезли.

Ульрика со страхом принялась рассматривать стены с висящими на них устройствами. Несомненно, это были приборы. Некоторые из них напоминали хронометры и компасы, другие мигали светящимися буквами, ничего не говорящими Арфлейну. Неужели это и в самом деле дворец Ледовой Матери? А люди в красном — ее призраки?

Откуда-то вновь послышался едва слышный смех; в это время над их головами прокатился крик. Обернувшись, он увидел мчащегося на него Ульсенна; в руке тот держал тесак, а Арфлейн был вооружен только дротиком.

Повернувшись, Арфлейн посмотрел в лицо Ульрики; она закрыла глаза в молчаливом согласии.

Направив медведя к Ульсенну, он заблокировал копьем его удар, однако лезвие тесака начисто срезало острие дротика, оставив Арфлейна полностью безоружным. Ульсенн вновь нанес удар, но промахнулся и потерял равновесие. Арфлейн воткнул древко копья в горло своего противника.

К ним подъехала Ульрика, молча наблюдая, как Ульсенн схватился за рану и медленно сполз на пол.

— Теперь все кончено, — сказала она.

— Он спас тебе жизнь, — напомнил Арфлейн.

Кивнув, она заплакала.

— Отличная драка, незнакомец. Добро пожаловать в Нью-Йорк.

Они обернулись. Часть стены исчезла, на ее месте стоял худощавый человек. Его узкое лицо прикрывала красная маска. Сквозь щели насмешливо блестели глаза.

Арфлейн поднял руку с копьем.

— Это не Нью-Йорк, а дьявольское место.

Человек рассмеялся.

— Это в самом деле Нью-Йорк, хотя и не подлинный город ваших легенд. Тот город был разрушен почти две тысячи лет назад. Новый город стоит почти на том же самом месте. Однако он во многом превосходит своего предшественника, в чем вы смогли убедиться.

Арфлейн расстегнул плащ.

— Кто вы?

— Если вы искренне интересуетесь этим, я расскажу вам, — произнес человек в маске. — Идите за мной.

Арфлейн хотел знать правду, именно поэтому он согласился на предложение Рорсефна. Однако теперь, когда они с Ульрикой стояли, озираясь, в ярко освещенной комнате, он чувствовал, что его разум может оказаться не в состоянии принять всю правду. Человек в красной маске исчез. Стены ослепительно завертелись, и в дальнем конце комнаты появился сидящий в кресле мужчина. На нем были все те же красные одежды, но по сравнению с остальными обитателями города он казался карликом; к тому же одно его плечо было выше другого.

— Я ... Питер Баллантайн, — произнес он, тщательно произнося слова, как если бы говорил на лишь недавно выученном языке. — Прошу вас, садитесь.

Осторожно сев на мягкие стулья, Арфлейн и Ульрика изумленно наблюдали, как кресло с мужчиной мягко заскользило по полу, остановившись лишь в нескольких футах от них.

— Я все объясню вам, — начал говорить мужчина. — Буду краток... Мир пришел в упадок. Запад поразили болезни, и люди утратили силу духа и, следовательно, способность к выживанию. На полярных базах в Южно-Антарктической международной зоне, где обитали группы ученых из России, Америки, стран Британского содружества и Скандинавии, а также в городе, заложенном американцами под ледяным колаком Гренландии, образовалось общество стойков. Природа, выведенная из равновесия войнами в Азии и Африке, начала покрывать разрушенную поверхность Земли ледяными покровами. Именно Бомбы и внезапный скачок радиации в атмосфере послужили причиной нового оледенения. Некоторое время обитатели двух полярных лагерей общались между собой по радио, однако высокая радиация не позволяла им вступить в непосредственный контакт.

Так или иначе, в силу особых обстоятельств эти группы людей, выживших в пламени войны, избрали различные пути приспособляемости к новым условиям. Те, что жили в Антарктике, приспособились к окружавшему их льду, научились строить корабли, способные двигаться по поверхности без затрат

топлива, и жилища без специальных обогревательных установок.

Как только лед покрыл планету, они ушли из Антарктики, направляясь к экватору. Вскоре они наткнулись на плато Матто Гроссо и решили устроить здесь постоянный лагерь.

Приспосабливаясь к новым условиям, они забросили науки, и в последующие несколько столетий учение Ледовой Матери заменило собой логику второго закона термодинамики, в котором логично доказывалось то, во что люди верили чисто интуитивно — будущее принадлежит вечному льду. Возможно, что адаптация южан представляла собой более здоровую реакцию на новые условия, чем то, как реагировали на них обитатели Арктики: они все глубже и глубже зарывались в свои подледные пещеры, проводили время в научных поисках способа сохранить свою жизнь такой, какой они знали ее.

В последних сообщениях, посланных северянам жителями Антарктики, говорилось, что они достигли такого уровня развития, который позволит им передвинуть свой город дальше на юг, и что они собираются установить его на месте Нью-Йорка. Они предложили свою помощь южанам, на что те ответили отказом и разобрали радиоприемники на детали. Жизнь, что вели жители Антарктики, вполне устраивала их.

Таким образом северяне продолжали совершенствовать свои науки и условия жизни; результатом их трудов стал Нью-Йорк. Теперь же быстрый рост льда сменился таким же быстрым его разрушением.

Пройдет по крайней мере двести лет, прежде чем ото льда освободится значительная часть суши, — объяснял Шитер Баллантайн. — Таким образом жизнь возвращается из восточных и западных районов Земли, которые никогда не были полностью скованы льдом.

Арфлейн и Ульрика слушали его почти без всякого выражения на лицах. Арфлейну казалось, что он тонет, тело и разум отказывались повиноваться ему.

— Мы рады гостям, в особенности из Восьми Городов, — продолжал Баллантайн.

Арфлейн поднял голову:

— Вы лжете. Лед не тает, вы говорите ересь...

— Это проверенный факт. И что в этом плохого?

— Я верю в вечный лед, — медленно произнес Арфлейн, — верю в то, что все должно замерзнуть, в то, что лишь милосердие Ледовой Матери дарует нам жизнь.

— Но вы сами можете убедиться, что эта доктрина неверна, — мягко возразил Баллантайн. — Ваше общество придумало ее, чтобы оправдать свой образ жизни. Но теперь она не нужна вам.

— Я понимаю, — произнес Арфлейн. Им овладело непреодолимое отчаяние, казалось, что вся его жизнь с тех пор, как он спас Рорсефна, вела его к этому моменту. Постепенно он предал все свои принципы, позволил себе поддаться эмоциям, вступив в греховную связь с Ульрикой; забыв учение Ледовой Матери, чуть ли не сам участвовал в создании Нью-Йорка.

Арфлейн понимал, что мысль абсурдна, но избавиться от нее он не мог. Живи он согласно своему внутреннему закону, Ледовая Матерь успокоила бы его сейчас; послушайся он Уркварта, последнего из верных последователей Ледовой Матери, и отправься он с ним вместе, они нашли бы истинный Нью-Йорк. Но, спасая жизнь Ульрики, он убил Уркварта.

Теперь Арфлейн понимал, что тот имел в виду. Уркварт пытался направить его по истинному пути Ледовой Матери, если бы только он мог найти ее.

Ульрика взяла его за руку.

— Он прав, — произнесла она, — именно поэтому жители Восьми Городов меняются, они чувствуют, что что-то происходит с миром. Они приспосабливаются к этому, как приспосабливаются и животные, киты, например.

— Адаптация сухопутных китов была вызвана искусственно, — с гордостью сообщил Баллантайн. — Это был эксперимент, по счастливой случайности принесший пользу вашему народу.

Арфлейн вновь удрученно вздохнул. Потерев вспотевший лоб, он обернулся к Ульрике и, медленно покачав головой, нежно коснулся ее руки.

— Ты приветствуешь это, — сказал он. — Приветствуешь и понимаешь. Ты — само будущее.

Она нахмурилась.

— Я не понимаю тебя, Конрад. Ты говоришь так таинственно.

— Извини, — он отвел свой взгляд и посмотрел на сидящего в кресле Баллантайна. — Я принадлежу прошлому. Думаю, вы понимаете это.

— Да, — с сожалением произнес Баллантайн. — Я понимаю, но...

— Но вы должны уничтожить меня.

— Конечно, нет.

— Я простой человек, — вздохнул Арфлейн. — И старомодный.

— Мы найдем способ приучить вас к новой жизни, — обратился к нему Баллантайн, усмехнувшись. — Ваши друзья, варвары, все еще гоняют по поверхности, словно испуганные вши. В их случае гипноматы принесут больше пользы, чем разговоры.

26

СЕВЕР

На следующий день Питер Баллантайн вел Ульрику по городскому искусственному саду. Взглянув на сад, Арфлейн отказался сопровождать их. Теперь, сидя в галерее, он рассматривал машины, которые, по словам Баллантайна, были сердцем города, дающим ему жизнь.

— Точно так же, как ваши предки приспособились ко льду, — говорил Баллантайн женщине, — вы должны привыкнуть к его исчезновению. Вы интуитивно шли к северу, понимая, что там ваша родина. Все это понятно. Но теперь вы должны вновь вернуться на юг, вернуться ради вас и ваших детей. Вы должны передать вашему народу знания, полученные от нас, хотя потребуются много времени прежде, чем они смогут принять их. Если же ваш народ не переменится, он обратит себя в дикарей.

Ульрика кивнула. Со все возрастающим восторгом она смотрела на множество ярких цветов вокруг, вдыхая их чудесный аромат. С сияющими глазами она улыбнулась Баллантайну.

— Я понимаю, что Арфлейн встревожен, — продолжал Баллантайн. — Он чувствует себя виноватым, хотя его вины нет. Все ограничения, существовавшие в вашей жизни, были вызваны суровой реальностью, но теперь надобность в них отпала. Вот почему вы должны идти на юг и передать вашему народу новые знания.

Разведя руки, Ульрика показала на цветы.

— Этим вы заменяете лед? — спросила она.

— Этим и многим другим. Ваши с Арфлейном дети смогут увидеть это, если только пожелают идти дальше на юг. Они смогут жить там, где эти цветы растут сами по себе, — он улыбнулся, тронутый ее детской радостью. — Вы должны убедить его.

— Он поймет, — убежденно произнесла Ульрика. — А что будет с варварами, Доналом и остальными?

— Мы были вынуждены применить к ним более примитивные методы. Но они помогут распространить наши идеи.

— Я хотела бы, чтобы Арфлейн пришел сюда, — сказала Ульрика. — Я уверена, ему бы понравилось здесь.

— Возможно. Вернемся к нему?

Увидев подходящих к нему Ульрику и Питера, Арфлейн под-
нялся на ноги.

— Я хотел бы вернуться на поверхность, — холодно произнес
он.

— У меня не было ни малейшего намерения держать вас
здесь против вашей воли, — сказал Баллантайн. — Теперь же
оставляю вас вдвоем.

Он вышел из галереи. Арфлейн отправился к отведенным им
комнатам. Рядом с ним медленно шла Ульрика.

— Когда мы вернемся во Фризгальт, Конрад, — взяв его за
руку, начала Ульрика, — мы сможем пожениться. Это сделает
тебя Главным Корабельным Лордом. Ты поведешь наш народ
в будущее, как того хочет Баллантайн. Ты станешь героем,
Конрад, легендой!

— Я не верю в легенды, — осторожно сняв ее руку, ответил
он.

— Конрад?

Он покачал головой.

— Возвращайся во Фризгальт, — сказал он.

— А что будешь делать ты? Ты должен вернуться со мной.

— Нет.

Он нагнулся было поцеловать ее, но внезапно отшатнулся.

— Наша любовь... — ее голос дрожал. — О, Конрад!

— Наша любовь преступна. Мы уже расплатились за нее.

Все кончено. Я... — он нахмурился, как будто впервые слыша
свой голос. — Я отдаю себя во власть Ледовой Матери. Теперь
она может быть уверена в моей верности.

Поцеловав его в плечо, Ульрика вернулась в сад.

ЭПИЛОГ

Город поднялся к поверхности льда, и они разжали объятия. Над ледовой равниной занимался шторм. В высоких башнях города завывал ветер. Питер Баллантайн помог Ульрике подняться в кабину вертолета, который доставит ее почти до самого Фризгальта.

Оседлав зверей, варвары с оглушительными криками направили их в сторону юга. Помахав на прощание рукой, Донал повел своих людей через равнину.

Арфлейн проводил их взглядом. На его ногах были лыжи, в руках — два копыя, над глазами — козырек, а за плечами — увесистый мешок.

Из кабины высунулась Ульрика.

— Конрад...

Он улыбнулся.

— До свидания, Ульрика.

— Куда ты направляешься? — спросила она.

Арфлейн показал куда-то вдаль.

— На север, искать Ледовую Матерь.

Как только роторы машины начали вращаться, он развернулся на лыжах, и, отталкиваясь копыями ото льда, устремился вперед.

Поднявшись в воздух, вертолет с оглушительным шумом полетел на юг. Через стекло иллюминатора Ульрика следила за быстро уменьшающейся фигуркой Арфлейна. Временами метель закрывала его, временами она видела, как копыя взлетают надо льдом.

Вскоре он окончательно исчез из виду.

ПРИШЕЛЕЦ

В 1967 году роман удостоен премии "Небьюла".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Машина времени имела вид сферы, наполненной молочно-белой жидкостью, в которой путешественник плавает в резиновом костюме, дыша через маску со шлангом, уходящим в недра механизма. На финише сфера треснула, и жидкость пролилась, быстро впитываемая пылью.

Сфера покатилась, подскакивая на камнях, выступающих из бесплодной почвы.

Боже! О, Господи!

Боже! О, Господи!

Боже! О, Господи!

Боже! О, Господи!

Боже мой! Что происходит?

Неужели это конец?!

Чертова машина не работает.

О, Боже! О, Господи! Когда же прекратится эта тряска?!

* * *

Когда уровень жидкости ощутимо понизился, Карл Глогер свернулся клубком; вот он уже на мягком пластике внутренней обшивки машины.

Приборы не работают. Сфера останавливается, затем продолжает движение, расплескивая последние капли жидкости.

* * *

Почему я пошел на это? Почему я пошел на это?

Почему я пошел на это? Почему я пошел на это?

Почему я пошел на это? Почему я пошел на это?

* * *

Глаза Глогера открылись и снова закрылись, рот искажился от недостатка кислорода, язык трепещет в пересохшей гортани, и он издает стон, который переходит в завывание.

Он слышит этот звук и рассеянно думает: "Речь потерявшего сознание... который не слышит, что говорит".

Зашипел воздух, и пластиковая обшивка опала, а Глогер оказался спиной на металле стенки. Он перестал кричать и смотрит на неровную трещину в стене. Ему совершенно не любопытно, что находится за ней. Он пытается шевельнуть телом, но оно полностью оцепенело. Он дрожит, чувствуя холодный воздух, который проходит сквозь поврежденную стенку машины времени. Снаружи, кажется, ночь.

Его путешествие сквозь время было трудным. Даже густая жидкость не полностью защитила его, хотя, без сомнения, спасла его жизнь. Несколько ребер, вероятно, сломаны.

С этой мыслью приходит боль, и он обнаруживает, что уже может распрямить руки и ноги.

Глогер пополз по скользкой поверхности к трещине. Он тяжело дышит, делает передышку, затем двигается дальше.

Он теряет сознание, а когда приходит в себя, воздух становится теплее. Сквозь трещину он видит режущий глаза солнечный свет и небо цвета полированной стали. Он наполовину протаскивает свое тело сквозь трещину, закрыв глаза, когда лучи солнца ударили по сетчатке, и снова теряет сознание.

Зимний семестр, 1949 г.

Ему исполнилось девять лет, он родился через два года после того, как его отец добрался до Англии, бежав из Австрии.

На серой гальке школьной площадки играли дети. По краям площадки еще лежали маленькие кучки грязного льда. За забором отстроенные здания Южного Лондона казались черными на фоне холодного зимнего неба.

Игра проходила достаточно серьезно, и Карл Глогер с некоторым волнением предложил роль, которую он был согласен сыграть. Сперва он наслаждался вниманием, но теперь заплакал.

— Отвяжите меня! Пожалуйста, Мервин, прекрати!

Они привязали его за руки к проволочной сетке забора. Забор выгнулся наружу под его весом, и один из столбов грозил упасть. Карл пытался освободить ноги.

— Отвяжите меня!

Дети снова засмеялись, и Карл понял, что его крики только раздражают их, поэтому он крепко сжал зубы. По лицу ка-

тились слезы, и он был полон смятения и чувства, что его предали. Он считал их своими друзьями, некоторым помогал в учебе, другим покупал сладости, сочувствовал третьим, когда им не везло. Почему они отвернулись от него — даже Молли, который доверял ему свои секреты?

— *Пожалуйста!* — закричал он. — Этого не было в игре!

— А теперь есть! — засмеялся Мервин Уильямс. Его глаза сияли, лицо покраснелось, и он еще сильнее стал качать столб.

Еще несколько секунд Карл терпел тряску, а затем инстинктивно уронил голову на грудь, притворившись потерявшим сознание. Он уже делал так не раз, чтобы шантажировать мать, от которой и научился этому трюку. Школьные галстуки, использованные в игре в качестве веревок, врезались в его кисти. Голоса детей стихли.

— С ним все в порядке? — прошептал Молли Тюрнер. — Он не умер?..

— Не говори глупостей, — неуверенно ответил Уильямс. — Он только шутит.

— Тем не менее лучше его отвязать. — Это был голос Яна Томпсона. — Мы влипнем в ужасную неприятность, если...

Карл почувствовал, что его отвязывают; они возились с узлами.

— Я не могу развязать этот...

— Вот мой ножик — разрежь узел...

— Я не могу... это мой галстук... мой отец...

— Быстрее, Бриан!

Вися на одном галстуке, он намеренно позволил телу осесть вниз, все еще держа глаза плотно закрытыми.

— Дай его мне, я разрежу узел!

Наконец последний галстук был развязан. Карл упал на колени, поцарапав их о гальку, и опустил лицо на землю.

— Блейми, он действительно...

— Не будь дураком, он еще дышит. Он всего лишь в обмороке.

Карл слышал их встревоженные голоса будто издалека, так как сам наполовину был убежден собственным притворством.

Уильямс потряс его.

— Очнись, Карл, хватит валяться.

— Я сбегаю за мистером Мэтсоном, — сказал Молли Тюрнер.

— Нет, не надо.

— Все равно это вшивая игра!

— Вернись, Молли!

Его внимание сейчас большей частью было отвлечено кусочками гальки, впившимися в левую щеку. Было легко держать глаза закрытыми и не замечать их руки на своем теле. Постепенно он потерял ощущение времени, а потом услышал голос мистера Мэтсона — низкий, насмешливый, не пытающийся, как обычно, перекричать общий шум. Настала тишина.

— Что же ты натворил в этот раз, Уильямс?

— Ничего, сэр. Это была игра. Идея Карла.

Сильные мускулистые руки перевернули его лицом вверх. Он все еще держал глаза закрытыми.

— Мы играли, сэр... — сказал Ян Томпсон, — ...в Иисуса. Карл был Иисусом. Мы играли так и раньше, сэр. Мы привязали его к забору. Это была его идея, сэр.

— Немного незрелая, — пробормотал мистер Мэтсон и вздохнул, пощупав лоб Карла.

— Это была только игра, сэр, — снова сказал Мервин Уильямс.

Мистер Мэтсон проверял пульс Карла.

— Ты должен был подумать, Уильямс. Глогер не особо силен.

— Простите, сэр.

— Совершеннейшая глупость.

— Простите, сэр, — Уильямс чуть не плакал.

— Я возьму его с собой. Надеюсь, Уильямс, что с ним ничего серьезного. А после уроков зайти ко мне.

Карл почувствовал, что мистер Мэтсон поднимает его.

Он был доволен.

* * *

Его несли.

Голова и бок болели так, что тошнило. У него не было возможности узнать, куда в точности доставила его машина времени, но, повернув голову и открыв глаза, он понял по грязной куртке из овчины и холщовой набедренной повязке человека справа, что, почти наверняка, находится на Ближнем Востоке. Он намеревался попасть в 29 г. н. э., в район Иерусалима, около Вифлеама. Интересно, не в Иерусалим ли несут его?

Вероятно, он находится в прошлом, так как носилки, на которых его несли, были сделаны из шкур животных, не слишком хорошо выделанных. Но, возможно, и нет, подумал он, так как провел достаточно времени среди маленьких племен Ближнего Востока, чтобы знать — сохранились еще люди, почти не

изменившие свой образ жизни со времен Магомета. Он надеялся, что не зря ломал ребра.

Двое мужчин несли носилки на плечах, остальные шагали рядом. Все они были бородатыми, темнокожими, обуты в сандалии. Большинство имело посохи. Пахло потом, животным жиром и чем-то прокисшим, чего он не мог определить. Они направлялись к цепи холмов и не заметили, что он очнулся.

Солнце уже не пекло так сильно, как когда он выбрался из машины времени. Вероятно, вечерело. Окружающая земля была каменистой и бесплодной, и даже холмы впереди казались серыми.

Он поморщился, когда носилки накренились, так как боль в боку снова стала тошнотворно сильной. Сознание опять покинуло его.

* * *

Наш Отец, пребывающий на небесах...

Он был воспитан, как и большинство его школьных товарищей, по канонам пустословной христианской религии. Утренние молитвы в школе. На ночь он ограничивался двумя молитвами. Одна была молитвой Господу, другая заключалась в словах: "Боже, благослови маму, Боже, благослови папу, Боже, благослови моих сестер, и братьев, и всех других людей вокруг меня, и, Боже, благослови меня. Амины!" Этому его научила женщина, приглядывавшая за ним, когда мать была на работе. Он добавил к этому перечню "благодарю тебя" (Благодарю тебя за приятный день, благодарю тебя за хорошую отметку по истории...) и "прости" (Прости, я был груб с Молли, прости, я не во всем признался мистеру Мэтсону...). Только в семнадцать лет он научился ложиться спать, не произнося ритуальных молитв, и даже тогда это произошло из-за нетерпения начать мастурбировать.

Наш Отец, пребывающий на небесах...

* * *

Последнее воспоминание об его отце касалось поездки в выходной день на берег моря, когда ему было четыре или пять лет. Шла война, поезда были переполнены солдатами, было много остановок и пересадок. Он помнил переход через железную дорогу к другой платформе, когда задавал отцу какие-то вопросы о содержимом платформ, стоявших на путях.

Что было в ответ? Шутка? Что-то насчет жирафов? Он по-

мнил отца высоким плотным мужчиной. Голос его был добрым, возможно, чуть грустным, а в глазах — постоянное меланхолическое выражение.

Потом он узнал, что мать и отец в то время расходились, и мать позволила отцу провести с ним этот последний выходной день. Было ли это в Девоншире, или в Корнуолле? Все, что он помнил, — утесы, скалы и пляжи — соответствовало видам западного побережья, которое он потом не раз видел по телевизору.

Он играл в саду, полном кошек, в развалившемся “форде”, сквозь который пророс бурьян. Ферма, где они остановились, казалось, была набита кошками; они словно ковром покрывали кресла, столы и комоды.

Пляжи перегораживала колючая проволока, но он не понимал, что это портит пейзаж. Там были мосты и статуи из песчаника, изваянные ветром и морем. Там были загадочные пещеры, в которых журчали родники.

Это было почти самым ранним и, определенно, самым счастливым воспоминанием его детства.

Он больше никогда не видел своего отца.

* * *

Боже, благослови маму, Боже, благослови папу...

Это глупо. У него не было отца, не было никаких братьев и сестер.

Пожилая женщина, воспитывавшая его, объясняла, что его отец находится где-то в другом месте, и что все люди являются братьями и сестрами.

Он принял это.

* * *

Один, думал он, я один. И он проснулся, несколько мгновений думая, что находится в убежище Андерсонов из листов ржавой стали с решетками на окнах, и что снаружи продолжается воздушный налет. Он любил безопасность Андерсонов, для него было удовольствием попасть туда.

Но разговор шел на незнакомом языке. Вероятно, была ночь, так как было очень темно. Они больше не двигались. Его лихорадило; он лежал на соломе. Глогер коснулся соломы и, не зная почему, почувствовал облегчение. Он заснул.

Крик. Напряжение.

Это его мать кричала на мистера Джорджа со второго этажа. Мистер Джордж с женой снимал две комнаты с видом во двор.

Он крикнул матери:

— Мама! Мама!

Ее истеричный голос:

— Что?

— Я хочу видеть тебя!

Он хотел, чтобы она прекратила орать.

— Что, Карл? Ну вот, вы разбудили ребенка!

Она появилась на верхней площадке, опираясь на перила; халат плотно обтягивал ее фигуру.

— Мама. В чем дело?

Она замерла на мгновение, будто решая что-то в уме, затем медленно сползла вниз по лестнице.

Теперь она лежала на темном изношенном ковре у первой ступени лестницы. Он всхлипнул и потянул ее за плечи, но она была слишком тяжелой.

— Ой, мамочка!

Мистер Джордж, вяло переставляя ноги, спустился по лестнице. На его лице была написана покорность судьбе.

— О, дьявол, — сказал он. — Грета!

Карл пристально смотрел на него.

Мистер Джордж взглянул на Карла и покачал головой.

— С ней все в порядке, сынок. Ну, Грета, очнись!

Карл стоял между мистером Джорджем и матерью. Мистер Джордж пожал плечами и отстранил его, затем нагнулся и поставил мать Карла на ноги. Ее длинные темные волосы закрывали красивое утомленное лицо. Она открыла глаза, и даже Карл был удивлен, что она очнулась так быстро.

— Где я? — сказала она.

— Перестань, Грета. С тобой все в порядке.

Мистер Джордж повел ее вверх по лестнице.

— Что с Карлом? — спросила она.

— Не беспокойся о нем.

Они скрылись.

В доме стало тихо. Карл пошел на кухню. Там стояла гладильная доска с утюгом на ней. Что-то готовилось на плите. Пахло не очень вкусно. Вероятно, это готовила миссис Джордж.

Он услышал, как кто-то спускается по лестнице, и выбежал из кухни в сад.

Он плакал. Ему было семь лет.

Глава 2

В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской.

И говорит: покайтесь, ибо приблизилось царство Небесное. Ибо Он тот, о котором сказал пророк Исая: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищей его были акриды и дикий мед.

Тогда Иерусалим и вся Иудея, и вся окрестность Иорданская выходили к нему. И крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

Новый Завет, От Матфея, гл. 3: 1-6

Они обмывали его. Он чувствовал холодную воду, бегущую по его телу, и судорожно глотнул воздух. Они сняли защитный костюм и привязали к его груди кожаными ремешками сложенную в несколько слоев овчину.

Боль стихла, но Глогер чувствовал себя очень слабым и больным. Неразбериха недель, предшествовавших его путешествию на машине времени, само путешествие, а теперь лихорадка мешали ему понять, что происходит. До сих пор все напоминало сон. Он еще не мог по-настоящему поверить в существование машины времени. Может быть, он просто находится под воздействием какого-нибудь наркотика? Ощущение им реальности никогда не было особенно сильным. Большую часть детства и взрослой жизни только определенные инстинкты помогали ему сохранить физическое благополучие. И все же вода, льющаяся на него, прикосновение овчины к груди, солома под ним — все обладало большей реальностью, чем то, что он знал с детства.

Он находился в здании — или, может, в пещере — было слишком темно, чтобы сказать точнее, — и солома под ним пропиталась водой.

Двое мужчин в сандалиях и набедренных повязках поливали из глиняных кувшинов. На плечах одного из них был кусок

холстины, откинутый назад, за плечи. Оба обладали смуглыми чертами семитов, большими темными глазами и пышными бородами. На их лицах не было никакого выражения даже когда они замерли, заметив, что он открыл глаза. Некоторое время они пристально глядели на него, прижав кувшины к волосатым торсам.

Глогер хорошо знал древний письменный арамейский язык, но не был уверен в своей способности говорить на нем так, чтобы его поняли. Сначала надо испробовать английский, иначе будет смешно, если он остался в своем времени и пытается заговорить на архаичном языке с современными израильянами или арабами.

Слабым голосом он спросил:

— Вы говорите по-английски?

Один из мужчин нахмурился, а другой, в холщовой накидке, заулыбался, сказав несколько слов своему товарищу, затем рассмеялся.

Глогеру показалось, что он узнал несколько слов, и он обрадовался. Они говорили на древнеарамейском. Он был уверен в этом. Интересно, сможет ли он составить фразу, которую они поймут?

Он кашлянул и облизнул губы.

— Где... это... место? — спросил он хрипло.

Теперь оба они нахмурились, покачали головами и опустили кувшины на пол. Чувствуя, как силы покидают его, Глогер торопливо сказал:

— Я... ищу... Иисуса... из Назарета...

— Иисус... Назарет. — Более высокий повторил слова, но они, казалось, ничего не значили для него. Он пожал плечами. Другой, тем не менее, повторил только слово "Назарет", произнеся его медленно, будто оно имело особый смысл. Затем он сказал несколько слов второму мужчине и исчез из поля зрения Глогера.

Глогер попытался сесть и жестом привлечь внимание оставшегося мужчины, недоуменно смотревшего на него.

— Который... год?... — медленно произнес Глогер. — Римский император... сидит... в Риме?

Этот вопрос сбивал с толку, и он понял это. Христа распяли на пятнадцатый год правления Тиберия, поэтому Глогер и спросил. Сбравшись с силами, он попытался составить фразу подробнее и понятнее.

— Сколько лет правит... Тиберий?

— Тиберий? — мужчина нахмурился.

Слух Глогера уже приспособился к акценту, и он попытался подражать ему.

— Тиберий. Император римлян. Сколько лет он правит?

— Сколько? — мужчина покачал головой. — Я не знаю.

По крайней мере, подумал Глогер, меня поняли. Шесть месяцев изучения арамейского языка в Британском Музее не пропали даром. Язык, на котором говорили здесь, отличался от того, какой изучал Глогер две тысячи лет спустя, и больше походил на древнееврейский. Но они могли понимать друг друга удивительно легко. Глогер вспомнил, каким страшным ему показалось то, что у него не возникло особых трудностей в изучении этого языка. Один из его эксцентричных друзей предположил, что Глогера выручает расовая память. Иной раз сам он был почти убежден в этом.

— Где находится это место? — спросил он.

Мужчина удивился.

— Это пустыня, — сказал он. — Пустыня за Мачарусом. Разве ты не знаешь?

В библейские времена Мачарус был большим городом, лежащим к юго-востоку от Иерусалима, на другой стороне Мертвого моря. Он располагался на склоне горы, защищаемый величественной крепостью-дворцом, резиденцией Ирода Антипаса. Глогер почувствовал, что настроение у него поднимается. В двадцатом столетии немногие знают название Мачарус, не говоря уж об использовании его в качестве точки отсчета.

Теперь почти нет сомнений, что он находится в прошлом, и что временной период соответствует правлению Тиберия, если только человек, с которым он разговаривал, не совершенно невежественен и не имеет понятия, кто такой Тиберий.

Но состоялась ли казнь? Может, он пропустил ее?

Если так, то что ему делать? Машина времени разрушена, ее, скорее всего, не удастся отремонтировать.

Он снова опустился на солому и закрыл глаза; опять нахлынуло знакомое чувство подавленности.

* * *

Когда он пытался совершить самоубийство в первый раз, ему было пятнадцать лет. Он привязал проволоку к крюку в стене школьной кладовой, сунул голову в петлю и прыгнул со скамейки.

Крюк вырвался из стены, за ним последовал град штукатурки. Шея болела весь остаток дня.

Вернулся второй мужчина и привел с собой кого-то еще.

Звук их сандалий показался Глогеру очень громким.

Он посмотрел на пришедшего.

Это был великан, и в сумраке он двигался мягко, как кошка. Глаза его были пронзительными, большими и темными. Кожа обожжена солнцем до черноты, волосатые руки бугрились мышцами.

Козья шкура покрывала его мощную грудь, доходя почти до колен. В правой руке великан держал толстый посох. Черные курчавые волосы обрамляли лицо, сквозь густую бороду, спускавшуюся на грудь, виднелись яркие губы.

Он казался усталым.

Пришелец оперся на посох и задумчиво посмотрел на Глогера.

Глогер в ответ посмотрел на него, удивляясь подавляющему ощущению физического присутствия этого человека.

Когда пришелец заговорил, у него обнаружился низкий голос, но говорил он слишком быстро, и Глогер не разобрал слов. Он покачал головой.

— Говори... более медленно... — сказал он.

Великан присел на корточки рядом.

— Кто ты?

Глогер заколебался. Он не мог рассказать правду. И уже придумал правдоподобную, как ему казалось, историю. Но дела пошли не так, как он рассчитывал, и заготовленная легенда не годилась. Глогер должен был прибыть никем не замеченным и выдать себя за путешественника из Сирии, его акцент подтверждал бы это.

— Откуда ты пришел? — терпеливо спросил великан.

Глогер осторожно ответил:

— Я с севера.

— Север. Египет? — человек выжидающе, почти с надеждой глядел на Глогера. Глогер решил, что если его акцент похож на египетский, то будет лучше согласиться, добавив что-нибудь, чтобы избежать дальнейших осложнений.

— Я покинул Египет два года назад, — сказал он.

Великан кивнул с явным удовлетворением.

— Итак, ты из Египта. Мы так и подумали. И, очевидно, ты маг, так как у тебя странная одежда и колесница из железа, приводимая в движение духами. Хорошо. Мне передали, что твое имя Иисус, и ты из Назарета.

Очевидно нашедшие его приняли расспросы за сообщение имени. Глогер улыбнулся и покачал головой.

— Я ищу Иисуса из Назарета.

Этот ответ разочаровал великана.

— Тогда как твое имя?

Глогер уже думал об этом. Он знал, что его собственное имя покажется людям библейских времен необычным, и поэтому решил использовать имя своего отца.

— Меня зовут Эммануил, — ответил он.

— Эммануил... — великан удовлетворенно кивнул. Затем он потер губы мизинцем и задумался. — Эммануил... да...

Глогер был озадачен. Ему показалось, что его спутали с кем-то, кого рассчитывал увидеть этот великан, и что ожидался ответ, который доказал бы, что Глогер и есть тот, кого ждали. Теперь он сомневался в правильности выбора имени, так как “эммануил” на древнееврейском означало “С нами Бог” и почти определенно имело мистическое значение для спрашивающего.

Глогер ощутил беспокойство. Необходимо было узнать кое-что, задать наводящие вопросы; кроме того ему не нравилось его теперешнее положение. Пока он не оправится от аварии, он не сможет уйти отсюда. И он не может позволить себе рассердить этих людей. По крайней мере, подумал Глогер, они не проявляют враждебности. Но что они ожидали от него услышать?

* * *

— Ты должен сосредоточиться на своей работе, Глогер.

— Ты слишком рассеянный, Глогер. Мыслями ты всегда витаешь в облаках...

— Останешься после занятий, Глогер...

— Почему ты хочешь убежать, Глогер? Что тебе не нравится здесь?

— Тебе придется встретить меня на полдороге, если мы собираемся...

— Думаю, придется попросить твою мать забрать тебя из школы...

— Может быть ты и стараешься, но ты должен стараться больше. Я многого ждал от тебя, Глогер, когда ты в первый раз появился здесь. Последний семестр ты занимался чудесно, но сейчас...

— В скольких школах ты побывал прежде, чем пришел сюда? Великие небеса!..

— Я убежден, что тебя подбили на это, Глогер, поэтому не буду слишком строг с тобой на этот раз...

— Не делай такой несчастный вид, сынок, ты справишься с этим.

— Послушай меня, Глогер. Будь внимательней, ради Бога...

— У вас есть мозги, молодой человек, но вы не пользуетесь ими...

— Сожалеете? Но сожалеть недостаточно, надо слушать...

— Мы ожидаем, что в следующем семестре вы будете стараться больше.

* * *

— А как тебя зовут? — спросил Глогер сидящего на корточках мужчину.

Тот выпрямился, задумчиво глядя сверху вниз на Глогера.

— Ты не знаешь меня?

Глогер покачал головой.

— Ты не слышал об Иоанне по прозвищу Креститель?

Глогер попытался скрыть удивление, но, очевидно, Иоанн заметил, что его имя знакомо. Он кивнул лохматой головой.

— Я вижу, ты знаешь меня.

Чувство облегчения заполнило Глогера. Согласно Новому Завету Креститель был убит немного раньше распятия Христа. Тем не менее было странно, что Иоанн не слышал об Иисусе из Назарета. Может быть, Христос на самом деле не существовал?

Креститель запустил пальцы в бороду.

— Ладно, маг, теперь я решу, что с тобой делать.

Глогер, занятый собственными мыслями, рассеянно посмотрел на него.

— Что ты решишь?

— Истинный друг ты, согласно пророчеству, или ложный, о котором нас предупреждал Адонай.

Глогер занервничал.

— Я не делал никаких заявлений. Я просто чужестранец, путешественник...

Креститель усмехнулся.

— Да... путешественник... в волшебной колеснице. Мои братья рассказали, что они видели, как она прибыла. Раздался звук, подобный грому, вспышка молнии — и появилась колесница, покотившись по пустыне. Они видели много чудес, мои

братья, но ни одного, настолько удивительного, как появление твоей колесницы.

— Колесница — не волшебство, — поспешно сказал Глогер, сознавая, что его слова вряд ли будут понятны Крестителю. — Это такая машина... у римлян есть такие вещи. Ты, должно быть, слышал о них. Их делают обычные люди, не колдуны...

Креститель медленно кивнул головой.

— Да... как у римлян. Римляне передали бы меня в руки моих врагов, детей Ирода.

Хотя Глогер многое знал о политических событиях этого периода, он спросил:

— Почему?

— Ты должен знать, почему. Разве я не выступаю против римлян, которые поработили Иудею? Разве я не выступаю против беззаконий, творимых Иродом? Не предсказываю время, когда все несправедливые будут уничтожены, и царство Адоная возродится на земле, как утверждали древние пророки? Я говорю людям: "Будьте готовы ко дню, когда вы должны поднять меч, чтобы исполнить волю Адоная". Неправедные знают, что погибнут в этот день, и они хотят уничтожить меня.

Хотя слова Иоанн говорил яростные, тон его голоса был совершенно будничным. Не было никакого намека на безумие или фанатизм ни в лице, ни в позе. Он напоминал Карлу английского викария, читающего знакомую проповедь, смысл которой давно потерял актуальность.

— Ты призываешь людей освободить землю от римлян, не так ли? — спросил Карл.

— Да, от римлян, и от их создания, Ирода.

— А кого ты поставишь на их место?

— Истинного короля Иудеи.

— И кто он?

Иоанн нахмурился и исподлобья посмотрел на Карла.

— Адонай скажет нам. Он даст знак, когда придет законный король.

— А ты знаешь, какой будет знак?

— Я узнаю, когда он появится.

— Значит, есть предсказание?

— Да, есть...

Приписывание этого революционного плана Адонаю (одно из произносимых имен Яхве, означающее "Господь") показалось Глогеру просто средством для придания дополнительной значимости. В мире, где, как и на Западе, политика и религия

связаны неразрывно, необходимо было приписать плану сверхъестественное происхождение.

В самом деле, подумал Глогер, Иоанн действительно может верить, что эта идея внушена ему самим Богом; ведь греки по ту сторону моря не прекратили еще спорить об источнике вдохновения — рождается ли оно в человеке или помещается в него богами.

То, что Иоанн принял его за египетского волшебника, тоже не особенно удивляло.

Обстоятельства его прибытия должны были казаться исключительно загадочными, и, в то же самое время, приемлимыми, особенно для людей, страстно желавших подтверждения своей вере в такие вещи.

Иоанн направился к выходу.

— Мне нужно подумать, — сказал он. — Я хочу помолиться. Ты останешься здесь до тех пор, пока я не получу знак.

Он быстро зашагал прочь.

Глогер опять опустился на мокрую солому. Каким-то образом его появление было связано с верованиями Иоанна; или, по крайней мере, Креститель пытался сопоставить это появление со своими верованиями, сопоставить с библейскими пророчествами. Глогер почувствовал себя беспомощным. Как Креститель захочет использовать его? Не решит ли он в конце концов, что Глогер — злое существо, не убьет ли его? Или объявит его пророком или еще кем-то и потребует пророчество, которое Глогер не сможет дать.

Он вздохнул и протянул руку, коснувшись стены.

Это оказался известняк. Глогер находился в известняковой пещере. Пещера подтверждала предположение, что Иоанн и его люди, объявленные римлянами и солдатами Ирода бандитами, уже скрываются. Это значило, что и он подвергается опасности, если солдаты обнаружат убежище Иоанна.

Воздух в пещере был влажным. Снаружи, должно быть, очень жарко.

Он задремал.

Летний лагерь, остров Уайт, 1950 г.

В первую же ночь на его правое бедро был опрокинут чайник кипятка. Было ужасно больно, кожа почти сразу покрылась волдырями.

— Будь мужчиной, Глогер! — сказал краснолицый мистер Патрик, руководитель лагеря. — Будь мужчиной!

Он попытался не заплакать, когда они неуклюже налепляли пластырь поверх ваты.

Его спальный мешок находился прямо у муравейника. Он лежал в мешке, а в это время другие дети играли.

На следующий день мистер Патрик заявил детям, что они должны “заработать” карманные деньги, данные ему родителями на сохранение.

— Мы посмотрим, кто из вас храбрый, а кто — нет, — сказал мистер Патрик, взмахивая со свистом тростью в воздухе. Он стоял посередине площадки, по краям которой были установлены палатки. Дети выстроились в две длинные шеренги; в одной — девочки, в другой — мальчики.

— Стань в ряд, Глогер! — крикнул мистер Патрик. — Три пенса за удар по руке, шесть пенсов за удар по заду. Не трусь, Глогер!

Глогер с неохотой встал в одну линию с ребятами. Трость поднималась и опускалась. Мистер Патрик тяжело дышал.

— Шесть ударов по заду — это три шиллинга, — он протянул деньги маленькой девочке.

Еще удары, больше выплаченных денег.

Карл все больше нервничал по мере того, как приближалась его очередь.

В конце концов он выскочил из шеренги и зашагал прочь, к палаткам.

— Глогер! Где твое мужество, мальчик? Тебе не нужны карманные деньги? — слышался сзади него хриплый насмешливый голос мистера Патрика.

Глогер покачал головой и заплакал.

Он вошел в свою палатку и, всхлиывая, бросился на спаль- ный мешок.

Снаружи все доносился голос мистера Патрика:

— Будь мужчиной, Глогер! Будь мужчиной, мальчик!

Карл достал бумагу и шариковую ручку. Его слезы капали на письмо, которое он писал матери. Снаружи слышались удары трости о детскую плоть.

На следующий день боль от ожога усилилась; дети и руководитель игнорировали его.

Даже женщина (жена Патрика), которая считалась “матро-

ной**», сказала ему, чтобы он сам ухаживал за собой, что его ожог — пустяки.

Следующие два дня до того, как приехала мать, чтобы забрать его из лагеря, были самыми несчастными в жизни Глогера.

Перед самым прибытием матери миссис Патрик сделала попытку срезать волдырь маникюрными ножницами, чтобы ожог не выглядел слишком плохо.

Мать увезла его и позднее написала мистеру Патрику требование вернуть деньги, назвав его лагерь отвратительным.

Тот написал в ответ, что не вернет деньги, и что, если мадам хочет знать его мнение, ее сын — слабак.

Несколькими годами позднее мистер Патрик, его жена и персонал лагеря были арестованы и заключены в тюрьму за различные акты садизма в летнем лагере на острове Уайт.

* Матрона — заведующая хозяйством, экономка в детских учреждениях.

Глава 3

По утрам, а иногда и вечером они клали его на носилки и выносили наружу.

Это был не, как он вначале подумал, временный лагерь бунтовщиков, а постоянный поселок. Вокруг расстилались поля, орошаемые из источника, расположенного поблизости. На них выращивались злаки; стада коз и овец паслись на холмах. Жизнь людей была спокойной и неторопливой, и, большей частью, они не обращали на Глогера внимания, занимаясь повседневными делами.

Иногда появлялся Креститель и справлялся о его здоровье. Изредка он задавал загадочные вопросы, на которые Глогер, как мог, старался ответить.

Люди казались уравновешенными; они справляли большее количество мелких религиозных обрядов, чем Глогер считал нормальным для такой немногочисленной общины. Может быть, думал он, эти обряды собирают большее количество людей, чем можно было ежедневно видеть в поселке.

Глогер, в основном, находился наедине со своими мыслями, воспоминаниями и гипотезами. Ребра срастались очень медленно, и он уже стал беспокоиться, достигнет ли когда-нибудь цели, ради которой прибыл сюда.

Он удивлялся небольшому числу женщин в общине. Атмосфера была почти монастырской, и мужчины, кажется, избегали женщин. Постепенно он пришел к выводу, что это, вероятно, очень религиозная община. Может, эти люди являются ессеями? Если это ессеи, то многое объясняется — отсутствие женщин (ессеи не признавали брак), апокалиптические убеждения Иоанна, преобладание религиозных ритуалов, очень простая жизнь этих людей, тот факт, что они, кажется, намеренно отгородили себя от остального общества...

Глогер спросил об этом Крестителя при первом же удобном случае.

— Иоанн... твои люди называют себя ессеями?

Креститель кивнул.

— Как ты узнал это? — спросил он у Глогера.

— Я... я слышал о вас. Ирод объявил вас вне закона?

Иоанн покачал головой.

— Ирод сделал бы так, если бы посмел, но у него нет повода.

Мы живем здесь своей жизнью, не причиняя вреда никому, не делая попыток навязать нашу веру другим. Время от времени я проповедую наши убеждения, но против этого нет закона. Мы уважаем заповеди Моисея и проповедуем только, что все должны подчиняться им. Мы выступаем только за праведность. Даже Ирод не может найти в этом преступления...

Теперь Глогер стал лучше понимать суть некоторых вопросов, которых Иоанн задавал ему; понял, почему эти люди вели себя так и жили подобным образом.

Он осознал также, почему они восприняли его прибытие самим собой разумеющимся. Секта, подобная ессеям, практикующая умерщвление плоти, должно быть, привычна к видениям в такой жаркой местности.

Он вспомнил, как однажды натолкнулся на теорию, по которой Иоанн Креститель являлся ессеем, и многие ранние христианские идеи тоже произошли от верований ессеев...

Ессеи, например, применяли ритуальное омовение — крещение, — они веровали в группу из двенадцати человек (апостолов, которые избраны Богом, чтобы быть судьями в последний день), они проповедовали заповедь любви к ближнему, они верили, как и ранние христиане, что живут в дни, предшествующие Армагеддону, когда произойдет последняя битва между светом и тьмой, добром и злом, когда все люди предстанут на Страшном Суде. Как и в других христианских сектах, среди ессеев были люди, верившие, что они представляют силы света, а остальные — Ирод и римляне — представляют силы тьмы, и что их предназначением является уничтожение этих сил. Эти религиозные убеждения были неразрывно связаны с политическими, и вполне возможно, что кто-то вроде Иоанна Крестителя цинично использовал ессеев для своих политических целей, хотя, в действительности, такое маловероятно.

Терминами двадцатого столетия, решил Глогер, этих ессеев можно было бы назвать неврастениками с почти параноидальным мистицизмом, приведшим их к изобретению секретного языка и остальному — явное указание на умственную неуравновешенность.

Все это приходило в голову Глогеру-неудавшемуся психиатру, но Глогер-человек разрывался между крайним рационализмом и глубоким мистицизмом.

Креститель уже ушел, и Глогер, не сориентировавшись, не успел задать следующие вопросы. Он смотрел, как великан исчезает в глубине пещеры, затем полностью переключил внима-

ние на вид поля, где крошечный эссей направлял плуг, который тащили два других члена секты. Глогер смотрел на желтые холмы и скалы. В нем росло желание лучше познакомиться с этим миром; в то же время он раздумывал о том, что стало с машиной времени. Разрушена ли она полностью? Сможет ли он когда-нибудь покинуть этот период времени и вернуться в двадцатое столетие?

* * *

Секс и религия.

Церковный клуб, к которому он присоединился, чтобы найти друзей.

Прогулка в лес, 1954 г.

Во время прогулки по лесу он и Вероника отстали от других. Она была краснощекой и полной даже в тринадцать лет, но она была девочкой.

— Давай сядем здесь и отдохнем, — сказал он, показывая на пригорок, окруженный кустами.

Они сели рядом.

Они молчали.

Его взгляд был прикован не к ее круглому, с шершавой кожей, лицу, а к маленькому серебряному распятию, висевшему на цепочке на шее.

— Лучше давай поищем остальных, — сказала она, — они будут беспокоиться о нас, Карл.

— Пусть они найдут нас, — сказал он, — мы скоро услышим, как они кричат.

— Они могут уйти домой.

— Они не уйдут без нас. Не беспокойся, мы услышим, как они кричат...

Затем он наклонился, протянув руку к одетым в голубую ткань плечам, все еще не отрывая взгляда от распятия.

Он попытался поцеловать ее в губы, но она отвернула голову.

— Давай поцелуемся, — сказал он прерывающимся голосом, понимая даже в этот момент, насколько нелепо звучат его слова, какого дурака он делает из себя; но он заставил себя продолжать:

— Давай поцелуемся, Вероника...

— Нет, Карл, прекрати это.

— Ну что ты...

Она стала сопротивляться, вырвалась из его рук и вскочила на ноги.

Он покраснел.

— Прости, — сказал он, — прости.

— Все в порядке.

— Я думал, ты хочешь этого.

— Тебе не стоило бросаться на меня. Не очень романтично.

— Прости...

Она медленно пошла прочь, крестик раскачивался на шее, очаровывая его. Может, это какой-нибудь амулет, отводящий опасности вроде той, которой она только что избежала?

Карл последовал за ней.

Вскоре они услышали голоса остальных, и Карл почувствовал необъяснимую тошноту.

Несколько девочек похихикали, а один из мальчиков грязно ухмыльнулся.

— Что вы там делали?

— Ничего, — сказал Карл.

Но Вероника промолчала. Хотя она не была готова поцеловать его, намек явно доставил ей удовольствие.

На обратном пути они держались за руки.

Было уже темно, когда все вернулись в церковь и сели пить чай. Они сидели рядом. Глогер все время смотрел на распятие, висевшее в ложбинке между ее уже большими грудями.

Остальные ребята собрались вместе на другом конце пустого церковного зала. Иногда Карл слышал хихиканье какой-нибудь девочки и ловил взгляды мальчиков в их направлении. Он почувствовал, что доволен собой, и подвинулся ближе к Веронике.

— Принести тебе еще чашку чая, Вероника?

Она уставилась в пол.

— Нет, спасибо. Я лучше пойду домой. Мать с отцом станут беспокоиться.

— Я провожу тебя, если хочешь.

Она заколебалась.

— Это недалеко от меня, — сказал он.

— Хорошо.

Они встали, и он взял ее за руку, помахав остальным.

— Пока всем. Увидимся в четверг, — сказал он.

Смех девочек стал неудержимым, и Глогер снова покраснел.

— Не делай без меня ничего, — крикнул один из мальчиков.

Карл подмигнул ему.

Они пошли по хорошо освещенным улицам пригорода, оба слишком смущенные, чтобы говорить; ее рука вяло лежала в его ладони.

Когда они дошли до парадной двери ее дома, она остановилась, затем поспешно сказала:

— Я лучше пойду.

— Теперь ты собираешься подарить мне поцелуй? — спросил он, опять не отводя взгляда от распятия в вырезе ее голубого платья?

Она торопливо клюнула его в щеку.

— Ты можешь сделать это лучше, — сказал Глогер.

— Мне пора идти.

— Ну, давай, — сказал он, — подари нам настоящий поцелуй. — Глогер был близок к панике, густо покраснел и вспотел. Он обнял ее, заставляя себя, хотя сейчас его подташнивало от вида ее полного лица с грубыми чертами и ощущения тяжелого крупного тела.

— Нет!

За дверью включили свет, и он услышал голос ее отца, брюзжащего в прихожей:

— Это ты, Вероника?

Глогер опустил руки.

— О'кей, если ты так хочешь, — сказал он.

— Прости, — начала она, — это только потому...

Дверь отворилась, и появился мужчина в рубашке с короткими рукавами. Он был такой же толстый, как и его дочь, и черты лица были такими же грубыми.

— Так-так, — сказал он, — значит, завела дружка?..

— Это Карл, — сказала она. — Он проводил меня домой. Он тоже в церковном клубе.

— Вы могли бы привести ее домой немного пораньше, молодой человек, — сказал ее отец. — Не хотите ли зайти на чашку чая?

— Нет, благодарю, — сказал Карл, — мне нужно домой. Пока, Вероника, увидимся в четверг.

— Может быть, — сказала она.

В следующий четверг он пришел в клуб на занятие по обсуждению библии. Вероники там не было.

— Ее не пустил отец, — сказала одна из девочек. — Должно быть, из-за тебя. — Она говорила презрительным тоном, и он был озадачен.

— Мы ничего не делали, — сказал он.

- Она тоже это сказала, — продолжала девочка, улыбаясь.
- Она говорила, что у тебя ничего не получилось.
- Что ты имеешь в виду? Она не могла...
- Она сказала, что ты не знаешь, как правильно целоваться.
- Она не дала мне шанса.
- Это все, что она сказала, — ответила девочка и поглядела на остальных.

Карл понял, что они ловят его; он чувствовал, что они по-своему флиртуют с ним, заинтригованы, но не мог заставить себя не покраснеть; после этого оставалось только уйти.

Он никогда больше не ходил в церковный клуб, но следующие несколько недель при мастурбациях он грезил Вероникой и маленьким серебряным крестиком, висящим между ее груди. Даже когда он представлял ее обнаженной, крест оставался на теле. Постепенно именно крест стал, главным образом, возбуждать его, и после того, как Вероника исчезла из его мыслей, он часто думал о девушках с маленькими серебряными распятиями между груди, и образ этот приводил его к невероятным вершинам наслаждения.

Глава 4

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог.

Оно было в начале у Бога.

Все чрез него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеком.

И свет во тьму светит, и тьма не объяла его.

Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн.

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о свете, дабы все уверовали чрез него.

Он не был свет, но он *был послан*, чтобы свидетельствовать о свете.

Был свет истинный, который просвещает каждого человека, приходящего в мир.

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим и свои Его не приняли.

А тем, которые приняли Его, верующим в имя Его, дал власть быть чадами Божиими.

Которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

От Иоанна, гл. 1: 1-13

Никому не нужен, никому, никому...
О, Иисус...

Прекрати!

Ду... рак.

ПРЕКРАТИ ду...

ПРЕКРАТИ ...рак НЕТ!

Иис...

ПРЕКРАТИ

Я люблю тебя... ПРЕКРАТИ

Иисус, я... ПРЕКРАТИ

Никому не нужен...
Никому не нужен...
...необходимо... должен лю...

ПРЕКРАТИ

Никому не нужен, никому, никому...
О, никому, никому...

* * *

Его ребра срастались.

Теперь по вечерам от ковылял к входу в пещеру и слушал голоса ессеев, возносящие вечернюю молитву. По каким-то неясным причинам монотонное бормотание вызывало слезы на его глазах, и он невольно начинал всхлипывать.

На этой стадии выздоровления его часто охватывала депрессия, наводящая на мысль о самоубийстве.

* * *

Он включил все газовые горелки в доме, рассчитав время к возвращению матери с работы.

Как раз перед тем, как она открыла калитку в палисадник и прошла по дорожке к двери, он лег на пол в гостиной перед камином.

Войдя, она закричала, подняла его, положила на диван и разбила все окна на первом этаже дома, прежде чем догадалась выключить газ и позвонить доктору.

Когда доктор пришел, у нее уже была готова история — несчастный случай. Но доктор, кажется, все понял и не слишком сочувствовал Карлу.

— Вы не правы, молодой человек, — сказал он, когда мать Карла вышла из комнаты. — Вы не правы, если хотите знать мое мнение.

Карл заплакал.

— Мы куда-нибудь поедem в выходной, — сказала мать, когда доктор ушел. — В чем дело? Неважно в школе? Мы поедem куда-нибудь в выходной.

— Это не имеет отношения к школе, — всхлипнул он.

— Тогда что?

— Это ты...

— Я? Я? Почему я? Какое я имею отношение? Что ты пытаешься сказать?

— Ничего, — он стал угрюмым.

— Нужно позвонить, чтобы вставили стекла, — сказала она, торопясь уйти из комнаты. — Это обойдется очень дорого.

* * *

Возлюби меня, возлюби меня, возлюби меня.

Никому не нужен...

Наш Отец, который пребывает на Небесах, да освятится имя Твое, да грядет царство Твое...

* * *

ВОЗЛЮБИ МЕНЯ!

* * *

Наплывающий, все загораживающий собой маленький обрезанный пенис; серебряные облака в форме больших пухлых крестов надвигаются все ближе и ближе...

* * *

ВОЗЛЮБИ МЕНЯ!

* * *

Билл Хейли и его кометы. До свидания, аллигатор. И на три с половиной месяца Бог был забыт.

* * *

Иоанн Креститель отсутствовал больше месяца, и Глогер жил с ессеями удивительно легко. Когда улучшилось самочувствие, он присоединился к их повседневной жизни.

Он обнаружил, что поселок состоит из в беспорядке разбросанных одноэтажных строений из известковых камней и глиняных кирпичей, а также пещер в холмах по обеим сторонам небольшой долины. Некоторые пещеры были естественными, другие выкопаны предшественниками ессеев и самими общинниками.

Ессеи владели хозяйством все вместе, а некоторые члены секты даже имели жен, чего Глогер не заметил ранее, хотя большинство вели почти монашеский образ жизни.

К своему удивлению Глогер узнал, что большая часть ессеев является пацифистами; они отказывались хранить и изготавливать оружие. Их убеждения не совсем совпадали с некоторыми

воинственными заявлениями Крестителя, хотя секта явно терпела и уважала Иоанна.

Возможно, ненависть к римлянам пересиливала их принципы. Возможно, они не до конца разобрались в намерениях Иоанна. Вероятно, они умышленно не распространялись на эту тему; может, Глогер просто не понял Иоанна. Какой бы ни была причина уступок, почти не было сомнений, что Креститель фактически является их лидером.

Жизнь ессеев проходила в ритуальном омовении три раза в день, молитве перед каждым приемом пищи — на рассвете и на закате — и в работе.

Работа была нетрудной.

Иногда Глогер ходил за плугом, который тащили два члена секты, иногда помогал тащить плуг, иногда приглядывал за козами, пасущимися на склонах холмов. Это была спокойная, размеренная жизнь, и даже ее нездоровые аспекты представляли собой настолько привычную рутину, что Глогер вскоре почти перестал замечать их.

Приставленный к козам, он ложился на вершине холма, всматривался в пустыню. Окружающая местность на самом деле не была настоящей пустыней, а скорее каменистой пустошью, имевшей достаточно растительности, чтобы прокормить животных — коз и овец.

Пейзаж нарушался приземистыми кустами и немногими низкорослыми деревьями, растущими вдоль берегов реки, которая, без сомнения, впадала в Мертвое море.

Горизонт был неровным. Его очертания напоминали волны в озере, замерзшие и ставшие желто-коричневыми.

За Мертвым морем лежал Иерусалим.

Глогер часто думал о Иерусалиме.

Очевидно, Христос еще не вошел туда в последний раз.

Иоанн Креститель (если верить Новому Завету) должен умереть прежде, чем это произойдет. Соломея станцует для Ирода, и голова Крестителя упадет с плеч.

Глогер чувствовал себя виноватым из-за того, что эта мысль возбуждает его. Может, стоит предупредить Крестителя?

Но он знал, что не сделает этого. Его специально предупреждали, что не стоит пытаться изменить ход истории. Глогер спорил с собой, приводя довод, что не имеет ясного представления о направлении, в котором развивается история этого времени. Сохранились только легенды. Никаких чисто исторических записей. Главы Нового Завета были написаны десятилетиями или

даже столетиями позже времени, о котором говорили. Они никогда не считались исторически подлинными. Если так, то, конечно, не будет ничего страшного, если он вмешается в события.

Но Глогер все-таки знал, что не предупредит Иоанна об опасности. Он смутно догадывался, что причиной этому было желание, чтобы ход событий оказался верным. Глогер хотел, чтобы Новый Завет содержал правду.

* * *

Его мать часто переезжала, хотя почти всегда оставалась в том же районе (продав дом в одной части Южного Лондона, она покупала новый в полумиле от него).

Этап увлечения рок-н-роллом прошел у Глогера довольно быстро; к этому времени они переехали в район Торнтон, и Карл присоединился к хору местной церкви. Голос у Глогера был приятным и мелодичным, и куратор, занимавшийся с хором, начал проявлять особый интерес к Карлу. Сначала они обсуждали музыку, но вскоре беседы стали все чаще носить религиозный характер. Карл спрашивал у куратора советы по общим проблемам совести, не дававшим ему покоя. (Как он может жить будничной жизнью, не рана при этом ничьих чувств? Почему люди так жестоки друг к другу? Почему происходят войны?)

Ответы мистера Юнгера были такими же расплывчатыми, как и вопросы Карла, но он давал их низким доверительно-убеждающим тоном голоса, который обычно доставлял Карлу облегчение.

Они вместе гуляли. Мистер Юнгер клал руку на плечи Карла.

Однажды в выходной они отправились на фестиваль, остановившись в отеле. Карл оказался в одной комнате с мистером Юнгером.

Поздно ночью мистер Юнгер забрался в постель.

— Я хотел бы, чтобы ты был девушкой, Карл, — сказал мистер Юнгер, поглаживая голову Глогера. Тот был слишком встревожен, чтобы отвечать, но среагировал, когда мистер Юнгер положил руку на его гениталии.

Они занимались любовью всю ночь, но утром Карл почувствовал отвращение, стукнул мистера Юнгера в грудь и сказал, что если тот когда-нибудь попытается сделать это снова, он расскажет матери. Мистер Юнгер заплакал и сказал, что он просит прощения, и не могут ли они с Карлом остаться друзьями. Но

Карл чувствовал, что каким-то образом мистер Юнгер предал его. Мистер Юнгер сказал, что любит Карла — не таким путем, а по-христиански, — и что он очень рад его компании. Карл молчал и избегал его взгляда, пока они возвращались в Торнтон на поезде.

В хоре Карл оставался еще несколько недель, но между ним и мистером Юнгером возникло напряжение.

Однажды вечером после репетиции мистер Юнгер попросил Карла остаться, и тот разрывался между отвращением и желанием. В конце концов он остался и позволил мистеру Юнгеру погладить свои гениталии под плакатом, изображавшим простой деревянный крест и надпись “БОГ — ЭТО ЛЮБОВЬ” под ним.

Прочитав, Карл истерично засмеялся и выбежал из церкви. Он никогда больше не возвращался туда.

Ему было пятнадцать.

* * *

Серебряные кресты — это женщины.

Деревянные кресты — это мужчины.

Он часто думал о себе, как о деревянном кресте. У него случались галлюцинации в период между сном и пробуждением, в которых он казался себе тяжелым деревянным крестом, преследующим во тьме изящный серебряный крест.

* * *

В семнадцать Глогер полностью потерял интерес к официальному христианству и увлекся языческой религией, особенно кельтским мистицизмом и культом Митры. У него была короткая связь с женой майора, жившей в Кильберне; он встретил ее на вечеринке у женщины с которой познакомился благодаря частным объявлениям в журнале “Авирьон”.

Жена майора (сам он в это время находился где-то на Ближнем Востоке) носила маленький серебряный кельтский крестик — “солнечный крест”, — который и привлек вначале внимание Глогера. Тем не менее, потребовалось полбутылки джина, прежде чем он посмел обнять ее хрупкие плечи и позднее, в темноте, сунуть руку между бедер и нащупать промежность под сатиновыми панталонами.

После Дейдры Томпсон у него последовала серия романов с некрасивыми женщинами. Каждая из них, как он обнаружил, носила такие же сатиновые панталоны. Через шесть месяцев

он устал, возненавидел неврастеничных женщин, презирал себя, и ему наскучил кельтский мистицизм. Большую часть этого времени он жил вне дома, в основном у Дейдры Томпсон, но когда произошел первый срыв, он вернулся домой.

Мать решила, что ему нужна смена обстановки, и дала денег на поездку в Гамбург, где у него были друзья.

Гамбургские друзья верили в то, что являются потомками тех, кто погиб, когда Атлантида была уничтожена атомными бомбами с летающих тарелок враждебных чудовищ с Марса.

На этот раз последовала череда некрасивых немецких женщин. В отличие от своих британских сестер все они носили черные нейлоновые кружевные трусики.

В этом и заключалась перемена.

В Гамбурге он стал воинствующим антихристианином; теперь он был убежден, что христианство — это извращенная более старая вера, нордическая.

Но он так и не смог полностью принять, что в конечном счете это была вера в Атлантиду. Глогер перессорился с немецкими друзьями, счел остальных немцев несимпатичными и поехал в Тель-Авив, где у него был знакомый владелец книжного магазина, специализировавшегося на трудах по оккультным наукам, в основном на французском языке.

Именно в Тель-Авиве, в беседе с венгерским художником, он узнал о Джанге; и тогда же Глогер забыл об этом, как о чепухе. Он стал еще более замкнутым и однажды утром отправился автобусом в сельскую местность, полупустыню. В конце концов он оказался в Антилебаноне, где в ходу язык, очень похожий на древнеарамейский. Он нашел тамошних жителей гостеприимными, ему понравилось жить среди них, и прошло четыре месяца, прежде чем он вернулся в Тель-Авив. Там, отдохнувший, он снова вспомнил о Джанге и поговорил с венгром. Но во всех оккультных магазинах округа не было книг о Джанге на английском языке, и Глогер решил вернуться в Англию, заняв денег на проезд в Британском консульстве.

Как только он оказался в Южном Лондоне, то сразу направился в местную библиотеку и потратил там массу времени, читая Джанга.

Мать интересовалась, когда он собирается начать работать. Карл ответил ей, что хочет изучать психологию и намерен стать психиатром.

Образ жизни ессеев, несмотря на простоту, был достаточно комфортабелен. Ему дали набедренную повязку из козьей шкуры, посох и, если не считать того, что за ним все время наблюдали, Глогера, кажется, приняли, как обычного члена секты.

Иногда в разговоре ему задавали вопросы о колеснице — машине времени, которую собирались в ближайшем будущем притащить из пустыни, и он отвечал, что машина перенесла его из Египта в Сирию, а потом сюда. Они воспринимали чудо спокойно, так как были привычны к чудесам.

Ессеи видели и более странные вещи, чем его машина времени.

Они видели людей, ходивших по воде, ангелов, спускавшихся с небес и поднимающихся туда, они слышали голоса Бога и его архангелов, а также искушающий голос Сатаны и его приспешников.

Они описывали все это в пергаментных свитках — документальные отчеты о сверхъестественном, написанные так же просто, как и другие свитки, содержащие отчеты об их повседневной жизни и о новостях, которые путешественники приносили им.

Они постоянно жили в присутствии Бога, говорили с Богом, получали от Него ответы, когда достаточно укрощали свою плоть, морили себя голодом и пели молитвы под палящим солнцем Иудеи.

Карл Глогер отрастил волосы до плеч и бороду. Кожа на лице и теле скоро дочерна загорела. Он укрощал плоть, голодал и пел молитвы так же, как и они.

Но он редко слышал голос Бога, и только раз ему показалось, что он видел архангела с огненными крыльями.

Однажды они повели его к реке и крестили именем, которое он сказал Иоанну Крестителю. Они называли его Эммануилом.

Церемония, в течение которой пели молитвы и били поклоны, завораживала и оставила Глогера в состоянии полной эйфории. Таким счастливым он себя еще ни разу не чувствовал.

Глава 5

Несмотря на желание увидеть то, что видят ессеи, Глогер был разочарован. И одновременно удивлялся, что чувствует так хорошо несмотря на добровольные мучения, которым себя подвергал. Он доверял этим странным мужчинам и женщинам, являющимся, как вынужден был признать, безумными по всем принятым стандартам. Возможно, это происходило потому, что их безумство не очень сильно отличалось от его собственного, и через некоторое время он перестал думать об этом.

* * *

Моника.

У Моника не было серебряного креста.

Впервые они встретились, когда Глогер работал в психиатрической лечебнице Дарли Гранда санитаром. Он надеялся, что сможет заработать повышение. Она была психиатром-социологом и оказалась более отзывчивой, чем остальные, когда он пытался рассказать о трудностях пациентов, о мелких мучениях, которые причиняли им другие санитары и няньки — удары, окрики.

— Мы не можем подобрать хороший персонал, — ответила она ему. — Видите ли, оклады такие низкие...

— Тогда им надо платить больше.

Вместо того, чтобы пожать плечами, как делали остальные, она кивнула.

— Я знаю. Я написала два письма в “Попечитель”, не называя своего имени, и одно из них было опубликовано.

Он уволился вскоре после этого разговора и не видел ее несколько лет.

Ему было двадцать.

* * *

Иоанн Креститель вернулся однажды в сопровождении двадцати учеников.

Глогер заметил его, когда загонял коз на ночь в пещеру. Он подождал, пока Иоанн приблизился. Сначала Креститель не узнал его, затем рассмеялся.

— Ну, Эммануил, ты стал настоящим есеем, как я поглажу. Они уже крестили тебя?

Глогер кивнул.

— Да.

— Хорошо. — Затем Креститель нахмурился, словно что-то вспомнил. — Я был в Иерусалиме, — сказал он. — Повидался с друзьями.

— И какие новости?

Креститель откровенно посмотрел ему в глаза.

— Что ты, скорее всего, не шпион римлян или Ирода.

— Я рад, что ты так решил, — улыбнулся Глогер.

Угрюмые черты лица Иоанна смягчились. Он улыбнулся и пожал на манер римлян руку Глогера.

— Итак, ты — наш друг. Возможно, более, чем друг...

Глогер нахмурился.

— Я не понимаю тебя, — он чувствовал облегчение от мысли, что Креститель, который все это время проверял, не шпион ли он, решил, что Глогер — друг.

— Я думаю, ты знаешь, что я имею в виду, — сказал Иоанн.

Глогер был утомлен. Он ел очень мало и провел день на солнцепеке, выпасая коз. Он зевнул и не смог заставить себя продолжить разговор.

— Я не... — начал он.

Лицо Иоанна на мгновение помрачнело, затем он неловко рассмеялся.

— Ничего сейчас не говори. Поедим вместе, у меня есть дикий мед и саранча.

Глогер еще не ел эту пищу. Таков обычно рацион путешественников, питающихся тем, что можно отыскать по дороге. В некоторых странах это считается лакомством.

— Спасибо, — сказал он. — До вечера.

Иоанн улыбнулся загадочно, затем пошел в поселок, сопровождаемый учениками.

Озадаченный Глогер загнал коз в пещеру и закрыл плетеные ворота. Затем он направился к себе и улегся на солому.

Очевидно, Креститель видел в нем кандидата на какую-то роль в своей схеме событий.

* * *

Вся трава, все деревья, все солнечные дни с Евой, милой, девственной, восхитительной. Он встретил ее в Оксфорде, на вечеринке у Джерарда Фридмена, журналиста, специализировавшегося на оккультной литературе.

На следующий день они гуляли вдоль Изиса, глядя на баржи, прилепившиеся к противоположному берегу; на рыбачивших мальчишек, на шпили колледжа вдали.

Она была задумчива.

— Не тревожься так сильно, Карл. Нет ничего совершенного. Ты же можешь принимать жизнь, как она есть?!

Она была первой девушкой, с которой он чувствовал себя спокойно. Глогер засмеялся.

— Думаю, да. Почему бы и нет?

Она была такой прелестной. Ее белокурые волосы, длинные и шелковистые, часто спадали на лицо, закрывая большие голубые глаза, глядящие так искренно независимо от того, была ли она серьезна или шутила.

Те несколько недель он принимал жизнь, какой она была. Они спали в его маленькой комнате на чердаке дома Фридмена, не тревожимые даже похотливым интересом хозяина к их связи, не обращая внимания на письма, которые она иногда получала от родителей, спрашивавших, когда она вернется домой.

Ей было восемнадцать, впервые в Сомервилле, и были каникулы.

В первый раз, насколько он припоминал, его кто-то любил. Она безраздельно любила его, а он ее. Сперва ее страсть и забота обескураживали Глогера, внушали ему подозрение, так как он не верил, что кто-то может чувствовать такую любовь к нему. Постепенно он поверил в это и полюбил сам в ответ. Находясь в разлуке, они писали друг другу неуклюжие любовные стихи.

— Ты такой хороший, Карл, — говорила она. — Ты можешь сделать для мира что-то чудесное.

Он смеялся.

— Единственный талант, который у меня есть, — это жалость к себе.

— Стремление к самопознанию — вот что это.

Он пытался развеять ее идеалистические представления, но только убедил в собственной скромности.

— Ты как... как Персиваль... — сказала она ему однажды ночью, и он громко рассмеялся. Но, увидев, что причинил этим боль, поцеловал ее в лоб.

— Не глупи, Ева.

— Это правда, Карл. Ты ищешь священную чашу Грааля, и ты найдешь ее.

Впечатленный ее верой, он подумал, не права ли она. Может,

у него есть предназначение? Она заставила его почувствовать себя героем, он наслаждался ее обожанием.

Карл провел для Фридмена небольшое исследование и заработал этим достаточно денег, чтобы купить ей маленький серебряный анк (священный крест, символизировавший в древнем Египте жизнь). Она была восхищена подарком, так как питала в то время особый интерес к египтянам.

Но Глогер не долго довольствовался радостью ее любви. Он хотел проверить эту любовь, убедиться в ней. Она стала напиваться по вечерам, рассказывал ей грязные истории, затевал в пивных драки, в которых делал очевидным, что слишком труслив, чтобы продолжать их.

И она стала отдаляться от него.

— Ты заставляешь меня нервничать, — объясняла она печально.

— В чем дело? Ты не можешь любить меня ради меня самого? Ты знаешь, что это мне нравится. Я не Персиваль.

— Ты опускаешься, Карл.

— Я только пытаюсь показать, каков я на самом деле.

— Но на самом деле ты не такой. Ты милый, хороший... добрый...

— Я — жалеющий себя неудачник. Бери или уходи.

Она ушла. Вернулась домой к родителям. Глогер написал ей письмо и не получил ответа. Тогда он приехал к ней, но родители сказали, что ее нет дома.

Несколько месяцев его переполняло ужасное чувство потери, смутнения. Зачем он намеренно разрушил их отношения? Потому что он хотел, чтобы она приняла его таким, какой он есть, а не каким она воображала его. Но вдруг она была права? Не отверг ли он возможность стать чем-то лучшим? На этот вопрос Глогер ответить не мог.

* * *

Один из учеников Крестителя пришел за ним часом позднее и повел в дом на другой стороне долины.

В доме было только две комнаты, одна — для еды, другая — для сна.

Иоанн поджидал его в обеденной комнате со скудной утварью, жестом пригласив сесть на хлопковую циновку с противоположной стороны низкого стола, на котором стояла пища.

Глогер сел и скрестил ноги. Иоанн улыбнулся и рукой указал на стол.

— Начинай.

Мед и саранча оказались слишком сладкими, но это было приятным разнообразием после ячменя и козьего молока.

Иоанн Креститель ел с видимым удовольствием. Уже стемнело, и комната была освещена лампой — фитиль, плавающий в чашке с маслом. Снаружи доносилось глухое бормотание, стоны и вскрики молящихся.

Глогер макнул саранчу в чашку с медом.

— Зачем ты хотел видеть меня, Иоанн?

— Потому что пришло время.

— Время для чего? Ты хочешь поднять народ Иудеи на восстание против римлян?

Крестителя встревожил прямой вопрос.

— Если на то будет воля Адоная, — сказал он, не поднимая глаз от чашки с медом.

— Римляне знают об этом?

— Не думаю, Эммануил. Но Ирод-кровосмеситель, без сомнения, рассказал им, что я призываю против неправедных.

— Но римляне не арестовали тебя.

— Пилат не посмеет из-за петиции, посланной императору Тиберию.

— Что за петиция?

— Ее подписали Ирод и фарисеи*, когда прокуратор Пилат убрал щиты с обетами в Иерусалиме и хотел осквернить Храм. Тиберий одернул Пилата, и с тех пор, хотя он и ненавидит евреев, прокуратор более осторожен в обращении с ними.

— Скажи мне, Иоанн, ты знаешь, сколько времени Тиберий правит в Риме? — Раньше у Глогера не было возможности задать этот вопрос.

— Четырнадцать лет.

Это был 28 год нашей эры — чуть меньше года осталось до даты, на которой сходятся ученые, когда обсуждают вопрос датировки распятия. А его машина времени разбита!

Сейчас Иоанн Креститель готовит вооруженное восстание против оккупировавших Иудею римлян, но, если верить Евангелию, он скоро будет обезглавлен по приказу Ирода. Так что никакого крупного восстания в это время не произошло.

Даже те, кто считал, что приход Иисуса с апостолами в Иерусалим и захват Храма являются действиями вооруженных по-

* Фарисеи — высшее духовенство в Древней Иудее.

встанцев, не нашли письменных подтверждений, что это восстание возглавлял Иоанн.

Ему снова пришла мысль, что он может предупредить Иоанна. Но поверит ли Креститель? Скорее всего, нет. Глогеру Креститель нравился. Этот человек являлся закаленным революционером, годами планировавшим восстание против римлян и неустанно увеличивавшим число своих последователей, чтобы попытка оказалась успешной.

Иоанн очень напоминал Глогеру партизанского вожака времен Второй Мировой войны. Он обладал такой же жестокостью и пониманием реальности своей позиции. Он знал, что будет иметь всего одну попытку сокрушить когорты, оккупировавшие страну. Если восстание затянется, у Рима будет достаточно времени, что послать дополнительные войска в Иерусалим.

— Как ты считаешь, когда Адонай намерен уничтожить неправедных при твоём посредничестве? — тактично спросил Глогер.

Иоанн взглянул на него с некоторым удивлением.

— Пасха. Это время, когда народ наиболее взбудоражен и настроен против чужеземцев, — сказал он.

— Когда следующая Пасха?

— Через несколько месяцев.

Глогер некоторое время ел в молчании, затем посмотрел прямо в глаза Крестителю.

— Я играю какую-то роль в твоём плане, не так ли? — спросил он.

Иоанн посмотрел на пол.

— Ты был послан Адонаем помочь нам выполнить его волю.

— Как я могу помочь тебе?

— Ты — маг.

— Я не умею делать чудеса.

Иоанн вытер мед со своей бороды.

— Я не могу верить в это, Эммануил. Ты появился здесь чудесным образом. Ессеи не знали, дьявол ты или посланец Адоная.

— Ни то и ни другое.

— Почему ты сбиваешь меня с толку, Эммануил? Я знаю, что ты — посланец Адоная. Ты — тот знак, который ждали ессеи. Время почти наступило. Царство небесное скоро восстанет на земле. Идем с нами. Скажи людям, что ты говоришь голосом Адоная. Покажи великие чудеса.

— Твоя власть слабеет, не так ли? — Глогер пристально

посмотрел на Иоанна. — Ты нуждаешься во мне, чтобы укрепить надежды повстанцев?

— Ты говоришь, как римлянин, без всяких околочностей.

Иоанн поднялся, рассердившись.

Очевидно, подобно ессеям, с которыми жил, Иоанн Креститель предпочитал менее прямые способы выражения мыслей. На то были веские причины, так как эти люди все время боялись предательства. Даже записи ессеев были зашифрованы. Невинно выглядевшее слово или фраза означали на самом деле совершенно другое.

— Прости, Иоанн. Но скажи мне, прав ли я? — тихо проговорил Глогер.

— Разве ты не маг, прибывший неизвестно откуда в той колеснице? — Креститель махнул рукой и пожал плечами. — Мои люди видели твой приход! Они видели, как в воздухе появилась сверкающая сфера, треснула и позволила тебе выйти из нее. Это ли не чудо? Одежда, которая была на тебе — разве это обычная одежда? Талисманы внутри колесницы — разве они не говорят о могущественном волшебстве? Пророк сказал, что мессия придет из Египта, и звать его Эммануил. Так записано в книге Мики! Разве все это не правда?

— По большей части, да. Но есть объяснение... — он замолчал, не сумев придумать перевод слову “рациональное”. — Я — обычный человек, как и ты. У меня нет власти делать чудеса! Я только человек!

Иоанн злобно нахмурился.

— Значит, ты отказываешь нам в помощи?

— Я благодарен тебе и ессеям. Вы спасли мою жизнь. Если я могу отплатить чем-нибудь...

Иоанн решительно кивнул головой.

— Ты можешь отплатить, Эммануил.

— Как?

— Стать великим магом, который мне нужен. Позволь мне предъявить тебя тем, кто стал нетерпелив и сомневается в воле Адоная. Позволь мне рассказать, как ты появился здесь. Затем ты должен сказать, что все происходит по воле Адоная, и что они должны быть готовы исполнить ее.

Иоанн пристально посмотрел на Глогера.

— Согласен, Эммануил?

— Иоанн, нет ли способа, которым я мог бы помочь тебе, не обманывая ни тебя, ни себя, ни этих людей?..

Иоанн задумчиво посмотрел на него.

— Возможно, ты не осознаешь своего предназначения... — сказал он. — Почему бы и нет? В самом деле, если бы ты стал что-то требовать, я еще сильнее подозревал бы тебя. Эммануил, ты можешь поверить мне на слово, ты — тот, о котором говорило пророчество.

Глогер почувствовал себя побежденным. Как он мог спорить с верой? Может, он действительно тот человек, которого они ждали? Предположим, был некто, одаренный даром предвидения... О, это чепуха! Хотя, что он мог теперь сделать?

— Иоанн, тебе очень нужно знамение... Но предположим, появится настоящий волшебник...

— Он уже появился. Это ты. Я молился, и я знаю.

Как же объяснить Иоанну, что только отчаянная необходимость в помощи убедила его? Глогер вздохнул.

— Эммануил, ты поможешь народу Иудей?

Глогера передернуло.

— Дай подумать, Иоанн. Мне нужен отдых. Приходи утром, и тогда я отвечу тебе.

С некоторым удивлением он понял, что роли их поменялись. Теперь, вместо того, чтобы стараться сохранить расположение Крестителя, Глогер повернул дело так, что Креститель стремился завоевать его расположение.

Когда Глогер вернулся к себе в пещеру, то не смог сдержать широкую улыбку. Как, оказывается, просто получить власть. Но как использовать эту власть? Действительно ли у него есть предназначение? Сможет ли он изменить историю и стать ответственным за помощь евреям в изгнании римлян?

Глава 6

Быть евреем — значит быть бессмертным, — говорил ему Фридмен через несколько дней после того, как Ева вернулась к своим родителям. — Быть евреем — значит иметь предназначение, даже если это предназначение — просто выжить...

Фридмен был высоким массивным человеком с бледным полным лицом, циничным взглядом и почти совершенно лысый. Он любил плотные костюмы из зеленого твида. К Карлу Фридмен относился исключительно великодушно и, казалось, почти ничего не ожидал в ответ — разве только иногда составить аудиторию.

— Быть евреем — значит быть мучеником. Выпей еще наливки. — Он пересек кабинет и налил для Карла еще в большой стакан. — Вот где ты ошибался в ней, мой мальчик. Ты не смог выдержать успеха.

— Не думаю, что это правда, Джерард. Я хотел, чтобы она принимала меня таким, какой я есть...

— Ты хотел, чтобы она принимала тебя таким, каким ты видел себя, а не таким, каким видела она. Кто прав в этом случае? Ты видишь себя мучеником, не так ли? Какая жалость! Такая хорошенькая девушка! Ты мог бы передать ее мне вместо того, чтобы напрочь отпугнуть.

— О, не надо, Джерард. Я любил ее!

— Себя ты любил больше.

— А кто нет?

— Многие люди не любят себя совсем. Ты любишь себя, и это твое достоинство.

— Ты делаешь из меня Нарцисса.

— Ты не такой красивый, не обманывайся.

— В любом случае не думаю, что это как-то связано с тем, что я еврей. Ты и твое поколение всегда придают большое значение национальности. Вы как бы требуете компенсацию за то, что происходило при Гитлере.

— Возможно.

— Как бы там ни было, я не настоящий еврей. Меня не воспитывали в еврейской вере.

— С твоей-то матерью, и ты не был воспитан, как еврей?! Может быть, ты не ходил в синагогу, сынок, но ты многое получил другими путями...

— О, Джерард, ты не ответил мне, уводишь в сторону. Я все время думаю, как вернуть ее назад.

— Забудь о ней. Найди себе хорошенькую еврейскую девушку. Я советую тебе. Она поймет. Когда все сказано и сделано, Карл, эти нордические типы не годятся для того, что ты хочешь...

— Боже! Я не знал, что ты расист!

— Я только реалист...

— Я уже это слышал.

— Хорошо, если ты хочешь неприятностей...

— Может быть, хочу.

* * *

Отец...

Наполненные болью глаза.

Отец...

Двигающиеся без слов губы.

Тяжелый деревянный крест, барахтающийся в болоте, а с холма наблюдает изящный серебряный крест.

Черт... НЕТ!

Не должен спрашивать...

Только хотел... НЕТ!

ПОМОГИ МНЕ!

Нет.

* * *

— В официальной религии нет ничего хорошего, — говорил ему в пивной Джонни, недоучившийся приятель Джерарда. — Она просто не соответствует времени. Ты должен найти ответ в себе. Медитация!

У Джонни было худое, вечно обеспокоенное лицо. По словам Джерарда он учился на третьем курсе, и очень плохо.

— От религии ты берешь только утешение, отвергая ответственность, — сказал Фридмен, сидящий у стойки бара как раз позади Джонни.

Карл засмеялся.

Джонни повернулся к Джерарду.

— Это типично, не так ли? Ты не знаешь, о чем говоришь. Ответственность? Я не пацифист, готовый умереть за свои убеждения. Это больше, чем сделал бы ты.

— У меня нет никаких убеждений...

— Точно!

Карл снова засмеялся.

— Я буду пассивно сопротивляться любому человеку в этой пивной!

— О, заткнись! Я нашел то, что не найдет ни один из вас.

— Это, кажется, пошло тебе на пользу, — грубо сказал Карл, сразу же пожалел об этом и положил руку на плечо Джонни, но юноша скинул ее и ушел из бара.

Карл очень расстроился.

— Не тревожься о Джонни, — сказал Джерард. — Он всегда попадаетеся на чью-либо удочку.

— Я не об этом. Он прав. Он имеет что-то, во что верит. Я не могу найти ничего.

— Так спокойнее.

— Я не знаю, как ты можешь говорить о спокойствии при моем мрачном интересе к ведьмам и тому подобному.

— У каждого свои проблемы, — сказал Джерард. — Выпей еще.

Карл нахмурился.

— Я напал на Джонни только потому, что он смутил меня, выставив на посмешище.

— У каждого свои проблемы. Выпей еще.

— Хорошо.

* * *

Я пойман. Тону. Не могу быть самим собой. Сделан тем, что хотели другие. Неужели это судьба каждого человека? Не были ли великие индивидуалисты созданиями своих друзей, которые хотели иметь великих индивидуалистов в качестве друзей?

Великие индивидуалисты должны быть одиноки, чтобы люди считали их неуязвимыми. Под конец их уже не воспринимают людьми. Обращаются как с символом вещи, которой уже не существует. Они должны быть одинокими.

Никому не нужны.

Всегда есть какая-то причины быть одиноким.

Никому не нужны...

* * *

— Мама... я хочу...

— Кому есть дело до того, что ты хочешь? Отсутствовать почти год! Не писать. Как насчет того, что хочу я? Где ты был? Я могла умереть...

— Постарайся понять меня...

- Зачем? Ты когда-нибудь пытался понять меня?
— Да, я пытался...
— Черта с два! Чего ты хочешь на этот раз?
— Я хочу...
— Разве я не говорила, доктор сказал мне...

* * *

Одинок...
Мне нужно...
Я хочу...

* * *

— Ты ничего не получишь в этом мире, чего не заработал. И не всегда получишь даже то, что заработал.

Пьяный Глогер облокотился о стойку бара и слушал низкорослого краснолицего мужчину.

— Есть масса людей, не получающих того, что они заслуживают, — сказал бармен и засмеялся.

— Я имею в виду, что... — продолжал краснолицый мужчина медленно.

— Почему бы тебе не заткнуться? — сказал Карл.

— О, заткнитесь вы оба! — сказал бармен.

* * *

Любимая...
Изящная, нежная, милая.
Любовь...

* * *

— Твоя беда, Карл, — говорил Джерард, когда они шли к ресторану, где Джерард хотел угостить ленчем Карла, — в том, что ты все еще веришь в романтическую любовь. Погляди на меня. У меня полный набор недостатков... на которые тылюбишь иногда указывать так непочтительно. Я становлюсь ужасно грубым, наблюдаю черную мессу и тому подобное. Но я не бегаяю, потроша девственниц, — частично потому, что это противозаконно. А против вас, романтических извращенцев, нет закона, чтобы остановить. Я не могу заниматься любовью, если на ней не надето нижнее белье с черными кружевами, а ты не можешь сделать это, если не поклоняешься вечной любви, и она не поклоняется в ответ, и все ужасно запутывается. Ты причи-

няешь себе и бедным девушкам, которых используешь, страшный вред! Это отвратительно!

— Сегодня ты более циничен, чем обычно, Джерард.

— Нет, ни капельки. Я говорю абсолютно искренне... Я ни к кому не чувствовал привязанности за всю свою жизнь! Романтическая любовь! В самом деле, против нее должен быть закон. Отвратительно! Катастрофично! Посмотри, что случилось с Ромео и Джульеттой! Здесь предупреждение всем нам.

— О, Джерард...

— Почему ты не можешь просто спать с ней и наслаждаться? Остановись на этом. Считай это само собой разумеющимся! Не развращай при этом бедную девушку.

— Обычно они сами хотят этого.

— Ты прав, милый мальчик.

— Ты совсем не веришь в любовь, Джерард?

— Мой дорогой Карл, если бы я верил в какую-нибудь любовь, разве я стал бы тебя предостерегать?

Карл улыбнулся.

— Ты очень добр, Джерард...

— О, господи! Не надо, Карл, пожалуйста! Если ты еще раз помотришь на меня таким образом, я не буду кормить тебя дорогим ленчем, и это вполне серьезно.

Карл вздохнул. Единственный человек, который выказывал по отношению к нему какое-то корыстное расположение, был единственным, кто открыто говорил об этом. В самом деле, смешно.

* * *

Я хочу...

Мне нужно...

Я хочу...

* * *

— Моника, во мне чего-то не хватает...

— Чего именно?

— Ну, скорее, это отсутствие отсутствия, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— О, ради Бога...

* * *

— Ты впечатлительный, — говорила ему Ева.

— Нет, я говорил тебе, я жалею себя. Это похоже на впечатлительность?

— О, Карл, ты не делаешь себе никакого послабления?

— Послабления? Я не заслуживаю его.

* * *

— Что ты ищешь, Карл? — спросил Джерард за ленчем.

— Не знаю. Возможно, Чашу Грааля. Еве казалось, что я найду ее.

— Почему бы и нет? В наши дни она стояла бы целое состояние! Не взять ли нам еще бутылочку?

— Ты знаешь, Джерард, я не мученик. Я не святой, не герой, не бездельник какой-нибудь. Я — просто я сам. Почему люди не могут принимать меня таким?

— Карл, мне ты нравишься именно такой.

— Зачем ты опекаешь меня? Я нравлюсь тебе запутавшимся — ты это имеешь в виду?

— Может быть, ты прав. Еще бутылочку?

— Хорошо.

* * *

Джерард предложил платить, чтобы Глогер мог изучать психологию.

— Я делаю это только потому, что боюсь, что с тобой что-нибудь случится. Ты даже можешь примкнуть к Католической церкви!

Он слушал курс целый год, а потом бросил ходить на занятия. Все, что он хотел — это изучать Джанга, а они настаивали, чтобы он учился и другим дисциплинам, большую часть которых нашел совершенно неинтересными.

* * *

Боже?

Боже?

Боже?

Нет ответа.

* * *

С Джерардом он был внимательным, серьезным и разумным.

С Джонни он был снисходителен, насмешлив.

С некоторыми он был спокоен. С некоторыми — шумным. В компании глупцов он был счастлив, как глупец. В компании тех, кем восхищался, был доволен, если казался проницательным.

— Почему я разный с разными людьми, Джерард? Я не знаю, кто я на самом деле. Который из этих людей — я, Джерард? Что неправильно во мне?

— Может быть, ты слишком стараешься понравиться, Карл.

Глава 7

Он снова встретил Монику летом 1962 года, вскоре после того, как бросил занятия. В то время он брался за любую работу, и его психика была очень неустойчивой.

Моника оказалась очень кстати — искусный проводник в умственной темноте, готовый поглотить его.

Оба они жили недалеко от Голландского парка и встретились там однажды в воскресенье у пруда с золотыми рыбками в декоративном палисаднике.

Они ходили в парк почти каждое воскресенье. К тому времени он был полностью одержим странным христианским мистицизмом Джанга.

Она, всегда презиравшая Джанга, вскоре стала обхаивать перед Карлом все идеи этого учения.

Хотя Моника и не полностью убедила Карла, ей удалось сбить его с толку.

Прошло шесть месяцев прежде, чем они легли в постель.

* * *

Он проснулся и увидел Иоанна, склонившегося над ним. На бородатом лице Крестителя было выражение нетерпеливого ожидания.

— Ну, Эммануил?

Карл почесал собственную бороду и кивнул.

— Хорошо, Иоанн, я помогу вам ради тебя, потому что ты спас мне жизнь и стал моим другом. Но взамен ты пошлешь людей притащить мою колесницу сюда, и как можно быстрее. Я хочу посмотреть, нельзя ли ее починить.

— Я сделаю это.

— Не питай слишком большую надежду на мою силу, Иоанн...

— Я абсолютно верю в нее...

— Надеюсь, ты не будешь разочарован.

— Не буду. — Иоанн положил ладонь на плечо Глогера. — Ты должен крестить меня, показать всем, что Адонай с нами.

Глогера все еще тревожила вера Крестителя в его власть, но ему больше нечего было сказать. Если другие разделяют веру Крестителя, тогда, возможно, он сможет что-нибудь сделать.

Глогер снова стал оживленным, как и предыдущим вечером,

и на его лице непроизвольно появилась широкая улыбка. Креститель засмеялся, сперва неуверенно, но затем все более непринужденно.

Глогер тоже засмеялся. Он не мог остановиться, часто прерываясь, чтобы захватить ртом побольше воздуха.

Совершенно невозможно представить себе, что он оказался тем человеком, который вместе с Иоанном Крестителем подготавливает путь для Христа. Тем не менее, Христос еще не появился. Возможно, догадался Глогер, дело происходит за год до распятия.

И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единорожденного от Отца. Иоанн свидетельствует о Нем, и, восклицая, говорит: Сей был тот, о котором я сказал, что идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня.

От Иоанна, гл. 1: 14-15

Было слишком жарко.

Они сидели под навесом кафетерия, наблюдая за проходящим в отдалении матчем в крикет.

Неподалеку от них на траве сидели две девушки и парень. Вся компания пила апельсиновый сок из пластмассовых чашек. У одной из девушек на коленях лежала гитара, и она, поставив чашку на землю, начала играть, запев высоким нежным голосом народную песню.

Карл попытался прислушаться к словам. В колледже ему привили вкус к традиционной народной музыке.

— Христианство мертво, — Моника отхлебнула чаю. — Религия умирает. Бог был убит в 1945 году.

— Еще возможно возрождение, — сказал он.

— Будем надеяться, что нет. Религия — это создание страха. Знание уничтожает страх. Без страха религия не может выжить.

— Ты думаешь, в наши дни нет страха?

— Это не тот страх, Карл.

— Ты никогда не задумывалась над идеей Христа? — спро-

сил он, изменив тактику. — Что это значит для христиан?

— Идея трактора означает столько же для марксиста, — ответила Моника.

— Но что появилось первым? Идея или подлинный Христос? Она пожала плечами.

— Подлинный, если это имеет значение. Иисус был еврейским смутьяном, организовавшим восстание против римлян. За это его распяли. Это все, что мы знаем, что нам нужно знать.

— Великая религия не могла начаться так просто.

— Когда люди нуждаются в ней, они создадут великую религию из самого невероятного начала.

— Об этом я и говорю, Моника, — он энергично махнул рукой, и она слегка отодвинулась. — Идея предшествовала подлинному Христу.

— О, Карл, не продолжай. Подлинный Иисус предшествовал идее о Христе.

Мимо прошла пара, бросив любопытствующие взгляды на спорящих.

Моника заметила это и замолчала.

— Почему ты так стремишься ниспровергнуть религию, насмеяешься над Джангом? — спросил он.

Моника поднялась, и Глогер встал тоже, но она покачала головой.

— Я иду домой, Карл. Ты оставайся здесь. Увидимся через несколько дней.

Он смотрел, как она шла по широкой дорожке к воротам парка. Возможно, ее компания устраивает меня потому, подумал Карл, что она готова спорить так же страстно, как и я. Или, во всяком случае, почти так же.

* * *

Упыри.

Мы с ней одного поля ягоды.

* * *

На следующий день, вернувшись домой с работы, он обнаружил письмо.

Моника, должно быть, написала его после того, как они расстались в кафе, и отправила в тот же день. Он открыл конверт и стал читать.

"Дорогой Карл!

Беседа, как видно, не оказывает на тебя большого воздействия, и тебе это известно. Как будто ты слушаешь тон голоса, ритм слов, не слыша того, что тебе стараются объяснить. Ты немного похож на чуткое животное, которое не может понять, что ему говорят, но может различить, в хорошем или плохом настроении находится человек, разговаривающий с ним. Поэтому я пишу тебе — пытаюсь донести до тебя свои мысли. Ты реагируешь слишком эмоционально, когда мы вместе..."

Он улыбнулся. Одной из причин, по которым ему доставляло такое удовольствие общаться с ней, было то, что от Моника можно было ожидать активной реакции.

"...Ты делаешь ошибку, рассматривая Христа и христианство, как нечто, развивавшееся в течение немногих лет, от смерти Иисуса до времени написания Евангелия. Но христианство не было чем-то новым. Христианство — просто стадия в процессе встречи, взаимного оплодотворения и трансформации западной логики и восточного мистицизма. Взгляни, как религия сама изменилась в течение столетий, интерпретируя себя, чтобы соответствовать изменчивым временам. Христианство — просто новое название для конгломерата старых мифов и философий. Все, что делает Евангелие, это пересказывает старый миф о Солнце и фальсифицирует некоторые идеи римлян и греков.

Даже во втором столетии еврейские ученые отмечали, какой смесью является Евангелие!

Они подчеркивали сильное сходство между различными мифами о Солнце и мифом о Христе. Чудес не было — их изобрели позднее, заняв у разных источников.

Вспомни тех старых викторианских схоластов, которые утверждали, что Платон, в действительности, был христианином, потому что предвидел христианскую мысль!

Христианство стало проводником идей, находившихся в обращении за столетия до Христа. Разве был Марк Аврелий христианином? Он писал в традициях западной философии. Именно поэтому христианство пришло в Европе, а не на Востоке!

Ты должен бы стать теологом со своими наклонностями, а не пытаться быть психологом. То же самое относится и к твоему другу Жангу.

Постарайся очистить голову от всей этой мрачной чепухи, и твоя жизнь станет намного проще.

Твоя Моника".

Он скомкал письмо и отбросил его в сторону. Позже ему захотелось перечитать его, но он устоял перед соблазном.

* * *

Машина времени показалась Глогеру незнакомой.

Возможно, он настолько привык к примитивной жизни есеев, что треснувший шар выглядел для него так же странно, как и для них.

Глогер нажал кнопку, которая должна была управлять снаружи входным шлюзом, но ничего не произошло.

Он забрался внутрь сквозь трещину. Вся жидкость исчезла, он знал это. Без ее амортизирующих свойств любые путешествия сквозь время, видимо, просто убьют его.

Иоанн Креститель сунул голову внутрь машины, будто боясь, что Глогер попытается бежать в своей колеснице.

Глогер улыбнулся ему.

— Не тревожься, Иоанн.

Моторы не работали, и даже если бы он снял с них кожухи, его технических знаний не хватало, чтобы их починить. Ни один из приборов не работал. Машина времени была мертва.

Понимание ситуации поразило его шоком. Вероятно, он уже никогда снова не увидит двадцатое столетие, не расскажет, чему был свидетелем здесь.

Слезу выступили у него на глазах, и, спотыкаясь, он выбрался из машины, оттолкнув Иоанна в сторону.

— Ты что, Эммануил?

— Что мне здесь надо? Что мне здесь надо?! — закричал Глогер по-английски, и слова получились нечеткими. Они тоже показались ему незнакомыми. Что происходит с ним?

Он подумал было, не иллюзия ли все это — вроде затянувшегося сна. Идея машины времени казалась ему теперь совершенно абсурдной, невозможной.

— О, Господи, — простонал он, — что происходит?!

Снова ощущение, что все покинули его, овладело им.

Глава 8

Где я?
Кто я?
Что я?
Где я?

* * *

— Время и личность, — любил говорить с энтузиазмом Хедингтон, — две большие тайны. Углы, кривые, мягкая и жесткая перспективы. Что мы видим? Что мы такое? Чем мы можем быть или были? Все это — искривления и повороты времени. Я презираю теории, настаивающие на рассмотрении времени, как четвертого измерения, описывающие его в пространственных эпитетах. Неудивительно, что они ни к чему не привели. Время не имеет ничего общего с пространством — оно связано с психикой. О! Никто не понимает. Даже вы!

Члены группы считали его немного чокнутым.

— Я — единственный, — сказал он серьезно и спокойно, — кто действительно понимает природу времени...

— К слову... — сказала твердо миссис Рита Блейн, — я думаю, что подошло время чая, не так ли?

Остальные с энтузиазмом согласились. Миссис Рита Блейн была немного нетактична. Хедингтон обиженно встал и ушел.

— Ну и пусть, — сказала она, — ну и хорошо...

Но остальные остались недовольны ею. Хедингтон, в конце концов, был хорошо известен и придавал группе определенный престиж.

— Надеюсь, он вернется, — пробормотал Глогер.

Он иногда страдал мигренью. Появлялось головокружение, тошнота, полное погружение в боль.

Часто во время приступов он начинал представлять себя другой личностью — персонажем из книги, которую читал; каким-нибудь политиком из передачи новостей; исторической личностью, если в это время читал мемуары.

Все эти личности отличала одна особенность — беспокойство, тревога. Хейст в "Победе" был одержим тремя людьми, появившимися на острове, он стремился остановить их и, если это возможно, убить. (В роли Хейста Глогер был несколько более грубым, чем когда воображал себя героем Конрада). После того,

как ознакомился с историей Русской революции, Глогер был убежден, что его имя — Зиновьев, министр транспорта и связи. Он очень боялся, как бы его не вычистили из Партии через несколько лет.

Глогер лежал в темной комнате, и голова раскалывалась от тошнотворной боли. Заснуть было невозможно, потому что невозможно было найти решений гипотетических проблем, одолевших его. Он полностью терял ощущение собственной личности и обстоятельств, которые напомнили бы, где и когда он находится.

Когда он рассказал об этом Монике, ее позабавил рассказ.

— Однажды, — сказала она, — ты проснешься и спросишь, кто ты, а я не скажу тебе.

— Хороший из тебя психиатр получился, — засмеялся он.

Ни один из них не беспокоился по поводу этих галлюцинаций. Глогер жил одним днем, не обращая внимания на свои шизоидные наклонности, только его поведение иногда менялось в соответствии с компанией, в которой он находился; и он замечал, что бессознательно имитирует нюансы речи других людей, но понимал, что в какой-то степени это делает каждый человек. Это часть жизни.

Иногда он задумывался над этой проблемой, удивляясь сращиванию индивидуальности других людей с собственной.

Например, выпивая в каком-нибудь баре, он мог вскочить из-за стола и сделать что-нибудь странное, ухмыляясь при этом Монике.

— Посмотри на меня, — говорил он, — смотри... коралловый остров...

Она недовольно хмурилась.

— Что с тобой на этот раз? Ты добьешься, что нас выгонят.

— Вокруг меня только море. Я — Билл-Прилипала, — заводил он.

— Ты быстро пьянеешь, Карл, в этом твоя беда...

— Наоборот, я могу выпить слишком много — вот в чем дело.

— Эй, во что это ты играешь? — сказал мужчина за стойкой, чей локоть он толкнул.

— Я и сам хотел бы знать, друг. Сам хотел бы знать.

— Пойдем, Карл. — Она встала, потянув его за руку.

— Чем больше живет какой-нибудь человек, тем меньше остается мне, — сказал он, когда она протаскивала его сквозь проем двери.

* * *

Бары и спальни. Спальни и бары. Казалось, большую часть своей жизни он проводил в полумраке. Даже книжный магазин казался тусклым.

Конечно, были исключения — солнечные и светлые зимние дни. Но все его воспоминания о Монике были связаны с сумраком. Какой бы ни был час, они всегда находились в каком-то сумраке после того, как впервые легли в постель.

Однажды Глогер сказал:

— У меня тусклый ум...

— Если ты имеешь в виду грязные мысли, я согласна с тобой,
— ответила она.

Он игнорировал замечание.

— Думаю, это из-за матери. Она никогда не имела слишком твердой связи с реальностью...

— С тобой все в порядке, если ты будешь трезво мыслить. Может быть, небольшое количество нарциссизма...

— Кто-то говорил мне, что я слишком ненавижу себя.

— Ты всего лишь слишком много думаешь о себе...

* * *

Он держал свой обрезанный пенис и глядел на него с сентиментальной нежностью.

— Ты — единственный друг, который у меня есть. Единственный мой друг...

Часто пенис оживал в его мыслях, становясь приятным другом, дарителем удовольствия. Немного озорник, но всегда приводил его к неприятностям.

* * *

Матовые серебряные кресты, лежащие на поверхности сверкающего моря.

Плюх!

Деревянные кресты падают с неба.

Плюх!

Разрывают поверхность моря, раскалывают серебряные распятия на куски.

* * *

— Почему я уничтожаю все, что люблю?

— О, Боже, прекрати эту сентиментальную подростковую чушь, Карл, пожалуйста!

* * *

Плюх!

* * *

Через все пустыни Аравии прошел я, раб солнца, в поисках
моего Бога.

* * *

— Время и личность — две большие тайны.

* * *

Где я?

Кто я?

Что я?

Где я?

Глава 9

Пять лет в прошлом.

Почти две тысячи лет в будущем.

Лежа в горячей потной постели с Моникой.

Еще одна попытка сделать любовь нормальным путем постепенно перешла в исполнение с небольшими отклонениями акта, который, кажется, удовлетворял ее лучше, чем другие способы.

Их настоящие любовные игры и завершение акта были еще впереди. Как обычно, это должно было произойти словесно. Как обычно, кульминацией являлся гневный спор.

— Полагаю, ты собираешься сказать мне, что снова не удовлетворен, — сказала она и забрала зажженную им сигарету.

— Мне хорошо, — сказал он.

Они лежали некоторое время, пока курили. Постепенно, несмотря на уверенность в том, что знает, каков будет результат, он заговорил:

— Смешно, не правда ли? — начал он.

Он ждал ее ответа. Пусть потянет с ним еще немного, если хочет.

— Что? — спросила она наконец.

— Все. Ты проводишь день, пытаешься помочь невротикам с их сексуальными проблемами. И ты проводишь ночи, делая то же, что и они.

— Не в такой степени. Ты знаешь, что вопрос тут в мере.

— Это ты так считаешь.

Он повернул голову и посмотрел на нее, подсвеченную блеском звезд, проходившим через незашторенное окно. Худощавые черты лица, рыжие волосы и спокойный, профессиональный, убеждающий голос психиатра.

Голос ее был мягким, благоразумным, неискренним. Только случайно, когда она становилась особенно возбужденной, голос выдавал ее настоящий характер.

Она, думал он, никогда, кажется, не расслабляется, даже во сне. Глаза вечно настороженные, движения — обдуманные. Каждый ее дюйм находится под защитой, почему, вероятно, она и получает так мало удовольствия из-за обычных способов любви.

Он вздохнул.

— Ты просто не можешь расслабиться, не так ли?

— О, заткнись, Карл. Если ты ищешь невротика, то посмотри на себя.

Они широко использовали психологическую терминологию, чувствовали себя счастливее, если могли дать чему-нибудь название.

Глогер откатился от нее, нащупав пепельницу на туалетном столике и одновременно посмотрев на себя в зеркало.

Он увидел желтоватое напряженное лицо мрачного еврейского священника, в голове которого полно образов и неразрешимых навязчивых идей, а в теле — противоречивых желаний. Он всегда проигрывал эти споры с Моникой. Она доминировала в их паре, по крайней мере словесно.

Такая перепалка часто казалась ему более извращенной, чем любовные забавы, где, во всяком случае обычно, его роль была мужской. В последние дни, решил он, поведение мое было существенно пассивным, мазохистским, нерешительным. Даже гнев, довольно частый, ни к чему не приводил.

Моника была на десять лет старше его, на десять лет ожесточеннее. Он был убежден, что как личность она обладала большим динамизмом. И все же у нее было много неудач в работе. Она становилась все циничнее, но еще надеялась на блистательные успехи с пациентами.

Мы пытаемся сделать слишком много, вот в чем беда, думал он. Священник в исповедальне дает отпущение грехов, психиатр старается излечить, и, в большинстве случаев, оба терпят неудачу. Но по крайней мере, они пытались, думал Глогер, а затем спрашивал себя, является ли это, в конце концов, добродетелью.

— Я поглядел на себя, — сказал он.

Не заснула ли она?

Он оглянулся.

Ее настороженные глаза были открыты, и она смотрела в окно.

— Я поглядел на себя, — повторил он. — Как делает это Джанг: “Как я могу помочь этим людям, если я сам беглец от действительности и, возможно, еще страдаю неврозами?” Вот что Джанг спрашивал у себя.

— Этот старый сенсуалист!.. Этот старый рационалист своего собственного мистицизма. Неудивительно, что из тебя не получился психиатр.

— Я все равно не стал бы хорошим врачом. Это не имеет ничего общего с Джангом...

— Не вымещай на мне свое разочарование...

— Я хотел помогать людям, но не мог найти пути к ним. Ты сама говорила, что чувствуешь то же самое, что считаешь все бесполезным.

— После тяжелой недели работы я могу так сказать. Дай мне еще сигарету.

Он открыл пачку, сунул две сигареты себе в рот, прикурил их и протянул одну ей.

Почти бессознательно он заметил, что напряженность возрастает.

Спор, как всегда, был бессмысленным. Но не сам спор являлся важным; он просто выражал сущность их связи. Глогер спрашивал себя, является ли и это важным тоже?

— Ты не говоришь мне правду, — теперь не остановиться, ритуал в полном разгаре.

— Я говорю практическую правду. У меня нет желания бросать работу. Уйти. Я не хочу стать неудачницей...

— Неудачницей?! Ты более драматизируешь, чем я.

— Ты слишком серьезный, Карл. Ты пытаешься прыгнуть выше головы.

Он фыркнул:

— Если бы я был тобой, я бы бросил работу, Моника. Ты не больше меня подходишь для нее.

Она пожала плечами, натянув простыню.

— Ты — мелкий негодяй.

— Я не ревную тебя, если ты это думаешь. Ты никогда не поймешь, что я ищу.

Ее смех стал язвительным.

— Современный человек в поисках души, а? Современный человек в поисках костыля! И ты можешь понимать это так, как тебе нравится.

— Ты уничтожаешь миф, который приводит в движение мир.

— Теперь ты скажешь: "А чем мы заменим его?" Ты банальный и глупый, Карл. Ты никогда ни на что не смотришь рационально, даже на себя.

— Ну и что? Ты говорила, что миф не нужен.

— Важна действительность, которая его создает.

— Джанг знал, что миф может, в свою очередь, творить реальность.

— Что доказывает, каким тупым старым дураком он был.

Глогер вытянулся на постели. Делая это, он коснулся ее тела

и отодвинулся. Он почесал голову. Моника лежала, еще дымя сигаретой, но теперь улыбалась.

— Ну, давай, — проговорила она, — скажи что-нибудь о Христе.

Глогер промолчал.

Моника протянула ему окуроч, и он положил его в пепельницу. Затем посмотрел на часы.

Было два часа ночи.

— Почему мы делаем это? — сказал он.

— Потому что должны.

Она положила руку ему на затылок и пригнула голову к своим грудям.

— Что еще мы можем делать?

Он заплакал.

Великодушная в своей победе, она гладила его голову и тихим голосом успокаивала.

Десять минут спустя он яростно любил ее. Затем, спустя еще десять минут, он снова плакал.

* * *

Предательство.

Он предал себя и, таким образом, был предан сам.

* * *

— Я хотел помочь людям.

— Ты лучше сначала найди кого-нибудь, кто поможет тебе.

— О, Моника, Моника.

“Мы, протестанты, рано или поздно должны задать себе этот вопрос: понимаем ли мы ”подражание Христу” в том смысле, что должны копировать его жизнь и, если можно использовать такое выражение, передразнивать его позор; или, в более глубоком смысле, мы должны прожить нашу жизнь так же праведно, как прожил свою он, во всем значении этого понятия? Нелегкое дело — прожить жизнь, подобную Христу, но невыразимо труднее прожить собственную жизнь так же праведно, как прожил свою Христос. Любой, кто сделает это, будет...

недооценен, высмеян, замучан и распят... Невроз — это распад личности”.

Джанг “Современный человек в поисках души”

Одинок.

Я одинок....

* * *

— Итак, он умер. Никогда не послал мне даже пенни, пока был жив. Никогда не приезжал повидать тебя. Теперь он оставляет тебе свое дело.

— Мама, это был книжный магазин. Он, вероятно, не очень преуспевал.

— Книжный магазин! Типично для него. Книжный магазин!

— Я продам его, если хочешь, мама, и отдам тебе деньги.

— Премного благодарна, — сказала она с иронией. — Нет, оставь его себе. Может быть тогда ты перестанешь занимать у меня деньги.

— Интересно, почему он не написал раньше? — сказал он.

— Они могли бы пригласить нас на похороны.

— Ты бы поехала?

— Он был моим мужем, не так ли? Твоим отцом.

— Думаю, им потребовалось время, чтобы найти, где мы живем.

— Сколько Глогеров в Лондоне?

— Действительно. Если подумать... странно, что ты никогда не слыхала о нем.

— Я не интересовалась. Его фамилия не значится в телефонной книге. Как называется магазин?

— “Мандала”. Он находится на Рассел-стрит.

— Мандала? Это что за название?

— Он торговал книгами о мистике и тому подобном.

— Похоже, что ты пошел в него, не правда ли? Я всегда говорила, что ты пойдешь по его стопам.

* * *

Он старался разобраться с книгами отца. Часть магазина была в относительном порядке; книги расставлены по полкам,

теснившимся на небольшой площади. Однако со стороны черного входа помещение было завалено качающимися стопками книг, достигавшими потолка, окружавшими неприбранный стол. А в подвале было даже больше книг; среди них змеились узкие проходы, похожие на лабиринт.

Глогер отчаянно пытался привести в порядок хоть часть помещения. Но, в конце концов, он просто оставил книги лежать там, где они были, изменив только кое-что в помещении для покупателей; завез кое-какую мебель для себя на второй этаж. После этого он почувствовал себя устроенным.

Разбирая книжные завалы, он наткнулся на изданные маленьким тиражом поэмы, подписанные именем некоего Джона Фрая. Работница магазина сказала, что их написал его отец.

Глогер прочитал несколько. Они оказались не очень хорошими, скорее высокопарными, напичканные символами и фантазиями. Но они раскрывали личность, настолько похожую на него самого, что Глогер не смог дочитать их до конца.

— Он был чудаковатым стариком, — сказал толстый посетитель с красным лицом пьяницы, пришедший купить книги о магических обрядах негров, — думаю, немного спятившим. Мне показалось, что он злой. Всегда кричал на людей. Ты знал его?

— Не очень хорошо, — сказал Глогер. — Сваливай отсюда! Это был первый храбрый поступок, когда-либо совершенный им, насколько он мог припомнить. Когда мужчина, спотыкаясь, выскочил из магазина, Глогер ухмыльнулся.

Первые несколько месяцев владения магазином придали ему ощущения собственного статуса. Но по мере того, как приходили счета, и надо было иметь дело с трудными клиентами, чувство это постепенно теряло привлекательность.

* * *

Глогер проснулся и громко сказал:

— Что я здесь забыл? Это совершенно невозможно! Путешествий во времени просто не существует.

Ему не дали убедить себя. Сон Глогера был беспокойным, полным воспоминаний. Он даже не был уверен наверняка, что это воспоминания. Неужели он на самом деле жил когда-то в другом месте, в другом времени?

Он встал, обернул холщовую повязку вокруг бедер и вышел из пещеры.

Утреннее небо было серым, солнце еще не поднялось. Когда

Глогер шел к реке, босыми ногами он ощущал холодную землю.

Дойдя до берега, он наклонился, чтобы умыть лицо, и посмотрел на отражение в темной воде. Волосы были длинными, спутанными, борода закрывала всю нижнюю часть лица, глаза блестели безумством. Он ничем не отличался от любого из ессеев, за исключением, пожалуй, мыслей. А мысли многих ессеев были достаточно странными, вряд ли безумнее его убеждения, что он является гостем из будущего!

Глогер плеснул холодную воду в лицо и содрогнулся.

Машина времени существует на самом деле. Он видел ее только вчера. Она является доказательством. Тем не менее, подобные рассуждения нужно откинуть, как ненужные, они только утверждают его в собственной слабости.

С другой стороны, как быть с убеждением Иоанна, что Глогер — великий волшебник? Может, не возражать, доказать свою силу пророка. Но будет ли правильно, что Иоанн воспользуется этим, чтобы восстановить пошатнувшуюся веру тех, кто готовит восстание? Не имеет значения! Он здесь, и это происходит с ним, и он ничего не может сделать. Глогеру нужно остаться в живых, чтобы через год стать свидетелем распятия, если оно и в самом деле произойдет.

Но почему он так стремится увидеть это? Почему распятие должно оказаться доказательством божественного происхождения Христа?

Может, это и не доказательство, но распятие все-равно необходимо увидеть.

Будет ли Христос похож на Иоанна Крестителя? Или он — более тонкий политик?

Глогер улыбнулся и повернул назад, к деревне, но вдруг почувствовал напряжение. Что-то драматическое должно было произойти сегодня, что решит его будущее. Он воспротивился идее крестить Крестителя. Это было неправильно. Он не имел права заменять собой великого пророка. Глогер почесал голову в том месте, где она немного болела. Хотелось бы, чтобы все произошло раньше, чем он увидит Иоанна.

“Наше рождение — это только сон и прощенье”.

Уордсворт

Пещера казалась уютной — ее наполняли мысли и воспоминания. Глогер вошел в нее с некоторым облегчением.

Через некоторое время он покинет пещеру навсегда. У него не будет путей к отступлению.

* * *

— В жизни мы стали играть свои роли достаточно рано, — говорил он группе. — И не обманывайтесь звучным термином “прототип”, так как он приложим как к банковскому клерку, живущему в Шеппертоне, так и к великим историческим фигурам. “Прототип” не равнозначно слову “героический”. Внутренняя жизнь банковского клерка так же богата, как ваша или моя. Роль, которую, как ему кажется, он исполняет, так же важна для него, как ваша для вас. Хотя его сельский костюм может ввести вас в заблуждение и обмануть тех, с кем он живет и работает...

— Чепуха, чепуха, — сказала Сандра Петерсон, взмахнув крупными руками. — Они не прототипы, а стереотипы...

— Нет, — настаивал Глогер. — Бесчеловечно судить людей подобным образом...

— Не знаю, что вы имеете в виду, но серые люди — силы посредственности, которые стараются тащить других вниз!

Глогер был шокирован почти до слез.

— В самом деле, Сандра, я пытаюсь объяснить...

— Я уверена, что ты совершенно неправильно истолковываешь Джанга, — сказала она твердо.

— Я изучил все, что он написал.

— Я думаю, в словах Сандры есть смысл, — сказала миссис Рита Блейн. — В конце концов, мы здесь именно для того, чтобы разобраться в подобных вещах, не так ли?

* * *

Это могло получиться.

Он рассчитал время правильно.

Когда Моника вошла в квартиру над книжным магазином, газ был открыт. Его запах наполнял комнату. Глогер лежал рядом с плитой. Она открыла окно, потом подошла к нему.

— Господи, Карл, что ты только не придумаешь, чтобы привлечь внимание к себе.

Он засмеялся.

— Боже, неужели я настолько прозрачен?

— Я ухажу, — сказала она.

Моника не звонила почти полмесяца. Но он знал, что она позвонит. В конце концов, время уходит, а она не такая уж красивая. У нее есть только он.

— Я люблю тебя, Моника, — сказал он, забравшись к ней в постель.

У нее была своя гордость. Она не ответила.

* * *

Иоанн стоял у входа в пещеру и звал его:

— Пора, маг!

Глогер неохотно вышел из пещеры и умоляюще взглянул на Крестителя.

— Иоанн, ты уверен?

Креститель повернулся и зашагал к реке.

— Идем. Они ждут.

* * *

— Моя жизнь — сплошная путаница, Моника.

— Как у любого другого человека, Карл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10

“И у тебя Человеческое Лицо и Человеческие Руки, Ноги и Дыханье, входя сквозь Врата Жизни и уходя сквозь Врата Смерти”.

Уильям Блейк “Иерусалим: к евреям”

Иоанн стоял по пояс в медленно текущей воде реки. Все ессеи пришли на крещение. Они молчали на высоком берегу. Находясь на полоске песчаной почвы между обрывом берега и водой, Глогер глядел на Крестителя и говорил на своем странном, с сильным акцентом, арамейском:

— Иоанн, я не могу, мне нельзя делать это.

Креститель нахмурился.

— Ты должен.

Глогер тяжело дышал, его наполненные слезами глаза смотрели на Иоанна с мучительной мольбой. Но Креститель не оказал ему никакого снисхождения.

— Ты должен, это твой долг!

У Глогера закружилась голова, когда он спускался в реку к Крестителю. Он стоял в воде, дрожа, неспособный двигаться.

Нога поскользнулась на камне, и Иоанн схватил его за руку, не дав упасть.

На ясном суровом небе солнце стояло в зените, обжигая непокрытую голову Глогера.

— Эммануил! — закричал вдруг Иоанн. — Дух Адоная вошел в тебя!

Глогер вздрогнул.

— Что?.. — сказал он по-английски, мигая от солнечного света.

— Дух Адоная в тебе, Эммануил!

Глогеру трудно было произнести что-либо. Он покачал головой. Боль в висках не проходила, и наоборот, усилилась. Он едва мог смотреть. Глогер понял, что мигрень станет мучить его снова, от нее даже в прошлом не спастись. Все сильнее тошнило.

Голос Иоанна казался далеким и искаженным. Все вокруг как бы затянуло туманом, и Глогер повалился на Крестителя.

Потом он почувствовал, что Иоанн поймал его, и услышал свой отчаянный крик:

— Иоанн, ты должен крестить меня! — а затем в рот ему попала вода, и он закашлялся. Глогер не чувствовал подобной паники с ночи, когда в первый раз лег в постель с Моникой и подумал тогда, что он импотент.

Иоанн что-то кричал.

Какими бы ни были слова, они вызвали реакцию людей на берегу.

Рев в ушах Глогера усилился, и тон этого звука изменился. Глогер барахтался в воде, потом почувствовал, как его поднимают на ноги.

Паника еще переполняла его, усиленная болью. Глогера вытошнило в воду. Руки Иоанна больно сжали его плечи и направили к берегу.

Он подвел Иоанна.

— Прости, — сказал он, — прости, прости, прости...

Из-за него Иоанн потерял последний шанс на победу.

— Прости, прости.

Снова у него не хватило сил сделать нужную вещь.

— Прости...

Рты ессеев издавали особое ритмичное жужжание, тела раскачивались в такт со звуком. Тон звука повышался, когда они наклонялись в одну сторону, и понижался, когда их качало в другую.

Когда Иоанн отпустил его, Глогер зажал уши. Его все еще мутило, но желудок уже был почти пуст.

Он, спотыкаясь, побрел прочь, едва удерживая равновесие, затем побежал, не отнимая рук от ушей, побежал по каменистой пустоши, а солнце пульсировало в небе, и жара волнами била в его голову.

Побежал прочь.

Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и ты ли приходишь ко мне?

Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнять всякую правду.

Тогда Иоанн допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се,

отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспущался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором мое благоволение.

От Матфея, гл. 3: 14-17

Ему было пятнадцать. Он прилично учился в средней школе.

Глогер читал в газетах о шайках стилиг, появившихся в Южном Лондоне, но подростки, которых он встретил, одетые в псевдо-викторианские наряды, казались безвредными и достаточно глупыми.

Он ходил в кино в Брикстон-хилле и решил пройтись пешком домой до Стритхэм, потому что потратил автобусные деньги на мороженое.

Подростки вышли из кинотеатра одновременно с ним. Глогер не заметил, как они последовали за ним по улице.

Затем, совсем неожиданно, они окружили его.

Это были бледные, с жесткими лицами парни, большинство на год или два старше, чем он. Глогер понял, что смутно знает двоих. Они ходили в соседнюю школу и пользовались одним и тем же футбольным полем.

— Привет, — сказал он слабым голосом.

— Привет, сынок, — сказал самый старший. Он жевал резинку, стоя так, чтобы одна нога была готова для удара, и ухмылялся Глогеру в лицо. — Куда ты направляешься?

— Домой.

— До-о-мо-ой, — протянул самый здоровенный, передразнивая его.

— И что ты собираешься делать, когда придешь домой?

— Лечь спать.

Карл попытался выбраться из кольца, но они не позволили это сделать.

Они оттеснили его назад, к двери магазина. За их спинами, по проезжей части, проносились мимо машины. Улица была ярко освещена лампами и неоновыми вывесками магазинов.

Прошло несколько людей, но ни один из них не остановился. Карл запаниковал.

— Тебе не надо делать уроки, сынок? — спросил подросток

рядом с вожаком. Он был рыжим, веснущатым, с темно-серыми глазами глазами.

— Хочешь подраться с кем-нибудь из нас? — спросил другой парень. Это был один из тех, которых знал Карл.

— Нет. Я не дерусь. Дайте мне пройти.

— Ты испугался, сынок? — сказал вожак, ухмыляясь. Он, не торопясь, вынул жевательную резинку изо рта, а затем сунул в рот новую и снова стал жевать, ухмыляясь пуще прежнего.

— Нет. Почему я должен драться с тобой? Я считаю, что драться не следует.

— У тебя нет выбора, сынок.

— Я опаздываю. Мне нужно домой.

— У тебя найдется время для нескольких раундов...

— Я сказал, что не хочу драться.

— Ты считаешь себя лучше нас, сынок?

— Нет, — он задрожал. Слезы появились у него на глазах. — Конечно нет.

— Конечно нет, сынок.

Карл сделал движение вперед, но они толкнули его обратно.

— У тебя дурацкое имя, не так ли? — спросил другой парень, которого Глогер знал.

— Гло — что-то?..

— Глогер. Дайте мне пройти.

— Твоя мамочка не заметит, что ты поздно придешь домой.

— Похоже на жидовское имя.

— Ты жид, сынок?

— Он похож на жида.

— Ты жид, сынок?

— Ты еврей, сынок?

— Ты жид, сынок?

— Заткнитесь! — закричал Карл. — Почему вы пристали ко мне?!

Он попытался протиснуться мимо них. Один стукнул его в живот. Карл застонал от боли. Другой парень толкнул его, и Глогер пошатнулся.

Люди все так же неторопливо проходили мимо по тротуару. Некоторые мельком смотрели на группу молодежи. Один мужчина остановился, но жена потащила его дальше.

— Просто ребята развлекаются, — сказала она.

— Сними с него штаны, — предложил со смехом один из парней. — Это будет доказательством.

Карл протиснулся мимо них, и на этот раз они не задержали его.

Он побежал по улице.

— Дай ему оторваться, — услышал он, как сказал один из ребят.

Он побежал быстрее.

Они последовали за ним, смеясь и улюлюкая.

Может, у них и были намерения поймать его, но Карл свернул на улицу, где жил, раньше, чем они догнали его.

Добежав до дома, он шмыгнул через черный ход, на кухню. Мать была там.

— Что с тобой? Ты весь красный! — сказала она.

Мать была высокой худощавой женщиной, нервной и истеричной. Ее темные волосы были распущены.

Он прошел мимо нее в гостиную.

— В чем дело, Карл? — вскрикнула она пронзительным голосом.

— Ничего, — ответил Глогер.

Он не хотел сцены.

Глава 11

Когда Глогер проснулся, было холодно. В сером сумраке раннего рассвета он почти ничего не видел, кроме бесплодной равнины, расстилавшейся во всех направлениях. Он мало что мог припомнить из событий вчерашнего дня — только то, что он как-то подвел Иоанна и убежал довольно далеко.

Голова кружилась, затылок все еще болел.

Набедренная повязка стала сырой от росы. Он развязал ее и смочил губы, проведя тканью по лицу.

Как всегда после приступа мигрени он чувствовал себя слабым, полностью опустошенным — и физически, и морально.

Посмотрев на свое обнаженное тело, он заметил, каким худым стал.

Его удивляло, почему он так запаниковал, когда Иоанн попросил крестить его. Была ли это просто честность — что-то внутри его, воспротивившееся обману ессеев в самый последний момент? Понять было трудно.

Глогер обернул повязку вокруг бедер и туго завязал ее на левом боку. Он подумал, что лучше будет попытаться вернуться назад в деревню, Найти Иоанна, извиниться перед ним и спросить, можно ли чем-нибудь поправить положение.

Затем он, может быть, двинется дальше.

Машина времени все еще находится в деревне ессеев. Если найти хорошего кузнеца или другого работника по металлу, есть шанс, вероятно, что ее можно починить. Но все равно надежда слабая. Даже если на машину поставить заплату, путешествие назад будет опасным.

Затем он обдумал возможность отправиться назад или попытаться передвинуться во времени поближе к распятию. Важно было почувствовать настроения Иерусалима во время пиришества еврейской Пасхи, когда Иисус, предположительно, вошел в город.

Моника считала, что Иисус ворвался в город с вооруженным отрядом. Она утверждала, что все факты указывают на это.

Некоторые факты действительно подтверждали ее предположение, но он не мог принять их, как доказательство. Глогер был уверен, что в действительности все было гораздо сложнее.

Если бы только встретить Иисуса!

Иоанн, очевидно, никогда не слышал о нем, хотя упомянул,

что есть пророчество, по которому Мессия придет из Назарета.

Но существовало много пророчеств, и большинство из них противоречили друг другу.

Он отправился в предположительном направлении деревни ессеев. Она не должна быть слишком далеко.

* * *

В полдень стало намного жарче, а земля еще более опустела. Глогер щурил глаза от нестерпимого блеска солнца. Чувство усталости, с которым он проснулся, усилилось, кожа горела, во рту было сухо, ноги едва держали. Глогер был голоден, его мучила жажда, но пить и есть было нечего. Холмы, где располагалась деревня ессеев, не появлялись.

Он заблудился, но это едва беспокоило его. В своем воображении он почти стал частью пустынного ландшафта. Если ему суждено погибнуть, то переход от жизни к смерти будет едва ощутим. Он упадет, и его тело сольется с кирпичного цвета землей. Механически переставляя ноги, он двигался через пустыню.

Чуть позже, примерно в двух милях к югу, он увидел холм. Вид холма вызвал небольшой проблеск в сознании. Глогер решил направиться к нему. Оттуда, вероятно, можно правильно определить направление, возможно, даже увидеть какое-нибудь поселение, где есть пища и вода. Он потер глаза и лоб, но прикосновение руки болезненно отозвалось на коже. Тяжелыми шагами он направился к холму. Песчаная почва вздымалась пылью вокруг. Несколько корявых кустарников, цеплявшихся за землю, оцарапали его лодыжки и икры, а выступающие камни ловили его ступни. Он был весь в царапинах и синяках к тому времени, как достиг склона холма.

Глогер отдохнул немного, бессмысленно разглядывая однообразный ландшафт. Затем стал взбираться вверх по склону.

* * *

Путь на вершину (которая оказалась намного выше, чем он предполагал) был тяжелым. Он оскальзывался на гальке, падая лицом, упирался израненными ладонями и ступнями, чтобы прекратить скольжение вниз, цеплялся за кустики травы и лишайники, растущие в расщелинах, часто отдыхал; его ум и тело оцепенели от боли и слабости.

Он забыл, с какой целью взбирается наверх, но был полон

решимости закончить подъем. Похожий на жука, он полз по склону холма.

Он потел под солнцем, пыль липла к влажной коже почти обнаженного тела, покрывая его коркой с головы до ног. На-бедренная повязка скоро превратилась в клочья.

Внизу расстилась голая земля, и небо сливалось с ней; желтые скалы переходили в белые облака.

Он упал, и тело его покатилося по склону вниз. На бедре появилась рана, голова несколько раз сильно ударялась о камни. Но как только падение кончилось, он стал взбираться снова, медленно карабкаясь по обжигающим камням.

Времени больше не было, как не было личности и смысла. Сейчас впервые он находился в подходящем состоянии для того, чтобы оценить теорию Хедингтона. Но исчезло и сознание. Он стал вещью, ползущей вверх по горе.

Затем он достиг вершины и остановился.

Некоторое время он лежал там, моргая, а затем его глаза закрылись.

* * *

Он услышал голос Моники и поднял голову. На мгновение ему показалось, что краем глаза он увидел ее.

— Не будь мелодраматичным, Карл...

Она говорила так много раз. И он услышал собственный голос, отвечающий:

— Я родился не в свое время, Моника. Этот век логики — не место для меня. В конце концов он меня убьет.

Ее голос произнес в ответ:

— Вина, страх, трусость и твой мазохизм. Ты мог стать блестящим психиатром, но ты полностью посвящаешь себя неврозу...

— Заткнись!

Он перевернулся на спину. Солнце пекло его исцарапанное тело.

— Заткнись!

— Полный христианский синдром, Карл! Ты скоро станешь католиком, я не сомневаюсь в этом. Где сила твоего ума?!

— Заткнись! Уходи прочь, Моника!

— Страх формирует твои мысли. Ты ищешь даже не душу и не смысл жизни. Ты ищешь комфорт.

— Оставь меня одного, Моника!

Грязными ладонями он закрыл глаза. Волосы свалились от

пыли, кровь свернулась на ранах, покрывающих каждый дюйм его тела. Солнце над ним пульсировало в такт с биением сердца.

— Ты опускаешься, Карл, разве ты не понимаешь это? Возьмись за себя! Ты ведь можешь рационально мыслить!..

— О, Моника! Прекрати!

Голос его был хриплым, прерывистым.

В небе кружили несколько воронов. Он услышал, как они кричат голосами, похожими на его собственный:

— Бог умер в 1945...

— Сейчас не сорок пятый — это 28 год новой эры. Бог жив!

— Как тебе не надоест блуждать в явно синкретических* религиях вроде христианства — иудаизм, этика стоиков, культы греков, восточные обряды...

— Это не имеет значения!

— Для тебя, в твоем состоянии ума...

— Мне нужен Бог!

— Вот к чему все сводится, не так ли? Неадекватная человеческая личность всегда кончает так, как ты. Ладно, Карл, сам найди себе костыли. Только подумай, чем бы ты мог стать, если бы поладил с собой...

Глогер поднял свое измученное тело на ноги и, стоя на вершине холма, закричал. Вороны испугались. Они скрылись в блеске солнца.

Вскоре небо потемнело.

Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от Дьявола.

И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.

От Матфея, гл. 4: 1-2

* Синкретический — сочетающий, соединяющий в себе.

Глава 12

Безумец, спотыкаясь, вошел в город. Его голова запрокинулась лицом к солнцу, глаза смотрели бессмысленно, руки бессильно висели по бокам, губы беззвучно двигались.

Ноги вздымали пыль и заставляли ее клубиться; собаки вокруг лаяли. Сзади увязалась ватага детей, сначала они смеялись, затем стали кидаться камнями. Потом отстали.

Безумец заговорил.

Слова были незнакомыми, но произносились с такой интенсивностью и убеждением, что казалось — сам Бог говорит его устами.

Горожане не могли понять, откуда безумец появился.

* * *

Его остановили римские легионеры и с грубоватой добротой спросили, нет ли у него каких-либо родственников, к которым можно было бы его отвести. Они обратились к нему на ломаном арамейском и были удивлены, когда он ответил на странно акцентированной латыни, бывшей чище, чем язык, на котором говорили они сами.

Они спросили его, не священник ли он или ученый. Он ответил, что ни то и ни другое.

Офицер легионеров предложил ему немного сушеного мяса и вина. Он съел мясо и попросил воды. Они дали ему воды.

Римляне эти были частью патруля, проходившего здесь раз в месяц. Это были коренастые, смуглые, с суровыми, чисто выбритыми лицами люди. Они были одеты в грязные кожаные шорты, панцири с кожаными нагрудными пластинами и сандалии. На головах их были металлические шлемы, а короткие мечи в ножнах — на бедрах.

Стоя вокруг него в лучах вечернего солнца, они не расслаблялись. Офицер с более мягким голосом, но в остальном такой же, как и они, за исключением металлических нагрудных пластин, длинного плаща и плюмажа на шлеме, спросил безумца, как его зовут.

Некоторое время безумец молчал, его рот закрывался и открывался, как будто он не мог вспомнить свое имя.

— Карл, — сказал он наконец с сомнением. Это больше походило на предположение, чем на утверждение.

— Очень похоже на римское имя, — сказал один из легионеров.

— Или на греческое, — сказал другой. — Здесь много греков.

— Ты горожанин? — спросил офицер.

Но ум странного человека явно блуждал. Он смотрел в сторону, бормоча что-то про себя.

Вдруг он посмотрел на них и сказал:

— Назарет? Где Назарет?

— Этой дорогой, — офицер показал на дорогу, уходящую в холмы.

Безумец кивнул, будто удовлетворившись этим.

— Карл... Карл... Карлус... не знаю... — офицер протянул руку и взял безумца за подбородок, заглядывая ему в глаза. — Ты еврей?

Это слово, кажется, напугало безумца.

Он вскочил на ноги и попытался протиснуться сквозь кольцо солдат. Они, смеясь, пропустили его. Это был безобидный безумец.

Солдаты наблюдали, как он бежит по дороге.

— Возможно, это один из их пророков, — сказал офицер, садясь на коня. — Страна полна ими. Почти каждый человек, которого ты встречаешь, заявляет, что несет послание от бога. Они не причиняют беспокойства, а их религия отвлекает умы от восстания.

Мы должны быть благодарны им за это, подумал офицер.

Его люди еще смеялись.

И они зашагали в направлении, противоположном тому, которое избрал безумец.

* * *

Позднее он пристал к группе людей, таких же истощенных, как и сам. Эти пилигримы шли в город, о котором он никогда не слышал. Подобно ессеям, их секта требовала строгого соблюдения заповедей Моисея, что же касается остального — сплошной туман, за исключением идеи, что Бог пошлет короля Давида помочь прогнать римлян и завоевать Египет, страну, которую они странным образом отождествляли с Римом и Вавилоном.

Они обращались с ним, как с равным.

Он шел с ними несколько дней, и однажды ночью, когда они

устроились на ночлег на краю дороги, дюжина всадников в латах и с плюмажами, намного более пышными, чем у римлян, пронеслась галопом прямо через костры, опрокидывая горшки с пищей.

— Солдаты Ирода! — закричал один из членов секты.

Женщины закричали, а мужчины разбежались в темноту. Вскоре почти всех скрыла темнота; остались только две женщины и безумец.

Командир всадников имел смуглое красивое лицо и пышную напояженную бороду. Он подтащил безумца за волосы к огню и рывкнул ему в лицо:

— Ты — один из тех бунтовщиков, о которых мы так много слышали?

Безумец что-то пробормотал и покачал головой.

Солдаты стали его бить, но он оказался так слаб, что тут же упал на землю.

Один из солдат пожал плечами.

— Он не представляет угрозы. Здесь нет оружия. Нас ввели в заблуждение.

Офицер задумчиво поглядел на женщин, затем обернулся к своим людям, иронично подняв одну бровь.

— Если кто-нибудь из вас хочет — можете взять их.

Безумец лежал на земле и слушал крики насилуемых женщин. Он хотел встать и прийти к ним на помощь, но был слишком слаб, чтобы двигаться, слишком боялся солдат. Он не хотел быть убитым. Это значило бы, что он никогда не достигнет своей цели.

В конце концов солдаты Ирода уехали, и члены секты стали возвращаться в разоренный лагерь.

— Как женщины? — спросил безумец.

— Они мертвы, — ответил ему кто-то.

Один из сектантов затащил строки Священного Писания о возмездии, праведности и наказании Господнем.

Подавленный, безумец отполз в темноту.

Он покинул этих людей на следующее утро, узнав, что их путь не проходит через Назарет.

* * *

Безумец побывал во многих городах — Филадельфии, Герасе, Пелле и Сикополесе, следуя дорогами римлян.

Каждого путешественника, который встречался ему, он спрашивал об одном и том же:

— Где находится Назарет?

В каждом городе ему указывали дорогу, ведущую в Назарет. В некоторых городах ему давали пищу. В других забрасывали камнями и прогоняли прочь.

В некоторых городах просили его благословения, и он, так как хотел есть, делал, что мог, — клал на больных руки и говорил на странном языке.

В Пелле он вылечил слепую женщину.

* * *

Он пересек Иордан по акведуку римлян и продолжал путь дальше, к Назарету.

Хотя больше не было трудностей с определением направления на Назарет, становилось все труднее заставлять себя идти дальше.

Во время путешествия он потерял много крови и очень мало ел. Как правило, он шел до тех пор, пока не падал, затем лежал там, где упал, пока не появлялись силы идти дальше, или, что случалось редко, пока кто-нибудь не обращал на него внимание и не давал немного прокисшего вина или хлеба, чтобы придать сил.

После инцидента с солдатами Ирода он стал осторожнее и всегда шел один, никогда не приставая к группам паломников, которых иногда встречал.

Иногда люди спрашивали его:

— Не ты ли пророк, которого мы ждем?

Он качал головой и отвечал:

— Найдите Иисуса. Найдите Иисуса.

* * *

Это оказался красивый город, его белые дома были, в основном двух- и одноэтажными, сложенными из камня и глиняных кирпичей. Он окружал рыночную площадь со старой синагогой. Около синагоги сидели и разговаривали старики, одетые в темные халаты и с повязками на головах.

Город был преуспевающий и чистый, он богател на торговле с римлянами. Только одного-двух нищих можно было встретить на его улицах, да и те были хорошо накормлены. Улицы следовали подъемам и спускам холмов, на которых располагался город. Это были тенистые мирные улочки сельского городка.

Пахло свежераспиленным деревом, слышались звуки плотничьих инструментов, так как город славился искусными плотниками.

Он располагался на краю Израильской равнины, очень близко от торговых путей, ведущих к Дамаску и Египту, и часто отсюда отправлялись фургоны, нагруженные изделиями городских мастеров.

Город назывался Назарет.

Итак, безумец нашел Назарет.

Горожане смотрели на него с любопытством и с некоторым подозрением, когда он, шатаясь, появился на рыночной площади. Это мог быть и бродячий пророк, и человек, одержимый дьяволом. Он мог оказаться нищим или членом какой-нибудь секты, например, zelотов, непопулярных в те дни из-за катастрофы, которую они навлекли на Иерусалим сорока годами ранее. Жители Назарета не питали симпатии ни к бунтовщикам, ни к фанатикам. Им жилось спокойно, богаче, чем до прихода римлян.

Когда безумец проходил мимо людей, стоявших у торговых ларьков, те замолкали, пока он не удалялся. Женщины поправляли плотные шерстяные шали вокруг своих упитанных тел, а мужчины подбирали края холщовых накидок, чтобы он не задел их. Естественное любопытство толкало их расспросить безумца о деле, которое привело его сюда, но во взгляде этого человека сквозила такая интенсивность, такая живость была в лице несмотря на истощенную внешность, что вынуждало отнестись к нему с некоторым уважением и держаться от него на расстоянии.

Достигнув центра рыночной площади, безумец остановился и огляделся. Казалось, он почти не замечает людей, мигая и облизывая губы.

Мимо прошла женщина, боязливо покосившаяся на него. Он обратился к ней тихим голосом, тщательно выговаривая слова:

— Это Назарет?

— Да, — кивнула она и ускорила шаг.

Через площадь шел мужчина. Он был одет в шерстяной плащ в красную и коричневую полоску. Его черные вьющиеся волосы покрывала красная шапочка. Лицо мужчины было полным и приветливым.

Безумец шагнул навстречу мужчине и остановил его словами:

— Я ищу плотника.

— В Назарете много плотников. Это город плотников! Я сам плотник. — Говоря, мужчина добродушно улыбался. — Могу я помочь тебе?

— Ты знаешь плотника по имени Иосиф? Потомок Давида. Его жену зовут Мария, у него несколько детей. Одного зовут Иисус.

Приветливый мужчина изобразил на лице раздумье и почесал затылок.

— Я знаю нескольких Иосифов и Марий... — по губам его пробежала легкая ухмылка, будто от приятного воспоминания. — Думаю, мне знаком тот, кого ты ищешь. Вон на той улице живет бедняга, — он показал направление. — Его жену зовут Мария. Попробуй спросить там. Ты застанешь его, если только он не понес отдавать работу. Спроси человека, который никогда не смеется.

Безумец посмотрел в направлении, указанном мужчиной. Увидев улицу, он, кажется, забыл все на свете и направился к ней.

На узкой улочке запах пиленных досок стал еще сильнее. Он по щиколотку утопал в стружках.

В Назарете жара казалась менее ощутимой, чем он привык. Больше всего погода напоминала приятный летний день в Англии — милый, спокойный денек...

Сердце безумца забилось сильнее.

Из каждого дома доносился звук молотка или пилы. К стенам домов были прислонены планки разных размеров, и для прохода между ними почти не оставалось места.

Безумец замедлил шаг, он дрожал от страха. Некоторые плотники сидели на лавках около дверей. Они вырезали чаши и другую утварь, управляя простейшими токарными станками.

Безумец двигался дальше.

Плотники поднимали головы и смотрели на безумца, идущего по их улице. А тот подошел к старому мастеровому в кожаном фартуке, вырезавшему деревянную фигурку. Плотник был подслеповат и поэтому прищурился на безумца.

— Что тебе надо? Для нищих у меня нет денег.

— Я не нищий. Я ищу того, кто живет на этой улице.

— Как его имя?

— Иосиф. Его жену зовут Мария.

Старик махнул рукой, в которой держал незаконченную фигурку.

— Через два дома по той стороне улицы.

* * *

Он задрожал и вспотел.

Глупец, это только...

О, Господи...

Вероятно, они ничего не знают. Это только совпадение...

О, Господи...

* * *

Дом, к которому подошел безумец, тоже был обставлен планками, но качества дерева здесь было хуже, чем у других домов. Скамейка около входа скособочилась, и мужчина, сидящий на ней и ремонтирующий стул, тоже казался уродливым.

Безумец коснулся его плеча, и мужчина выпрямился. Его лицо было изборозжено морщинами и имело несчастный вид. Глаза казались усталыми, в жидкой бородке блестела преждевременная седина. Он кашлянул, возможно, от удивления.

— Ты Иосиф? — спросил безумец.

— У меня нет денег.

— Мне ничего не надо, только задать несколько вопросов.

— Я Иосиф. Что ты хочешь знать?

— У тебя есть сын?

— Несколько, и дочерей тоже.

Безумец помолчал. Иосиф глядел на него с любопытством. Человек казался испуганным. Для Иосифа было странным обнаружить себя причиной чужого страха.

— В чем дело?

Безумец покачал головой.

— Ничего, — голос его стал хриплым. — Твою жену зовут Мария? Ты — потомок Давида?

Плотник сделал нетерпеливый жест рукой.

— Да, да... хотя ничего хорошего от этого не имею...

— Мне нужно поговорить с одним из твоих сыновей. У тебя есть сын по имени Иисус? Ты можешь сказать мне, где он?

— Вот так-так! Что он натворил?

— Где он?

Взгляд Иосифа стал расчетливым.

— Ты — какой-нибудь пророк? Пришел помочь моему сыну?

— Я прорицатель. Могу предсказывать будущее.

Иосиф вздохнул разочарованно.

— У меня нет времени. Работа должна быть выполнена как можно быстрее.

— Позволь мне увидеть его.

— Ты можешь увидеть его. Пойдем.

Иосиф провел безумца через ворота в захламленный дворик. Здесь валялись обрезки дерева, сломанная мебель и инструменты, мешки с гниющей стружкой.

Они вошли в темный дом.

Безумец тяжело дышал.

В первой комнате, очевидно, кухне, у большой глиняной плиты стояла женщина. Она была высокого роста и начинала полнеть. Длинные черные волосы ее были распущены и сальны; они спадали на лицо, закрывая большие блестящие глаза, сохранившие пыл чувственности. Она оглядела безумца.

— Вижу, ты нашел еще одного богатого клиента, Иосиф, — сказала она язвительно.

— Он прорицатель.

— О, прорицатель. И голодный, я думаю. Ну так вот, у нас нет еды для нищих и прорицателей, как бы они не называли себя. — Деревянной ложкой она показала на согбенную фигуру, сидящую в углу в тени. — Эта бесполезная тварь съедает слишком много. — При этих словах фигура в углу шевельнулась.

— Он разыскивает нашего Иисуса, — сказал Иосиф женщине, — Возможно, он пришел, чтобы облегчить нашу ношу.

Женщина искоса взглянула на безумца и пожала плечами. Она облизнула красные губы широким языком.

— Может быть, ты прав. Что-то есть в нем...

— Где он? — хрипло спросил безумец.

Женщина поправила большие груди под грубым коричневым платьем, вытерла ладони о живот и еще раз оглядела безумца.

— Иисус! — окликнула она, не поворачиваясь.

Фигура в углу поднялась на ноги.

— Это он, — сказала женщина с определенным удовлетворением.

* * *

Как?

Он...

Иисус!

Который мне нужен...

НЕТ!

* * *

Безумец нахмурился и помотал головой.

— Нет, — сказал он. — Нет.

— Что ты имеешь в виду под “нет”? — спросила она сварливо. — Меня не волнует, что ты будешь делать, только отврати его от воровства. Он ничего больше не умеет, но однажды вляется в крупную неприятность, когда украдет у того, кто не знает о нем...

— Нет...

Фигура была уродлива.

Это создание имело горбатую спину и бельмо на левом глазу. Лицо бездумное и глупое, с губ капала слюна.

— Иисус?

Оно хихикнуло, услышав свое имя, и сделало небрежный шаг вперед.

— Иисус, — сказала оно. — Иисус, — слово получилось невнятным и глухим.

* * *

— Это все, что он может, — сказала женщина. — Он всегда такой.

— Божья кара, — сказал Иосиф.

— О, заткнись! — Она злобно взглянула на мужа.

— Что с ним? — в голосе безумца проступило отчаяние и жалость.

— Он всегда был такой, — женщина отвернулась к плите. — Ты можешь забрать его, если хочешь. Я носила его, когда мои родители выдали меня замуж за этого полу-мужчину...

— Ты свинья! Бесстыдница... — Иосиф замолчал, а его жена зловеще оскалилась, ожидая продолжения. Тогда плотник улыбнулся, пытаясь спасти свою гордость. — Ты подготовила для них подходящую историю. Старейшее оправдание в мире! Посещена ангелом! Более вероятно, что посещена дьяволом!

— Он был дьявол, — ухмыльнулась она. — И он был мужчиной!..

Иосиф замолчал на мгновение, затем, будто припомнив страх, который, как ему показалось, он внушил безумцу вначале, повернулся к нему и произнес воинственно:

— Какое у тебя дело к моему сыну?..

— Я хотел поговорить с ним. Я...

— Он не оракул и не пророк... хотя мы считаем, что он мог бы стать им. В Назарете есть люди, которые приходят к нему,

чтобы он вылечил рану или предсказал удачу, но он только хихикает и все время повторяет свое имя...

— Вы уверены... что здесь нет... чего-то в нем... что вы не заметили?

— Уверены! — фыркнула Мария решительно. — Мы сильно нуждаемся в деньгах. Если бы он обладал хоть малой магической властью, мы знали бы об этом.

Иисус хихикнул снова.

— Иисус, — сказал он, — Иисус, Иисус...

И заковылял в другую комнату.

Иосиф побежал за ним.

— Ему нельзя ходить туда! Я не позволю снова обмочить пол!

Пока Иосиф был в другой комнате, Мария окинула безумца оценивающим взглядом.

— Если ты можешь предсказывать удачу, приходи как-нибудь, и поговорим. Он уйдет вечером в Нейн...

Иосиф притащил калеку обратно на кухню и усадил его на скамейку в углу.

— Сиди здесь, ублюдок!

Безумец покачал головой.

— Это невозможно!

* * *

Неужели история изменилась?

Хоть какие-то основания для этого есть?

Это невозможно...

* * *

Иосиф заметил, что с безумцем что-то происходит.

— Что это? — спросил он. — Что ты видишь? Ты сказал, что предсказываешь будущее. Расскажи нам, как мы будем жить?

— Не сейчас, — сказал прорицатель, отворачиваясь. — Я не могу! Не сейчас!

Он выбежал из сумрака дома на солнце и побежал по улице, полной запахов пиленого дуба, кедра и кипариса.

Некоторые из плотников поднимали головы, думаю, что он что-то украл. Но все видели, что в руках его ничего нет.

Он выбежал на рыночную площадь и остановился, оглядываясь отрешенным взглядом.

* * *

Безумец, пророк, Карл Глогер, путешественник во времени, неудавшийся психиатр, искатель смысла жизни, мазохист, человек с тягой к смерти, с комплексом мессии, анахронизм, шел, тяжело дыша, через рыночную площадь.

Он увидел того, которого искал. Он увидел Иисуса, сына Марии и Иосифа.

Он увидел человека, который, без сомнения, был врожденным идиотом.

* * *

Приветливый мужчина в красной шапочке все еще был на рынке, выбирая горшки для свадебного подарка. Когда незнакомец неровной походкой прошел мимо, он кивнул ему вслед и сказал:

— Это он.

— Откуда он?

— Не имею представления. Не из наших мест, если судить по акценту. Думаю, что он дальний родственник старого Иосифа с сердитым лицом, знаешь, у которого жена...

Мужчина, продававший горшки, ухмыльнулся.

Они наблюдали, как незнакомец опустился в тень на землю у стены синагоги.

— Кто он? Религиозный фанатик? Зелот или кто-нибудь другой? — спросил мужчина, продающий горшки.

Его собеседник покачал головой.

— У него вид пророка. Но я не знаю. Может быть, там, откуда он пришел, настали трудные времена, и ему нужна помощь родственника...

— Искать помощи у Иосифа?! — засмеялся мужчина.

— Может, его изгнали оттуда, где он жил, — сказал мужчина в красной шапочке. — Кто знает? По крайней мере он не получил от Иосифа много сочувствия. Он пробыл у него недолго.

— Ему больше некуда идти, — убежденно сказал мужчина, продающий горшки.

* * *

Он оставался у стены синагоги до самого вечера, и только тогда почувствовал сильный голод. А также вождеделение, впервые за все время, проведенное здесь, — больше месяца. Желая

ние пришло к нему на помощь, будто в страсти можно забыть смятение, переполнявшее его.

Он медленно встал и пошел назад к улочке.

Сейчас здесь было тихо. Из домов редко доносились звуки, и только лаяли собаки.

Вот и дом Иосифа. Скамейка убрана, планки исчезли. Ворота закрыты.

Он постучал.

Ответа не последовало.

Он постучал чуть громче, позабыв инстинктивную осторожность.

Ворота открылись; она выглянула и улыбнулась плотоядной понимающей улыбкой.

— Входи, — сказала Мария. — Он ушел в Нейн несколько часов назад.

— Я голоден, — сказал он.

— Я дам тебе чего-нибудь поесть.

На кухне в темноте что-то шевелилось, он он старался не смотреть в том направлении. Глогер торопливо прошел в следующую комнату, где горела лампа. Лестница вела к отверстию в потолке.

— Жди здесь, — сказала она. — Я принесу еды.

Она приходила и уходила на кухню несколько раз, принес сперва воды, чтобы он умылся, затем блюдо с сушеным мясом, хлеб и кувшин вина.

— Это все, что у нас есть, — сказала она.

Она смотрела на его темное мрачное лицо. Он смыл пыль с тела, расчесал волосы и бороду. Сейчас он выглядел вполне прилично. Но в глазах его застыло отсутствующее выражение, и когда он ел, то не смотрел на нее.

А она уже тяжело дышала. Становилось трудно контролировать вождение ее большого тела. Поддержав юбку выше колен и раздвинув ноги, она села на скамейку рядом.

Он продолжал жевать, но теперь его взгляд был прикован к ее телу.

— Торопись, — сказала она.

Он закончил есть и медленно выпил остатки вина.

Затем она набросилась на него, ее руки рвали лохмотья набедренной повязки, пальцы ласкали его гениталии, губы прижимались к его лицу, большое тело навалилось на него.

Он судорожно вздохнул и задрал ей подол, впившись паль-

цами в тело, толкнув и опрокинув на пол, торопливо раздвинув ее ноги.

Она стонала, вскрикивала, рычала, дергалась и царапалась, а затем затихла, а он еще продолжал пронзать ее. Но желание прошло, и он не смог кончить. Подняв взгляд, он вздохнул.

В дверях стоял идиот, глядя на них с пустой усмешкой; с его подбородка капала слюна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 13

И Слово стало плотью, и обитало с нами...

От Иоанна, гл. 1: 14

Каждый вторник в гостиной над магазином "Мандала" собирался кружок изучающих Джанга, чтобы обсудить трудные места его доктрины с целью группового анализа и групповой терапии.

Не Глогер был организатором, но он охотно предоставлял помещение. Было облегчением общаться с людьми, думающими так же.

Интерес к Джангу собирал их вместе, но каждый имел собственные интересы. Миссис Рита Блейн рисовала карты с курсами летающих тарелок, хотя было неясно, верит в них она, или нет.

Хьюдж Джойс был убежден, что все Джанговы прототипы произошли от исходной расы Лемуров, погибшей тысячелетия назад. Алан Чеддар, самый младший в группе, интересовался индийским мистицизмом, а Сандра Петерсон, организатор кружка, была большим специалистом по колдовскому искусству.

Джеймс Хедингтон интересовался временем. К тому же, он являлся сэром Джеймсом Хедингтоном, физиком, изобретателем времен войны, очень богатым, многократно награжденным за вклад в победу Союзников. Он обладал репутацией великого импровизатора еще в те времена, но впоследствии стал часто обескураживать военный департамент. Чиновники считали его чудачком, и, что было еще хуже, он вел себя странно на публике.

Сэр Джеймс имел тонкое аристократическое лицо (хотя родился в Норвуде, и родители его были не из высшего общества), тонкий, немного жеманный рот, гриву длинных белых волос и тяжелые черные брови. Он носил старомодные костюмы и очень яркие рубашки и галстуки. При каждой встрече он рассказывал членам кружка о продвижении работ над машиной времени. Они посмеивались над ним.

Однажды во вторник, вечером, когда все ушли, Хедингтон

спросил Глогера, не хочет ли тот поехать в Банбери и взглянуть на его лабораторию.

— Сейчас я произвожу очень впечатляющие опыты. Посылаю кроликов сквозь время. Вы в самом деле должны взглянуть на лабораторию.

— Я не могу поверить в это, — сказал Глогер. — Вы действительно научились посылать вещи сквозь время?

— О, да. Вы — первый, кому я рассказал об этом.

— И все же я не верю!

— Поедем, увидите сами.

— Почему вы рассказали мне?

— О, не знаю. Думаю, вы внушаете доверие.

Глогер улыбнулся.

— Хорошо. Я поеду. Когда это удобно сделать?

— В любое время, как пожелаете. Почему бы вам не приехать в пятницу и не остаться на выходные?

— Вы не возражаете?

— Ни капельки.

— У меня есть подруга...

— М-м... — Хедингтон засомневался. — Я бы не хотел оповещать всех в данный момент...

— Я поеду без нее.

— Молодец! Поезд в 6 — 10 от Педдингтона. Я встречу вас на станции. Увидимся в пятницу.

— Хорошо.

Глогер проводил его и ухмыльнулся. Старик, видимо, совсем спятил. Вероятно, он приобрел массу дорогого электронного хлама, но казалось неплохой идеей провести выходные вне Лондона и узнать в точности, что происходит в Банбери.

* * *

Хедингтон владел большим старым поместьем в деревне около двух миль от Банбери, но здания лабораторий были совершенно новыми.

Для помощи он нанимал двух молодых парней. Те как раз уходили, когда физик привел Глогера.

Как Карл и подозревал, помещения оказались заполненными непонятными приборами, проводами и кабелями, змеящимися повсюду.

— Сюда, — сказал Хедингтон, ведя Глогера за руку в более свободную часть лаборатории. На обширном столе располагались несколько черных ящиков, соединенных друг с другом

проводами. Около них стоял еще один ящик серебристо-серого цвета.

Хедингтон бросил взгляд на наручные часы и изучил показания циферблатов на черных ящиках.

— Сейчас, — он покрутил несколько верньеров, затем подошел к клеткам в другом конце помещения и вытащил извивающегося белого кролика. Он поместил кролика в серебряный ящик, сделал еще несколько установок на циферблатах черных ящиков, затем повернул выключатель, привинченный к столу.

— Питание, — сказал он.

Глогер мигнул. На мгновение, как ему показалось, воздух в помещении задрожал. Серебряный ящик исчез.

— О, Господи!

Хедингтон хихикнул.

— Видите, он ушел сквозь время.

— Он исчез, — согласился Глогер. — Но это не доказывает, что он ушел в будущее.

— Правильно. Фактически, он ушел в прошлое. Я не могу послать вещь в будущее. Пока это невозможно.

— Ну... я имею в виду, что это не доказывает, что кролик путешествует сквозь время.

— А куда еще он мог отправиться? Поверьте мне на слово, Глогер, кролик отправился назад на сто лет.

— Откуда вы знаете?

— Это доказали тесты на короткое расстояние. Я могу послать вещь назад во времени с большой точностью. Поверьте мне.

Глогер сложил руки на груди.

— Я верю вам, сэр Джеймс.

— Я сейчас собираю большую машину, способную транспортировать человека в прошлое. Единственной неприятностью является то, что путешествие не совсем комфортабельно. Глядите... — он коснулся кнопки на ближайшем черном ящике. Серебряный контейнер немедленно появился на столе. Глогер дотронулся до него. Бока контейнера были горячими.

— Вот. — Хедингтон сунул руку в ящик и вытащил кролика. Голова зверька была окровавлена, а кости тела казались переломанными. Кролик был жив, но явно страдал от боли.

— Видите, что я имею в виду? — спросил Хедингтон. — Бедняга.

Глогер отвернулся.

В кабинете Хедингтон рассказал о своих опытах, но он по-

лагал, что Глогер знаком с языком физики, а Карл был слишком горд, чтобы признать, что почти ничего не знает об этой науке. Поэтому он просидел в кресле несколько часов, кивая с умным видом, а Хедингтон с энтузиазмом читал ему лекцию. Позднее Хедингтон провел его в спальню. Это была облицованная дубовыми панелями комната с широкой комфортабельной современной кроватью.

— Спите спокойно, — сказал Хедингтон.

Ночью Глогер был разбужен и увидел человека, сидящего на краю постели. Это был совершенно голый Хедингтон. Карл положил руку на плечо физика.

— Я не думаю... — начал Хедингтон.

Глогер покачал головой.

— Извините, сэр Джеймс.

— А, ладно, — сказал Хедингтон. — Ладно...

Он сейчас же ушел, а Глогер стал мастурбировать.

* * *

Хедингтон позвонил ему несколькими днями позже и спросил, не хочет ли он еще раз съездить в Банбери, но Глогер вежливо отказался.

— Я сейчас работаю над небольшой проблемой, — рассказал Хедингтон. — Уже есть идея, как защитить пассажира. Правда ни один из моих парней не хочет испытать машину. Не интересует ли это вас, Глогер?

— Нет, — ответил Глогер. — Извините, сэр Джеймс.

* * *

В течение следующих нескольких недель Глогер был нервным. Моника редко приходила навестить его, а когда появлялась, то не выказывала интереса к занятиям любовью.

Однажды ночью он потерял терпение и разозлился.

— В чем дело? Ты холодна, как бочка с мороженым!

Она полчаса выдерживала его нападки, а потом утомленно ответила:

— Ну, ладно, когда-нибудь я должна тебе это сказать. Если хочешь знать, у меня есть другой.

— Что? — Он сразу успокоился. — Я не верю.

Он всегда был уверен, что никто больше не заинтересуется ею. Он чуть не спросил, кто этот дурак, но передумал.

— Кто он? — спросил он наконец.

— Она, — ответила Моника. — Это девушка из госпиталя. Все-таки перемена.

— О, Боже!

Моника вздохнула.

— Мне стало легче. Я не много получаю, но я так устала от твоих эмоций, Карл. Устала так, что тошнит.

— Тогда почему ты не уходишь? Что это за компромисс?

— Хочется оставить капельку надежды, — ответила Моника.

— Я все еще думаю, что в тебе есть нечто ценное, над чем стоит потрудиться. Я, наверное, глупо поступаю.

— Что ты пытаешься сделать со мной? — Он впал в истерику.

— Что... Что?.. Ты предала меня!

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Это не предательство, Карл — это вроде выходного дня.

— Тогда ты лучше сделай его рабочим! — выкрикнул он гневно и швырнул ей одежду. — Убирайся, ты, сука!

Она поднялась с усталым выражением на лице и стала одеваться.

Одевшись, она открыла дверь. Карл плакал в постели.

— Пока, Карл!

— Убирайся!

Дверь закрылась.

— Ты, сука! О, сука!

На следующее утро он позвонил сэру Джеймсу Хедингтону.

— Я передумал, — сказал он. — Я сделаю, что вы хотите. Буду вашим подопытным кроликом. Только при одном условии.

— Каком?

— Я хочу сам выбрать место и время, куда отправлюсь.

— Достаточно справедливо.

Неделей спустя он купил билет на судно, отправляющееся на Средний Восток. Еще через неделю он покинул 1970 год и прибыл в 28 год новой эры.

Глава 14

В синагоге было прохладно и спокойно, чуть пахло благо-
вониями. Одетый в чистую белую накидку, которую дала
ему Мария, когда он уходил рано утром, Глогер вслед за рав-
винами вошел во внутренний дворик. Они, подобно горожанам,
не знали, кто он, но были уверены, что незнакомец одержим
не дьяволом.

Время от времени он осматривал свое тело и касался его,
будто в удивлении; озадаченно щупал накидку. Он почти забыл
о Марии.

* * *

— Все мужчины имеют комплекс мессии, Карл, — сказала
ему однажды Моника.

Теперь подобные воспоминания приходили отрывками, если
это вообще были воспоминания. Он уже путался в них.

— В Галлее в то время насчитывалась дюжина мессий. То,
что Иисуса вознес миф и философия, просто историческое сов-
падение...

— Там произошло нечто большее, Моника.

* * *

В правилах раввинов было давать кров бродячим пророкам,
которые теперь часто появлялись в Галлее, если только они не
являлись членами сект, объявленных вне закона.

Этот пророк был более странным, чем остальные. Его лицо,
как правило, оставалось неподвижным, тело пребывало в оце-
пенении, но слезы часто скатывались по щекам к бороде. Они
никогда прежде не видели такой муки в глазах человека.

* * *

— Наука может сказать, как, но она никогда не спрашивает,
почему, — говорил он Монике. — Она не может ответить.

— Кому это интересно? — возразила она.

— Мне.

— В таком случае ты никогда не получишь ответа, не так
ли?

* * *

— Сука! Предательница! Выродок!
Почему они всегда предают его?

* * *

— Садись, сын мой, — сказал раввин. — Что ты хочешь спросить у нас?

— Где Христос? — сказал он.

Они не поняли языка, на котором он говорил.

— Это греческий? — спросил один из них, но другой покачал головой.

* * *

Где же Господь?

* * *

Он нахмурился, рассеянно оглядываясь.

— Мне нужен отдых, — сказал он на понятном для них языке.

— Откуда ты?

Глогер не мог придумать, что ответить.

Наконец, он пробормотал:

— Ха-олам-хаб-ба...

Они переглянулись.

— Ха-олам-хаб-ба, — повторили они.

* * *

Ха-олам-хаб-ба, ха-олам-хаз-зей — мир, который придет, и мир, который есть.

— Ты принес нам послание? — спросил один из раввинов. Этот пророк оказался необычным. Настолько странным, что можно было почти поверить в то, что он — истинный пророк. — Послание?

— Я не знаю, — хриплым голосом ответил пророк. — Я должен отдохнуть. Я грязен. Я согрешил.

— Идем. Мы дадим тебе еду и место дня сна. Мы покажем тебе, где помыться и где помолиться.

Слуги принесли горячую воду, и он очистил тело. Они подстригли ему бороду, волосы и обрезали ногти.

Затем в каморку, которую раввины отвели для гостя, принесли обильную еду, оказавшуюся слишком непривычной для

него. Постель с набитой соломой матрацем оказалась для него слишком мягкой. Он не привык к такой, но в доме Иосифа он не отдохнул и поэтому лег на матрац.

Спал он плохо, кричал во сне, а снаружи слушали раввины. Но они мало поняли из того, что он говорил.

* * *

— Из всех вещей, которые ты мог бы изучать, на арамейский язык я подумала бы в последнюю очередь! Неудивительно, что ты...

* * *

— Мой дьявол, моя искушительница, мое желание, мой крест, моя любовь, моя страсть, моя нужда, моя пища, мой якорь, мой повелитель, мой раб, мое удовлетворение, моя погибель!

О, по всем милым дням, которые могли быть, если бы я оказался сильным; по Еве и тем, кто отверг меня за мои слабости; по всем наградам, полагающимся храбрым; по всему, что дается сильным, — я тоскую.

В этом окончательная ирония.

Формальная ирония, неизбежная и справедливая.

И я не удовлетворен.

* * *

Карл Глогер оставался в синагоге несколько недель. Большую часть времени он проводил, читая в библиотеке, разыскивая в длинных свитках какой-нибудь ответ на свою дилемму. Слова Ветхого Завета, во многих случаях подразумевающие дюжину интерпретаций, только еще больше сбивали с толку. Не за что было ухватиться, ничто не могло подсказать, в чем ошибка.

* * *

Это комедия. Неужели это все, чего я заслуживаю? Неужели нет надежды? Нет решения?

* * *

Раввины как правило держались в отдалении. Они считали его святым человеком и гордились, что он живет в их синагоге.

Они были уверены, что он — избранник Божий, и терпеливо ждали, когда он заговорит с ними.

Но пророк говорил мало, бормоча временами сам себе на незнакомом им языке.

Горожане Назарета почти ни о чем больше не говорили, кроме как о загадочном пророке, живущем в синагоге. Они знали, что он — родственник Иосифа, и Иосиф теперь гордо признавал этот факт. Они знали, что Иосиф является потомком Давида, и это делало безразличным, кто он в остальном. Следовательно, пророк тоже является потомком Давида. Они соглашались, что это — важный знак. Иногда горожане спрашивали раввинов, но мудрецы ничего не рассказывали им, отвечая только, что есть вещи, которые людям еще рано знать. Таким образом, как обычно, священники избегали вопросов, на которые не могли ответить, в то же самое время делая вид, что знают больше, чем есть в действительности.

Затем однажды в субботу он появился в публичной части синагоги и встал рядом с теми, кто пришел молиться. Мужчина, читавший по свитку слева от него, сбивался несколько раз и разглядывал пророка уголком глаза.

Пророк сидел и слушал с отсутствующим выражением на лице.

Старший раввин неуверенно смотрел на него, затем сделал знак, чтобы свиток передали пророку. Этот приказ с колебанием выполнил мальчик, положивший свиток на руки пророка.

Пророк долго смотрел на свиток, и все решили, что он откажется читать, так как на лице его появилось испуганное выражение. Затем пророк расправил плечи и стал читать чистым голосом, почти без акцента. Он читал книгу Исаи.

Люди слушали с большим вниманием.

Дух Господен на мне; ибо Он помазал меня благовествовать нищим, и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу.

Проповедовать лето Господне благоприятное.

И, закрыв книгу и отдав служителю, сел, и глаза всех в синагоге были устремлены на Него.

От Луки, гл. 4: 18-20

Глогер не стал больше читать Ветхий Завет. Он бродил по улицам и говорил с людьми. Те относились к нему уважительно, спрашивая совета, когда нуждались, и он старался дать настолько хороший совет, насколько мог.

Он не чувствовал себя так хорошо со времени, проведенного с Евой.

И решил не портить ощущение во второй раз.

Когда люди впервые попросили его возложить руки на больного, он не пожелал, но однажды, встретившись с очевидным случаем истерической слепоты, если судить по тому, что рассказывали родственники, он возложил руки на глаза женщины, и она прозрела.

Помимо собственного желания Глогер вернулся в синагогу возбужденный. В это время, очевидно, встречается очень много различных неврозов.

Возможно, в этом виноваты исторические условия, но он не знал наверняка. В конце концов Глогер оставил догадки, решив вернуться к ним позже.

На следующий день на рыночной площади он увидел Марию. Она вела под руку своего сына-ублюдка.

Глогер торопливо повернулся и скрылся в синагоге.

Глава 15

Когда он отправился из Назарета к озеру Галлеи, его уже сопровождали. На нем была чистая льняная накидка, и двигался он с удивительным достоинством и грацией — великий лидер, великий пророк. Они думали, что он ведет их; на самом же деле они толкали его перед собой.

Тем, кто спрашивал, они говорили:

— Он — наш мессия.

И уже ходили слухи о многих чудесах.

* * *

Мое искупление, моя роль, мое предназначение. Чтобы преодолеть одно искушение, я сперва должен поддаться другому — трусость и гордость. Жить во лжи, чтобы сказать правду. Я предал столь многих, предавших меня, потому что я предал себя.

Но Моника одобрила бы мой теперешний прагматизм...

* * *

Когда он видел больного, то жалел его и не уставал делать то, что мог, потому что они ждали от него поступка. Для многих он ничего не мог сделать, но некоторым, с легко определяемыми психосоматическими заболеваниями, он мог помочь. Они верили в его силу больше, чем верили в свою болезнь. Поэтому он излечивал их.

Когда он пришел в Капернаум, около пятидесяти человек следовало за ним по улицам города. Уже стало известно, что каким-то образом он связан с Иоанном Крестителем, который обладал в Галлее значительной известностью и был объявлен истинным пророком многими фарисеями. И все же этот человек обладал властью большей, чем Иоанн. Он не был оратором, как Иоанн, но он творил чудеса.

Капернаум располагался около хрустального озера Галлеи; его дома скрывались в больших садах. Рыбачьи лодки покачивались у белых пристаней рядом с торговыми кораблями, курсирующими между прибрежными городами.

Хотя зеленые холмы окружали озеро со всех сторон, сам Капернаум был построен на ровном месте, защищенном холмами

от зноя пустыни. Это был тихий город, и, подобно многим городам в Галлее, он имел большую часть нееврейского населения. Греческие, римские и египетские торговцы ходили по его улицам, и многие имели здесь свои дома. В городе преуспевал средний класс купцов, ремесленников, судовладельцев, врачей, юристов и ученых, так как располагался Капернаум на границе провинций Галлеи, Тракокопитиса и Сирии, и, хотя и был сравнительно небольшим городом, являлся полезным узловым пунктом для торговцев и путешественников.

Станный безумный пророк в свободной льняной одежде, сопровождаемый разнородной толпой, состоящей в основном из бедняков, но в которой можно было найти и людей более значительных, вторгся в Капернаум.

Распространился слух, что этот человек может удивительным образом предсказывать будущее, что он уже предсказал арест Иоанна Иродом Антипасом. Вскоре Ирод действительно арестовал Крестителя в Перае.

Именно точность производила на них впечатление. Он не предсказывал общими словами, как это делали древние пророки. Он говорил о вещах, которые произойдут в ближайшем будущем, и он говорил о них в деталях.

Никто в этот момент не знал его имени. Это прибавляло загадочности, усиливало значительность. Он был просто пророком из Назарета, или Назарянин.

Некоторые говорили, что он родственник, возможно, сын плотника из Назарета. Но так говорили, потому что написание "сын плотника" и "маг" было почти одинаковым, и таким образом возникала путаница.

Существовало также предположение, что его имя Иисус. Имя использовали раз или два, но когда его спрашивали прямо, его ли это имя, он отрицал или отказывался говорить совсем.

В проповедях его отсутствовал огонь и направленность Иоанна, и многие его замечания казались непонятными даже священникам и ученым, чье любопытство приводило их послушать пророка.

Этот человек вещал мягким голосом, довольно невнятно, часто улыбался. О Боге он говорил странным образом, что указывало, что, как и Иоанн, он связан с ессеями, так как проповедовал против стяжательства, личного богатства и говорил о человечестве, как о всеобщем братстве.

Но именно чудеса привлекали к нему людей, которые сопровождали его в высокую синагогу Капернаума.

Ни один пророк прошлого не излечивал больных и не понимал нужды, о которых говорили ему люди. И люди реагировали скорее на сочувствие, чем на слова, произносимые им.

Иногда он замыкался в себе и отказывался говорить, углубляясь в собственные мысли, и некоторые замечали, каким страдающим становилось выражение его глаз, и они оставляли его в покое, думая, что он общается с Богом.

Но такие периоды бывали все реже, и он стал проводить больше времени с больными и несчастными, делая для них, что мог, и даже мудрые богатые люди Капернауа начали уважать его.

* * *

Возможно, наибольшим изменением в его характере было то, что в первый раз в своей жизни Карл Глогер забыл о Карле Глогере. Впервые в своей жизни он делал то, что раньше считал неспособным сделать из-за собственной слабости, и что удовлетворяло наилучшим образом все его, как неудавшегося психиатра, чаяния.

Было еще что-то, что Глогер воспринимал скорее инстинктами, нежели разумом. Сейчас у него появилась возможность искупить и оправдать все свою жизнь вплоть до того момента, когда он бежал от Иоанна Крестителя в пустыню. Правда, жизнь, которую он вел, была чужой. Он воплощал миф за поколение до того, как этот миф был порожден. Он замыкал своеобразный психический круг, уверяя себя, что не изменяет историю, а просто придает ей большую вещественность.

Так как он никогда не считал Иисуса реальным существом, его долгом теперь стало воплотить в физическую реальность то, что считалось результатом мифотворчества. Почему это важно? — спрашивал он себя, но быстро забывал вопрос, так как тот приводил его в смятение, представляя, как ему казалось, ловушку, возможность бегства или вероятность самопредательства.

Поэтому в синагогах он говорил о более добром Боге, чем большинство слышало прежде, и старался чаще употреблять притчи в тех случаях, когда мог их вспомнить.

И постепенно потребность обосновывать разумом то, что он делает, слабела, а ощущение собственной личности заменялось ощущением роли, которую он выбрал. Для ученика Джанга подобная роль была привлекательной во всех смыслах. Ее требовалось сыграть в мельчайших деталях.

Карл Глогер нашел реальность, которую искал. Хотя нельзя сказать, что у него не осталось сомнений.

Был в синагоге человек, имевший нечистого духа бесовского, и он закричал громким голосом:

Оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.

Иисус запретил ему, сказав: замолчи и выйди из него. И бес, повернув его посреди синагоги, вышел из него, нимало не повредив ему. И напал на всех ужас, и рассуждали между собою: что это значит, что Он со властью и силою повелевает нечистым духом, и они выходят?

И разнесся слух о Нем по всем окрестным местам.

От Луки, гл. 4: 33-37

Глава 16

Я знаю, что мой Спаситель жив, и что он вернется на землю.

Иов, гл. 19: 25

Массовая галлюцинация. Чудеса, летающие тарелки, призраки — это одно и то же, — говорила Моника.
— Очень вероятно, — отвечал он. — Но почему они видят их?

- Потому что хотят этого.
- А почему они хотят этого?
- Потому что испуганы.
- Ты думаешь, это все?
- Этого недостаточно?

* * *

Когда он в первый раз вышел из Капернаума, его сопровождало намного больше людей, чем тогда, когда он выходил из Назарета.

Стало невозможным оставаться в городе, так как работа практически остановилась из-за толп, жаждущих видеть его простые чудеса.

Поэтому он говорил с людьми за городом, на склонах холмов, на берегах рек.

Он проповедовал интеллигентным образованным людям, имеющим в характере что-то общее с ним. Среди них встречались владельцы рыболовных судов — Симон, Джеймс, Иоанн. Один был врачом, другой — служащим, впервые услышавшим в Капернауме его проповедь.

— Вас должно быть двенадцать, — сказал он им однажды и улыбнулся.

И он выбрал их по именам.

— Есть здесь человек по имени Петр? Есть кто-нибудь по имени Иуда?

И когда он нашел тех, кого искал, то попросил остальных отойти ненадолго, так как хотел поговорить с двенадцатью апостолами наедине.

* * *

Все должно быть настолько точным, насколько я смогу вспомнить. Будут трудности, несоответствия, но я должен, по крайней мере, обеспечить базовую схему событий.

* * *

Люди замечали, что он не был осторожен в том, что говорил. Иногда он был даже яростнее, чем Иоанн Креститель. Мало кто из пророков выказывал такую храбрость, немногие говорили с такой уверенностью в себе.

Некоторые из его утверждений казались странными. Многое из того, о чем он говорил, было для них непривычно. Некоторые фарисеи считали, что он богохульствует.

Иногда кто-нибудь пытался предостеречь его, предлагал, чтобы ради своего дела он смягчал некоторые заявления.

— Нет, я должен сказать то, что должен сказать. Это уже решено.

* * *

Однажды он встретил человека, в котором узнал есеея из колонии близ Мачаруса.

— Иоанн хочет говорить с тобой, — сказал есеей.

— Иоанн еще жив? — спросил у него Глогер.

— Он в темнице в Перае. Я думаю, Ирод слишком напуган, чтобы казнить его. Он позволяет Иоанну ходить по залам и садам дворца, позволяет ему говорить со своими людьми, но Иоанн опасается, что Ирод скоро найдет в себе мужество обезглавить его или забить камнями. Иоанн нуждается в твоей помощи.

— Но как я могу помочь ему? Он должен умереть. Для него не осталось надежды.

Есеей непонимающе глядел в безумные глаза пророка.

— Но, господин, нет больше никого, кто мог бы помочь ему.

— Ему нельзя помогать. Он должен умереть.

— Если ты откажешься помочь, он просил передать, что ты уже подвел его один раз, не подводи теперь.

— Я не подвожу его, я искупаю ту первую неудачу сейчас. Я сделал все, что должен был сделать — излечивал больных и проповедовал бедным.

— Я не знал, что Креститель хотел этого. Сейчас он нуждается в помощи, господин. Ты мог бы спасти ему жизнь. Ты

обладаешь властью, и люди прислушиваются к твоим советам. Ирод не откажет тебе.

Пророк отвел есеея в сторону от двенадцати избранных.

— Ему нельзя спасти жизнь.

— Это Божья воля?

Пророк помолчал, глядя в землю.

— Иоанн должен умереть.

— Господин, это Божья воля?

Пророк поднял глаза и произнес торжественно:

— Если я Бог, тогда это Божья воля.

Есеей безнадежно повернулся и пошел прочь.

Пророк вздохнул, вспоминая Крестителя и то, как хорошо он отнесся к нему. Это Иоанн, главным образом, спас ему жизнь. Но он ничего не мог сделать. Иоанну Крестителю суждено было умереть.

* * *

Со своими последователями он двигался дальше по Галлее. Не считая двенадцати апостолов, остальные, следовавшие за ним, являлись бедными людьми. Для них он представлял единственную надежду на счастье. Было много таких, кто готовился вместе с Иоанном выступить против римлян. Но теперь Иоанн оказался в тюрьме.

Может, этот человек поведет их на восстание, на грабеж богатств Иерусалима, Джерико и Кесарии?

Усталые и голодные, с глазами, ослепленными солнцем, они следовали за человеком в белой накидке. Они нуждались в надежде, и они нашли надежду. Они видели, как он творит великие чудеса. Однажды он проповедовал им с лодки, и когда он шел назад к берегу по мелководью, им показалось, что он идет по воде.

Всю осень они провели в Галлее, и тогда распространилось известие о казни Иоанна. Отчаяние из-за смерти Крестителя обернулось обновленной надеждой на пророка для тех, кто знал его.

В Кесарии их прогнали из города римские стражники, привыкшие к пророчащим варварам, скитающимся по сельским районам.

По мере того, как слава пророка росла, им запретили входить в другие города. Не только римские, но и еврейские власти не желали терпеть нового пророка подобно тому, как терпели Иоанна. Политический климат менялся.

Становилось трудно добывать пищу. Они жили тем, что могли найти, голодая, подобно животным.

Карл Глогер, психиатр, гипнотизер, мессия, научил их, как внушать себе, будто сыт, отвлекая ум от голода.

И приступили фарисеи и саддукеи* и, искушая Его, просили показать им знамение с неба.

Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно,

И поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете.

От Матфея, гл. 16: 1-3

— Ты должен быть более осторожен. Тебя побьют камнями. Они убьют тебя!

— Они не побьют меня камнями.

— Таков закон.

— Не это — моя судьба.

— Ты не боишься смерти?

— Она — не самый мой большой страх. Я боюсь собственного призрака. Я боюсь, что сон кончится, боюсь...

Но я не одинок теперь.

Иногда его убежденность в избранной роли колебалась, и тех, кто следовал за ним, охватывала тревога, когда он сам себе начинал противоречить.

Теперь они часто называли его именем, которое слышали от других — Иисус Назарянин.

В большинстве случаев он не отрицал этого имени, но иногда сердился и кричал странные каркающие слова:

— Карл Глогер! Карл Глогер!

И они говорили: смотри, он разгваривает голосом Адоная.

* Саддукеи — консервативная часть высшего духовенства и аристократии в Древней Иудее.

— Не называйте меня этим именем! — кричал он, и они беспокоились и оставляли пророка одного, пока не утихал его гнев. Обычно потом он искал их, будто страхась находиться в одиночестве.

* * *

Я боюсь собственного призрака. Я боюсь одинокого Глогера.

* * *

Они заметили, что он не любит собственное отражение, и они сказали, что он скромн, и в этом его величие.

* * *

Когда погода изменилась, и пришла зима, они вернулись в Капернаум, ставший опорным пунктом его последователей.

В Капернауме он ждал окончания зимы, говоря со всеми, кто слушал, и большинство его слов являлось пророчествами.

Многие из этих пророчеств касались его самого и судьбы тех, кто следовал за ним.

Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

От Матфея, гл. 16: 20-21

Они смотрели телевизор в ее квартире. Моника ела яблоко. Это было между шестью и семью часами темным воскресным вечером. Огрызком Моника указала на экран.

— Посмотри, что за чушь. Честно признайся, она для тебя что-нибудь значит?

Шла религиозная передача, посвященная поп-опере в церкви Хемпстеда. Опера повествовала о распятии.

— Поп-группа на церковной кафедре, — сказала она. — Какое падение!

Он не ответил. Каким-то образом передача показалась непристойной и ему. Он не стал спорить с Моникой.

— Труп Бога действительно загнивает, — глумилась она. — Фу! Что за вонь!

— Выключи телевизор...

— Как называется пол-группа? Маготы?

— Очень смешно. Тогда я выключу сам.

— Нет, я хочу досмотреть. Это забавно.

— О, выключи его!

— Имитация Христа! — фыркнула она. — Это неудачная карикатура!

Певец-негр, игравший роль Христа и невыразительно певший под банальный аккомпонимент, затянул безжизненную лирику о братстве людей.

— Если голос Христа звучал так же, неудивительно, что его приколотили гвоздями, — сказала Моника.

Глогер протянул руку и повернул выключатель.

— Мне понравилась передача, — сказала она с притворным разочарованием. — Это была славная лебединая песня.

Позже она сказала с некоторой симпатией, встревожившей его:

— Ты — старый чудака. Какая жалость. Ты мог бы стать Джоном Уэсли или Кальвином, или еще кем-нибудь. Но ты не можешь стать мессией в наши дни на собственных условиях. Здесь нет никого, кто стал бы тебя слушать.

Глава 17

Пророк жил в доме человека по имени Симон, хотя пророк предпочитал называть его Петром. Симон был благодарен пророку, вылечившему его жену от болезни, которой она долгое время страдала. Это была странная болезнь, но пророк вылечил ее почти без труда.

В это время в Капернаум приходило очень много людей повидать пророка. Симон предостерегал его, что некоторые являются хорошо известными агентами римлян или враждебных фарисеев. Многие фарисеи не питали антипатии к пророку, хотя их беспокоили бытовавшие в народе разговоры о чудесах. К тому же политическая атмосфера становилась беспокойной, и римские оккупационные силы, начиная с Пилата и кончая самым последним из солдат, жили в постоянном напряжении, ожидая взрыва народного недовольства и не наблюдая при этом ни одного явного признака его.

* * *

Обычно воздержанный, Пилат разбавил водой небольшое количество вина на дне чаши и стал обдумывать положение.

Он надеялся, что беспорядки приобретут глобальный характер.

Если какой-нибудь отряд бунтовщиков, подобных zelotам, атакует Иерусалим, это послужит Тиберию доказательством, что он оказался, вопреки советам Пилата, слишком мягок с евреями по вопросу о щитах обетов. Пилат будет оправдан, и его власть над евреями возрастет. Возможно, тогда он сможет воплощать реальную политику. В последнее время он был в плохих отношениях с тетрархами провинций, в особенно ненадежных — с Иродом Антипасом, который одно время являлся его единственным сторонником.

Кроме политики его беспокоила еще и неуютная атмосфера в семье, отягощающаяся нервной болезнью жены, снова страдающей от ночных кошмаров и требующей больше внимания, чем он мог уделять ей.

Появилась возможность, думал Пилат, спровоцировать инцидент. Но надо быть осторожным, чтобы Тиберий не узнал об этом.

Интересно, сможет ли этот новый пророк сыграть ему на

руку? До сих пор он только разочаровывал, не преступая законов ни евреев, ни римлян, хотя позволял себе нападки на официальное духовенство. Однако, на это не обращали внимания — в обычае евреев хулить духовенство в целом. А сами священники слишком самодовольны, чтобы замечать это. Нет закона, запрещающего человеку объявить себя мессией, как сделал, по утверждению некоторых, этот пророк. И он вряд ли подбивал людей на восстание — скорее напротив. Также нельзя арестовать человека на основании того, что некоторые его последователи являются бывшими сторонниками Иоанна Крестителя. Дело Крестителя закончилось ничем из-за панического страха Ирода.

Глядя из окна покоев на минареты и шпили Иерусалима, Пилат раздумывал над информацией, доставленной агентами.

* * *

Вскоре после праздника, называемого римлянами Вакханалией, пророк и его последователи снова покинули Капернаум и отправились в путешествие по стране.

На сей раз чудес было меньше, что объяснялось сменой времени года. Но люди страстно ждали проповедей пророка. Он предупреждал их об ошибках, которые будут совершены в будущем; об преступлениях, совершенных его именем; и он умолял их подумать, прежде чем действовать во имя Христа.

Он шел через Галлею, через Самарию, постепенно приближаясь к Иерусалиму.

Приближалось время еврейской Пасхи.

* * *

Я сделал все, что мог вспомнить. Я творил чудеса, я проповедовал, я выбрал учеников. Но все это оказалось легким делом, потому что я был тем, что требовали от меня люди. Я — их творение.

Достаточно ли я сделал? Безвозвратно ли определен курс истории?

Мы скоро узнаем.

* * *

В Иерусалиме римские чиновники обсуждали грядущий праздник. Он всегда оказывался временем наихудших непри-

ятностей. Прежде во время Пасхи уже случались бунты, и, несомненно, в этом году тоже будут волнения.

Пилат попросил фарисеев придти к нему. Когда они прибыли он дружелюбно поговорил с ними, попросив содействия.

Фарисеи обещали сделать все, что смогут; но их не должны обвинять, если люди поведут себя неразумно.

Пилат остался доволен. Все теперь знают, что он пытался предотвратить беспорядки. И если что-нибудь произойдет, его никто не обвинит.

— Видите! — сказал он своим людям. — Что еще можно здесь сделать?

— Мы как можно скорее отзовем в Иерусалим войска, — сказал его заместитель. — Но нам и так не хватает сил, чтобы контролировать всю страну.

— Нужно сделать все, что возможно, — сказал Пилат.

Когда офицеры ушли, Пилат послал за агентами. Те сообщили ему, что новый пророк приближается к Иерусалиму.

Пилат потер подбородок.

— Он совершенно безвреден, — сказал один из людей.

— Может быть, он безвреден сейчас, — ответил Пилат. — Но если он войдет в Иерусалим во время Пасхи, это может послужить толчком к волнениям.

* * *

За две недели до Пасхи пророк достиг города Бетани близ Иерусалима. У некоторых его галлейских последователей в Бетани были знакомые, и эти люди охотно дали приют человеку, о котором слышали много чудесных историй от паломников, направлявшихся в Иерусалимский Великий храм.

Причина, по которой пророк остановился в Бетани, заключалась в числе людей, следовавших за ним.

— Их слишком много, — сказал он Симону. — Слишком много, Петр.

Лицо пророка было теперь изможденным. Глаза запали, и он мало говорил.

Иногда он недоуменно озирался, будто не понимая, где находится. Его предупреждали, что агенты римлян интересуются им. Известие пророка не беспокоило. Напротив, он задумчиво кивнул, будто удовлетворенный.

— Говорят, Пилат ищет козла отпущения, — предупредил Иоанн.

— Тогда он найдет его, — ответил пророк.

Однажды вместе с двумя учениками он отправился взглянуть на Иерусалим. Ярко-желтые стены города в полуденном зное являли впечатляющее зрелище. Башни и высокие здания, богато украшенные цветной мозаикой, были видны с расстояния в несколько миль.

Пророк повернул обратно в Ветань.

* * *

Вот он, передо мной, а я боюсь. Боюсь смерти и боюсь богохульства.

Но нет другого пути. Нет другого способа завершить дело — только пройти до конца.

* * *

— Когда мы пойдем в Иерусалим? — спросил один из его учеников.

— Еще рано, — сказал Глогер. Плечи его ссутулились, и он обхватил грудь руками, будто от холода.

* * *

За два дня до Пасхи пророк повел своих людей к горе Оливон, к пригороду Иерусалима, располагающему на склоне горы и называемому Босфейдж.

— Достаньте мне осла, — сказал он им. — Осленка. Необходимо исполнить пророчество.

— Тогда все они поймут, что ты мессия, — сказал Андрей.

— Да.

Пророк вздохнул.

* * *

Это незнакомый страх. Он более похож на страх актера перед финалом, перед самой драматической сценой.

* * *

На верхней губе пророка проступил холодный пот. Он вытер его.

В скудном свете он рассматривал людей, окруживших его. Он все еще сомневался в некоторых из них. Здесь присутствовало десять человек. Двое искали осла.

Дул легкий теплый ветерок. Они стояли на склоне горы Оли-

вон, глядя на Иерусалим и Великий храм, расположенные у подножия.

— Иуда? — неуверенно позвал Глогер.

Среди них был один по имени Иуда.

— Да, господин, — сказал он. Это был высокий, приятной наружности человек с курчавыми рыжими волосами и бегающими умными глазками. Глогер был убежден, что Иуда эпилептик.

Задумчиво посмотрел Глогер на Иуду Искарота.

— Я хочу, чтобы ты позднее помог мне, — сказал он. — Когда мы войдем в Иерусалим.

— Как, господин?

— Ты должен доставить сообщение римлянам.

— Римлянам? — забеспокоился Иуда. — Почему?

— Это должны быть римляне, а не евреи. Те используют камни, кол или топор. Больше я скажу тебе, когда придет время.

Небо потемнело, и над горой Оливон показались звезды. Стало прохладно. Глогер задрожал.

Глава 18

Возрадуйся, о, дочь Сионы,
Кричи, о, дочь Иерусалима:
Смотри, король едет к тебе!
Он справедлив и несет спасение;
Медленно едет он на осле,
На молодом осле, на осленке.

Захария, гл. 9: 9

Оса на! Оса на! Оса на!
Когда Глогер въезжал на осле в город, его последователи и приверженцы бежали впереди, бросая на землю пальмовые ветви. По обеим сторонам улицы стояли толпы, предупрежденные апостолами о его приходе.

Все видели воочию, как пророк изрекает, и в него поверили почти все — что он пришел, чтобы именем Адоная вести их против римлян. Может, сейчас он направляется к дому Пилата, чтобы предстать перед прокуратором.

— Оса на! Оса на!

Глогер рассеянно оглядывался. Спина осла, хотя и смягченная одеялом, была неудобной. Он ерзал и цеплялся за гриву животного. Слова, слышимые им, невозможно было разобрать отчетливо.

— Оса на! Оса на!

Это походило на “осанна” (“слава” по-арабски), но потом он догадался, что они кричат по-арамейски “Освободи нас!”

— Освободи нас! Освободи нас!

В эту Пасху против римлян хотел выступить Иоанн. Многие жаждали принять участие в восстании.

Они думали, что он занял место Иоанна — предводителя восставших.

— Нет, — тихо пробормотал он, глядя на восторженные лица. — Нет, я мессия. Я не могу освободить вас. Я не могу...

Их вера ни на чем не основывалась, но его слова не были слышны из-за криков толпы.

Карл Глогер растворился в Христе, и Христос вошел в Иерусалим. Спектакль подходил к кульминации.

— Оса на!

Он не мог помочь им, так как этого не было в сценарии.

* * *

Это его плоть.

Это его плоть, и кто бы не пожелал ее — получали все.

Она больше не принадлежала ему.

Сказав это, Иисус возмущился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит.

Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал к груди Иисуса.

Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.

Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмокнув кусок хлеба, подам. И, обмокнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту.

И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее.

От Иоанна, гл. 13: 21-27

Иуда Искарриот, хмурясь от некоторой неуверенности, покинул помещение и вышел в толпу на улицу, направившись к дворцу правителя. Он должен был выполнить свою часть плана — обмануть римлян и поднять людей на защиту Иисуса, — но считал задуманное безрассудно отчаянным. Настроение толпившихся на улицах женщин, детей и мужчин было истеричным. Гораздо больше, чем обычно, римских солдат патрулировало город.

— У них нет повода арестовать тебя, господин, — сказал он пророку.

— Я дам им повод, — ответил пророк.

* * *

Другого способа организовать это не было.

Он и не думал, что каждая подробность будет иметь значение.

* * *

Пилат был полным человеком несмотря на то, что мало ел и пил. Рот его капризно кривился, а большие, неглубоко сидящие глаза неприязненно смотрели на еврея.

— Мы не платим тем доносчикам, чья информация оказывается недоброкачественной, — предупредил он.

— Мне не нужны деньги, господин, — сказал Иуда, стараясь держаться подобострастно, как того ожидали от евреев римляне. — Я — лояльный подданный императора.

— Кто этот бунтовщик?

— Иисус из Назарета, господин. Он прибыл в город сегодня...

— Я знаю, видел его. Но я слышал, что он проповедует мир и подчиняется закону.

— Чтобы обмануть тебя, господин. Но сегодня он выдал себя, обманув фарисеев, и говорил против римлян. Он открыл истинные намерения.

Пилат нахмурился. Заявление походило на обман, столь характерный для этого скользкого народа.

— У тебя есть доказательства?

— Найдется сотня свидетелей.

— У свидетелей плохая память, — заметил Пилат. — Как мы отыщем их?

— Тогда я засвидетельствую его вину. Я — один из его учеников.

Это казалось слишком убедительным, чтобы быть правдой. Пилат поджал губы. Он не мог позволить себе обидеть фарисеев. Они уже и так доставили ему достаточно неприятностей. Кай-фас, в особенности, сразу же закричит: "Несправедливости!", если он арестует этого пророка.

— Ты говоришь, он обидел священников?

— Он говорит, что является законным королем Иудеи, потомком Давида, — сказал Иуда, повторив то, что велел ему сказать пророк.

— Неужели? — Пилат задумчиво взглянул в окно.

— Что же касается фарисеев, господин...

— Что еще?

— Они хотели бы видеть его мертвым. Я знаю это из досто-

верного источника. Хотя некоторые из фарисеев, несогласные с большинством, пытались предупредить пророка, чтобы тот бежал из города. Но пророк отказался.

Пилат кивнул. Прикрыв глаза, он обдумал эту информацию. Фарисеи могут ненавидеть пророка, но они не откажутся сделать политический капитал на его аресте.

— Фарисеи хотят, чтобы пророк был арестован, — продолжал Иуда. — Люди хотят слушать пророка, и сегодня многие уже бунтовали в Храме от его имени.

— Это были его люди? — Действительно, полдюжины каких-то негодяев напали в Храме на разменщиков денег и пытались ограбить их.

— Спроси арестованных, кто вдохновлял их на преступление, — сказал Иуда. — Это были люди Назарянина.

Пилат пожевал губу.

— Я не могу арестовать его, — сказал он.

Ситуация в Иерусалиме становилась взрывоопасной, и если арестовать этого "короля", то можно спровоцировать большое восстание, с которым Пилату не справиться. Он хотел беспорядков, но не хотел оказаться их причиной. Тиберий обвинит его, а не евреев. Тем не менее, если арест совершат евреи, это отвлечет гнев жителей от римлян настолько, что войска смогут контролировать положение. Надо убедить фарисеев, чтобы они совершили арест.

— Подожди здесь, — сказал он Иуде. — Я отправлю сообщение Кайфасу.

Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим; посидите здесь, пока я помолюсь.

И взял с собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать.

И сказал им: душа Моя скорбит смятенно, побудьте здесь, и бодрствуйте.

От Марка, гл. 14: 32-34

Глогер видел, как приближается толпа. Впервые после Назарета он почувствовал себя физически слабым и изможденным.

Они собираются убить его. Он должен умереть, он смирился с этим, но боялся грядущей боли. Глогер сел на землю, наблюдая за приближающимися факелами.

* * *

— Идеал мученичества существовал только в умах немногочисленных аскетов, — говорила Моника. — Иначе он превращается в мрачный мазохизм, легкий путь отказаться от обычной ответственности, метод удержать под контролем угнетенный народ...

— Не так все просто...

— Это так, Карл.

* * *

Теперь он мог доказать Монике.

Он сожалел только о том, что она вряд ли когда узнает.

Глогер намеревался описать все и положить записи в машину времени, надеясь, что ее когда-нибудь найдут. Странно. Он не являлся религиозным фанатиком в обычном смысле этого слова. Скорее, он агност. Не убеждение заставляло его защищать религию от циничного презрения Моника, а скорее отсутствие убеждения в идеале, в который она помещала свою веру: идеал науки, как решение всех проблем. Глогер не мог разделить ее веру, и не оставалось ничего, кроме религии, хотя он и не верил в Бога христиан.

Бог, рассматриваемый, как мистическая сила, любой религией, не был для него достаточно персонифицирован. Рациональный ум Глогера говорил, что Бог не существует ни в какой физической форме. Подсознание же утверждало, что одной веры в науку недостаточно. Глогер вспомнил отвращение к себе, которое когда-то чувствовал, и удивился ему.

* * *

— Наука фундаментально противоположна религии, — сказала как-то Моника. — Как бы иезуиты не сплывались и не рационализировали свои взгляды на науку, все равно религия не может признать основные позиции науки, а науке присуще атаковать основные позиции религии. Единственная область, где нет различий и необходимости противоборствовать — это безоговорочное допущение. Человек не может допускать суще-

ствование Бога. Как только он начинает защищать свое допущение, неизбежна стычка.

— Ты говоришь об организованной официальной религии...

— Я говорю о религии, как противостоянии вере. Кому нужны ритуалы религии, когда вместо них мы имеем более веские ритуалы науки? И не нужно искать им замену, Карл. Наука предлагает солидный базис для формирования систем мысли и этики. И уже не нужна морковка небесного царства и большая палка ада, когда наука может показать последствия поступков и действий; и человек может легко судить сам, правильны или нет эти действия.

— Я не могу принять это.

— Потому что ты болен. Я тоже больна, но, по крайней мере, могу видеть обещание здоровья.

— А я могу видеть только угрозу смерти.

* * *

Иуда, как было договорено, поцеловал его в щеку, и их окружили храмовые стражники и римские солдаты.

Римлянам он сказал с некоторым усилием:

— Я король Иудеев.

Слугам фарисеев он сказал:

— Я мессия, который пришел уничтожить ваших хозяев.

Теперь он был обречен, и начинался последний ритуал.

Глава 19

Суд был пестрым — смесь римлян и еврейских законников, в целом не удовлетворяющая никого. Соглашения достигли с трудом — после нескольких совещаний Понтия Пилата с Кайфасом и трех попыток приспособить и слить воедино различные системы законов для того, чтобы удовлетворить требования ситуации. Но обоим требовал козел отпущения, и поэтому, в конце концов, результат был достигнут, и безумца осудили с одной стороны за восстание против Рима, с другой — за ересь.

Особенностью суда было то, что свидетели оказались приверженцами пророка. И все же они стремились увидеть его осужденным.

— О, эти мрачные фанатики, — сказал Пилат. Он был доволен.

Фарисеи согласились, что римский метод казни лучше подходит времени и ситуации, и безумца решено было распять. Однако, человек этот обладал влиянием, поэтому появилась необходимость использовать некоторые из испытанных римских методов унижения для того, чтобы показать верующим, насколько он жалок и смешон.

Пилат заверил фарисеев, что проследит за этим, но потребовал, чтобы те подписали документы, одобряющие его действия.

Приговоренный казался почти довольным, хотя и выглядел отрешенно. Он достаточно наговорил во время суда, чтобы погубить себя, но очень мало сказал в свою защиту.

* * *

Дело сделано.

Моя жизнь оправдана.

А воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк, и одели Его в багряницу, и сплели терновый венец, возложили на Него.

И начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский! И били Его по голове тростью, и

плевали на Него и, становясь на колени, кланялись Ему.

Когда же насмеялись над Ним, сняли с него багряницу, одели Его в собственные одежды Его, и повели Его, чтобы распять Его.

От Марка, гл. 15: 16-20

— О, Карл, ты сделаешь все, чтобы привлечь к себе внимание...

— Вы любите свет рампы, юноша...

— Господи, Карл, чего ты не сделаешь ради внимания...

* * *

Не сейчас, не это. Так слишком благородно. Не смеются ли над ним они, чьи лица видны сквозь туман боли?

Нет ли там и его лица, в чьих глазах жалость к самому себе? Его собственный призрак?..

Но избавиться от чувства глубокого удовлетворения он не мог. Впервые оно было настолько всеобъемлющим.

* * *

Мозг затуманили боль и позор ритуального унижения.

Он слишком ослаб, чтобы нести тяжелый деревянный крест, и для этой цели римляне наняли сирийца, тащившего на Голгофу крест перед Глогером.

Спотыкаясь, шел он по запруженным народом молчащим улицам, провожаемый взглядами тех, кто мечтал, что он поведет их против римлян. Глаза отказывались ясно видеть, и иногда он случайно сбивался с дороги, и римский стражник пихал его обратно.

* * *

— Ты слишком эмоционален, Карл. Почему ты не хочешь держать себя в руках?..

Глогер вспомнил слова, но не мог вспомнить, кто говорил их, и кто такой Карл.

* * *

Иногда он спотыкался о камни на дороге, ведущей вверх по склону горы, и вспоминал при этом другой склон, на который взбирался. Ему казалось, что тогда он был ребенком, но воспоминания сливались, путались, и невозможно стало точно определить что-либо.

Он дышал неглубоко и с трудом. Колючки на голове почти не чувствовались, но все тело дрожало, кажется, в унисон с бием сердца. Так вибрирует барабан.

Наступал вечер, садилось солнце. Перед самой вершиной он упал лицом вниз, разбив щеку об острый камень, и потерял сознание.

* * *

Он был ребенком. Может, он все еще ребенок? Они не убьют ребенка. Если он объяснит, что он ребенок...

И привели Его на место Голгофу, что значит:
лобное место.

И давали Ему пить вино со смирною, но Он
не пришел.

От Марка, гл. 15: 22-23

От отпихнул чашу в сторону. Солдат пожал плечами и потянулся за его рукой. Второй солдат уже держал другую руку. Когда вернулось сознание, он неудержимо задрожал, чувствуя режущую боль в местах, где веревки впивались в кожу запястий и лодыжек. Он боролся с болью.

Затем Глогер почувствовал, как что-то холодное прикоснулось к его ладони. Оно было тяжелым, но заняло мало места, прямо в центре ладони. Раздался звук, совпадающий с ритмом его сердцебиения. Глогер повернул голову и посмотрел на ладонь. Он увидел руку мужчины.

В ладонь вбивали большой железный костыль. Солдат орудовал деревянным молотком, а Глогер лежал на тяжелом деревянном кресте, положенном плашмя на землю. Наблюдая, он удивлялся, почему не чувствует боли. Солдат взмахнул молотком сильнее, так как костыль встретил сопротивление дерева. Дважды он ударил мимо костыля и попал по пальцам Глогера.

Повернув голову, Карл Глогер увидел, что второй солдат вбивает другой костыль. Очевидно, он много раз промахивался, так как пальцы на этой руке были окровавлены.

Первый солдат закончил с рукой и принялся за ноги. Глогер почувствовал, как железо проскользнуло сквозь плоть, услышал удары молотка.

Потом с помощью примитивного блока солдаты стали поднимать крест в вертикальное положение. Глогер заметил, что он один. Никого в этот день больше не распинали.

* * *

Воздвижение креста закончилось.

Глогер ясно видел огни Иерусалима. Небо быстро теряло последние проблески света.

Скоро станет совершенно темно.

За казнью наблюдала маленькая толпа. Одна из женщин показала ему знакомой. Глогер окликнул ее:

— Моника?

Но голос его сорвался, и сказанное слово в толпе не услышали. Женщина не смотрела вверх.

Затем Глогер почувствовал свое тело, обвисшее на гвоздях, целиком. В левой руке проснулась боль. Кажется, рука сильно кровоточила.

Странно, подумал Глогер, оказаться распятым. Ведь я явился сюда, чтобы быть свидетелем. Но теперь не осталось сомнений. Все прошло превосходно.

Боль в левой руке усилилась.

Он посмотрел на римских стражников, играющих в кости у основания креста, и улыбнулся. Игра поглотила их. Отсюда Глогер не мог различить обозначения граней костей. Он вздохнул. Движение груди добавило нагрузки на руки. Боль теперь стала очень сильной.

Он поморщился и попытался как-нибудь облегчить боль, упираясь спиной о дерево. Дышалось с трудом, боль начала распространяться по телу. Он сжал зубы. Это ужасно. Судорожно вздохнув и извиваясь в путах, он закричал.

В небе исчез последний луч света. Тяжелые облака закрыли луну и звезды.

Снизу доносились голоса

— Отпустите меня! — закричал он. — О, пожалуйста, отпустите меня!

* * *

Я всего лишь маленький мальчик.

* * *

— Убирайся ты, сука!

* * *

Боль переполняла его. Он судорожно ловил ртом воздух, уронив голову на грудь. Но никто не освободил его.

* * *

Немного позже он нашел в себе силы оглядеться. Движение отзывалось вспышкой боли в теле, и он снова изогнулся на кресте. Не хватало воздуха.

— Отпустите меня, пожалуйста. Пожалуйста, прекратите!

Каждая клеточка его тела, каждый мускул, каждое сухожилие были наполнены невозможной болью.

Он знал, что не доживет до утра, хотя раньше думал, что сможет.

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! Ламма савахоании? что значит: Боже Мой! Боже Мой! Для чего ты меня оставил?

От Марка, гл. 15: 34

Он закашлялся сухим, едва слышным звуком. Солдаты под крестом слышали его потому, что ночь была очень тихой.

— Смешно, — сказал один. — Вчера они поклонялись ублюдку. Сегодня они, кажется, хотели убить его — даже те, кто был ближе всех.

— Когда мы уйдем из этой страны, я вздохну с облегчением, — сказал его товарищ.

* * *

Они не убьют ребенка, думал он.

* * *

Снова голос Моники:

— Это слабость и страх, Карл, привели тебя к такому концу. Мученичество — обман.

Он кашлянул еще раз, и боль вернулась; но на этот раз она была слабее. Дыхание замедлялось.

Перед тем, как умереть, он снова заговорил:

— Это ложь... это ложь... это ложь... — пока дыхание не прекратилось.

Позднее тело похитили слуги врача, считавшего, что оно обладает особыми свойствами, так как ходили слухи, будто пророк не умер. Но труп вскоре стал разлагаться, и его уничтожили.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАЙКЛА МУРКОКА

Copy-
right

John Daker

Джон Дейкер

1. The eternal Champion 1956
2. Phoenix in Obsidian 1970
(The silver Warriors) 1962
3. The Dragon in the Sword 1981
4. The Swords of heaven: the 1983
flower of Hell (+Howard
Chaikin) | 1. Вечный победитель
2. Феникс в обсидиане
(Серебряные воины)
3. Дракон в мече
4. Мечи небес: цветы ада
(+Говард Чайкин) |
|--|---|

Elric

Эльрик

1. Elric of Melnibone 1972
(The dreaming City) 1965
2. The Sailor on the Seas of 1976
Fate
(The jade man's Eyes) 1967
3. The Weird of the white 1961
Wolf
4. The vanishing Tower 1970
(The sleeping Sorceress) 1972
5. The Bane of the black 1977
Sword
(The Stealer of Souls) 1963
6. Stormbringer 1977 | 1. Эльрик из Мельнибонэ
(Город Мечты)
2. Плывущий по морям
судьбы
(Глаза нефритового челове-
ка)
3. Проклятие белого волка
4. Исчезающая башня
(Спящая колдунья)
5. Проклятие черного меча
(Похититель душ)
6. Буреносец |
|--|---|

Corum

Корум

1. The Knight of the Swords 1971
2. The Queen of the Swords 1972 | 1. Валет мечей
2. Королева мечей |
|---|-------------------------------------|

3. The King of the Swords	1972	3. Король мечей
4. The Bull and the Spear	1973	4. Бык и копье
5. The Oak and the Ram	1973	5. Дуб и баран
6. The Sword and the Stallion	1974	6. Меч и жеребец

Dorian Hawkmoon

Дориан Хокмун

1. The Jewel in the Scull	1967	1. Драгоценность в черепе
2. The mad good's Amulet (Sorceres Amulet)	1977	2. Амулет безумного бога (Амулет колдуна)
3. The Sword of the Dawn	1968	3. Меч Зари
4. The Runestaff	1977	4. Руинный Посох
(The Secret of the Runestaff)	1969	(Загадка Рунного Посоха)
5. Count Brass	1973	5. Граф Брасс
6. The Champion of Garathorm	1973	6. Победитель Гораторма
7. The Quest for Tanelorn	1975	7. Поход в Танелорн

Michael Kane

Майкл Кэйн

1. Warriors of Mars — Edward P. Bradbury	1965	1. Воины Марса — Эдвард П. Бредбери
(The City of the Beast)		(Город Зверя)
2. Blades of Mars	1965	2. Клинки Марса
(The Lord of the Spiders)		(Повелитель пауков)
3. Barbarians of Mars	1965	3. Варвары Марса
(The masters of the Pit)		(Хозяева ямы)

Jerry Cornelius

Джерри Корнелиус

1. Final Programme	1965	1. Последняя программа
(The last days of man of ears)	1969	(Последние дни ушастого)
2. The english Assasian	1972	2. Английский террорист
3. Condition of Musac	1977	3. Условие Мюзака

4. The Cornelius chronicles	1977	4. Хроники Корнелиуса
5. The Lives and Times of Jerry Cornelius	1976	5. Жизни и времена Джерри Корнелиуса
6. The adventures of Una Persson and Katherine Cornelius in the Twentief Century	1976	6. Приключения Уны Перссон и Катерины Корнелиус в двадцатом веке
7. The Nature of the Catastrophe	1971	7. Природа катастрофы
8. A Cure for Cancer	1971	8. Лечение от рака

Dancer in the End of Time

Танцоры в Конце Времени

1. An alien Heat	1972	1. Чуждое тепло
2. The hollow Lands	1974	2. Пустые земли
3. The End of all Songs	1976	3. Конец всех песен
4. Legends from the End of Time	1976	4. Легенды из Конца Времени
5. The Transformation of Miss Ming
(A Messiah at the End of Time)	1977	5. Трансформация мисс Минг
(Мессия в Конце Времени)
6. Elric at the End of Time	1984	6. Эльрик в Конце Времени

Carl Glogher

Карл Глогер

1. Behold the Man	1967	1. Се человек
2. Breakfast in the Ruin	1972	2. Завтрак в руинах

Oswald Bastable

Освальд Бэстейбл

1. The Warlord of the Air	1971	1. Повелитель воздушных просторов
2. The Land Leviathan	1974	2. Земля Левиафана
3. Steel Tzar	1981	3. Стальной царь

Family Von Bek

Семья фон Бек

1. The War Hound and the 1981	1. Пес войны и боль мира
Worlds Pain	
2. The Brothel in 1982	2. Бордель на Розенштрассе
Rosenstrasse	

Jerry Kornel

Джерри Корнел

1. The Chinese Agent — Bill 1966	1. Китайский агент — Билл
Barclay	Барклай
(Somewhere in the night) 1962	(Где-то в ночи)
2. Russian Intelligence 1978	2. Русская разведка

Other Books

Романы, не входящие в серии

1. Quatlaw's own 1957	1. С о б с т в е н н о с т ь
отверженного
2. The golden Barge 1958	2. Золотая барка
3. Carribtab. Crisis — 1962	3. Карибский кризис — Де-
Desmond Reid; non fiction	смонд Рейд; не фантастика
4. Sundered Worlds 1962	4. Сумеречные миры
(The blood-red Game) 1972	(Кроваво-красная игра)
5. The Fireclown 1965	5. Огненный шут
(The Winds of Limbo) 1972	(Ветра Лимбо)
6. The Twilling Man 1966	6. Сумеречный человек
(The Shores of Death) 1973	(Берега смерти)
7. The LSD dossier (ghosted 1966	7. Л С Д - д о с ь е
for Rodger Harris)	(привидевшееся Роджеру
Харрису)
8. Printers Devil 1966	8. Дьявол печатника
9. The deep Fix — James 1966	9. Глубокая фиксация (сб.)
Colvin	— Джеймс Колвин
10. Wrecks of Time — 1967	10. Обломки времени —
James Colvin	Джеймс Колвин
(The Rituals of Infinity) 1971	(Ритуалы бесконечности)

11. The Ice Schooner	1969	11. Ледовая шхуна
12. The Black Korridor (+Hilary Beily)	1969	12. Черный коридор (+Хилари Бейли)
13. The Time Dweller — James Colvin	1969	13. Обитатель времени (сб.) — Джеймс Колвин
14. Heroic Dreams — non fiction	1973	14. Героические мечты — не фантастика
15. Sojan	1977	15. Соджан
(Sojan Swordsman)	1957	(Соджан-меченосец)
16. The Time of the Hawklords	1976	16. Время Ястребиных Лордов
17. Moorcock's Book of Martyrs	1976	17. Мортиролог Муркока (сб.)
18. Queens of Deliria	1977	18. Королевы Делирии
19. Gloriana (or the Unfulfill'd Queene, a Romance)	1978	19. Глориана (Романс, не исполненный королевой)
20. The great rock'n'roll swindle	1980	20. Великое мошенничество рок-н-ролла
21. The Entropy Tango	1981	21. Энтропийное танго
22. The Distant Suns	1981	22. Удаленные светила
23. Byzantium Endures	1981	23. Византийское примирение
24. The Opium General	1984	24. Опиумный генерал
25. The Lauhter of Carthage	1984	25. Смех в Карфагене
26. The Fortress of the Pearl	1985	26. Крепость жемчуга
27. The City in the Autumn Stars	1985	27. Город Осенних Звезд
28. Letters from Hollywood — non fiction	1986	28. Письма из Голливуда — не фантастика

Составление М. Холодилина

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Холодидин "МУРКОК" (очерк о творчестве писателя).....5

ЛЕДОВАЯ ШХУНА или ЭКСПЕДИЦИЯ В НЬЮ-ЙОРК

1. Конрад Арфлейн.....	19
2. Жена Ульсенна.....	26
3. "Ледовый дух".....	36
4. Гостиница "Разрушитель кораблей".....	44
5. Семья Рорсефнов.....	58
6. Китовая охота.....	68
7. Похороны на льду.....	78
8. Завещание Рорсефна.....	80
9. Совесть Ульрики Ульсенн.....	85
10. Настроение Конрада Арфлейна.....	93
11. Под парусами.....	99
12. На краю.....	105
13. Гарпун.....	119
14. Полярный.....	127
15. Страх Уркварта.....	131
16. Нападение.....	138
17. Боль.....	144
18. Туман.....	147
19. Свет.....	149
20. Зеленые птицы.....	155
21. Крушение.....	159
22. Переход.....	169
23. Обряд Ледовой Матери.....	171
24. Нью-Йорк.....	178
25. Правда.....	182
26. Север.....	186
Эпилог.....	189

ПРИШЕЛЕЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.....	191
Глава 2.....	198

Глава 3.....	208
Глава 4.....	214
Глава 5.....	222
Глава 6.....	230
Глава 7.....	237
Глава 8.....	242
Глава 9.....	246

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10.....	255
Глава 11.....	260
Глава 12.....	264

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 13.....	277
Глава 14.....	282
Глава 15.....	287
Глава 16.....	291
Глава 17.....	297
Глава 18.....	302
Глава 19.....	308

Опыт библиографии произведений Майкла Муркока.....	314
--	-----

Майкл Муркок

**ЛЕДОВАЯ ШХУНА
ИЛИ ЭКСПЕДИЦИЯ В НЬЮ-ЙОРК**

ПРИШЕЛЕЦ

Научно-фантастические романы

Подписано к печати с готовых диапозитивов 28.10.82. Формат 60х90¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура "Школьная". Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 19,37. Усл. печ. л. 20,0. Усл. кр.-отт. 20,5.
Тираж 51 000 экз. Заказ N 739. "С" N 168.

Объединение "Всесоюзный молодежный книжный центр".

Москва, 101408, ГСП-4, ул. Петровка, 28.

Отпечатано в Московской типографии N 6. Москва, Южнопортовая ул., 24.

